

Краснодарский университет МВД России

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сборник научных статей

Краснодар
2022

УДК 340.12
ББК 67.3
В74

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

Л. В. Карнаушенко, доктор исторических наук, профессор (председатель);
А. А. Швец, кандидат юридических наук, доцент
(заместитель председателя);
Е. А. Пушкарев, доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор (ответственный секретарь);
Н. Ю. Турищева, кандидат юридических наук, доцент;
З. И. Хисамова, кандидат юридических наук

Вопросы государства и права [Электронный ресурс] :
В74 сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец,
Е. А. Пушкарев и др. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский
университет МВД России, 2022. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-9266-1853-9

В сборник включены материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные вопросы теории и истории государства и права», который состоялся 18 февраля 2022 года в Краснодарском университете МВД России. Содержатся материалы по наиболее актуальным проблемам функционирования и развития государства и права, рассматриваемым с позиции современных научных подходов.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.12
ББК 67.3

ISBN 978-5-9266-1853-9

© Краснодарский университет
МВД России, 2022

Содержание

Безверхов А.Г. Система права и законодательства: понятие и соотношение.....	6
Демин А.В. Экономическая модель преступности и налоговый комплайенс: pro et contra.....	14
Карнаушенко Л.В. Проблемные аспекты становления постсоветского государства и права (1990-е гг.).....	22
Кобец П.Н. Исторический опыт и современные проблемы института возмещения вреда, причиненного в процессе совершения преступления.....	28
Ломакина И.Б. К вопросу о правовых основах бюрократической культуры: постановка проблемы.....	33
Пушкарев Е.А., Швец А.А. Традиционные ценности современной российской государственности.....	39
Байкеева С.Е. Правовая регламентация испытаний и производства в первый классный чин по гражданской службе в Российской империи.....	43
Белоусова Д.С. Прокурорско-надзорная правосубъектность транспортных прокуроров.....	47
Боков Ю.А. Выборы депутатов рейхстага как механизм легитимации публичной власти в Германской империи.....	52
Бондарь О.О., Макаренко А.И. Объединения граждан для участия в региональном правотворчестве.....	57
Бредихин А.Л. Правовое учение Ф.В. Тарановского.....	65
Варенцова Л.Ю. О даточной повинности дворцовых крестьян в годы Русско-турецкой войны (1676–1681 гг.).....	69
Василенко Н.С. Развитие гражданского общества как функция государства.....	77
Вичева А.А. Некоторые особенности взаимодействия органов публичной власти при реализации полномочий в области оказания медицинской помощи населению: муниципально-правовой аспект.....	81
Горбатенко Г.В. К вопросу о роли истории государства и права России в патриотическом воспитании граждан.....	86
Горшенева И.А., Напольских И.М. Принцип эффективности в европейском праве.....	89
Грицай В.В., Тамазова А.Д. Разрушение государственного суверенитета и усиление влияния транснациональных структур как основная тенденция развития современного мира.....	93
Долин В.А. Особенности конкордатной модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии.....	98

Жуланов А.В. Основные тенденции в развитии права в современной России.....	107
Завьялова Н.Ю. Проблемы теории прав человека в свете концепций универсализма и культурного релятивизма.....	112
Затолюкин А.А. Теоретико-правовые основы участия общественности в производстве по делам об административных правонарушениях.....	117
Злыденко Д.С. Религиозный обряд как способ нарушения авторских и смежных прав в современной России.....	122
Зырянов М.Ю. Религия как средство укрепления гражданского общества.....	128
Ибрагимов О.А. Трансформация правового статуса высшего должностного лица в единой системе публичной власти.....	133
Казачков Р.А., Бредихин А.Л. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии: предпосылки создания и структура.....	139
Казанцева Е.В., Хаваджи Д.Р. Права и свободы человека в современной теории государства и права.....	142
Казанцева Е.В. Влияние распространения Covid-19 на реализацию прав и свобод человека.....	149
Кивилев П.С. Постсоветская Конституция 1993 года как отражение государственно-правового строительства.....	153
Киринос А.В., Колесников В.А. Некоторые вопросы рационализации ведомственного образования на совещании начальников милицеских школ 1928 г.	159
Кирипа М.С. Историко-правовой экскурс в развитие Министерства внутренних дел Российской империи: 1802–1917 гг. ...	168
Кожевникова А.М. Первые годы существования советской милиции в архивных материалах Новороссийского округа.....	175
Колесникова И.Е. Решение лингвистических заданий в экспертной практике.....	180
Косых А.А. Воля, сознание и интеллект в понимании сущности права.....	183
Кужевская Е.Б., Хвостова А.В. Принцип государственной заботы в американском публичном праве.....	188
Лукашов М.Н., Пушкарев Е.А. Современный взгляд на роль А.Г. Белобородова в становлении советской власти и гибели царской семьи в начале XX века.....	196
Макарова К.В. Актуальные проблемы теории и истории государства и права.....	200
Мартынова О.А., Дякун А.А. Доказывание психологического давления, квалифицируемого как пытка или бесчеловечное отношение.....	204

Марьина Н.Н. Формы (источники) права в Российской Федерации.....	207
Михайлова Л.В. Зарождение криминальных процессов в эпоху становления водного транспорта Российской империи.....	211
Мухаметов П.А. Уфимское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны.....	220
Олейник Р.Р. Взаимодействие и конфликты религиозных и правовых норм.....	225
Саидов Ф.З. Конституционно-правовые основы взаимодействия омбудсмана Кыргызской Республики.....	228
Самарский А.Н. Изменения в советском праве в период проведения сплошной коллективизации в 30-е годы XX века.....	233
Семёнов В.Е. Политическая культура молодежи.....	238
Трифонов С.Г., Балмасова А.И. Современное видение теории разделения властей Монтескье.....	243
Чернова Э.Р. Понятие законности и ее значение в жизни общества.....	248
Чомаев А.А. Основные направления влияния цифровизации на правовую сферу общества.....	253
Шеуджен Н.А. Виды форм государственного устройства: основные понятия и характеристики.....	256

Безверхов Артур Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
и международного права Самарского национального
исследовательского университета имени академика С.П. Королева

СИСТЕМА ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ

Согласно доктрине одной из отличительных особенностей систем является их упорядоченность, которая находит выражение в структуре системы, определяет появление системных свойств, отсутствующих у образующих систему элементов и обеспечивает устойчивость системообразующих связей. Элементы, поставленные в необходимость системного взаимодействия, определенным образом приспосабливаются друг к другу и находятся между собой в отношениях подчинения (субординации), соподчинения (координации) и др. Не будет выработан определенный порядок такого взаимоотношения, взаимодействие будет невозможным, так как ни один компонент или составная часть не будут знать, как им работать на целое.

Отсюда, системой (от греч. *systema* – целое, составленное из частей) называется упорядоченное множество элементов, образующих определенную целостность (единство). Из этого понятия следует, что в целом нет ничего, кроме его составных компонентов, их взаимодействия между собой и с окружающей средой¹.

Системность находит свое выражение в праве как многомерном явлении – правовые системы (в смысле систем внутригосударственного и международного права), отрасли права, отрасли законодательства, отрасли науки, учебной дисциплины. Системный подход здесь обусловливается пониманием права в любом из приведенных выше значений как целостного системного образования, которое складывается из ряда частей и множества компонентов. В настоящей статье остановимся на понятии и соотношении системы права и законодательства.

В обыденном правосознании система права и система законодательства рассматриваются в виде деления и права, и законодательства, прежде всего, на такие автономные части, которые именуются отраслями. Такое представление о системности правовой действительности первоначально сложилось в теории права середины XX века. Система права виделась как деление всей совокупности правовых

¹ См.: Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1973. С. 19.

норм на отрасли права. Равным образом и система законодательства мыслилась в виде дифференциации на отраслевые ветви, регулирующие те или иные сферы общественных отношений. Как отмечал О.С. Иоффе в конце 50-ых годов XX столетия, «система советского права – это объективно присущая ему структура, выражающаяся в его делении на определенные отрасли (государственное право, административное право, гражданское право и т. д.)»¹. В этом контексте систему права и законодательства можно понимать как определенное число отраслей, которые взаимосвязаны единством их основания, природы и взаимодействуют между собой в установленном в соответствии с их функциональным назначением порядке; либо просто как совокупность органически взаимосвязанных и функционально упорядоченных отраслей. Системность как одно из свойств права и законодательства выражается в таком объединении множества отраслей, которые своим функционально упорядоченным взаимодействием обеспечивают их единство и целостность. При этом системная упорядоченность зависит от степени выраженности функциональных отношений между отраслями. Важно понимание того, что свою особую функцию каждая отрасль способна выполнить не сама по себе, а, во-первых, в рамках данной целостной системы и, во-вторых, в тесно взаимодействии с другими отраслями. Указание на известное «разделение труда» между разными отраслями необходимо для понимания порядка их взаимодействия в рамках единой и целостной правовой системы. Знание роли каждой отдельной отрасли помогает уяснить ее место в отраслевом соотношении, а, значит, характер и содержание межотраслевых связей, грани соотношения со смежными отраслями, что имеет немаловажное значение в целях успешной систематизации законодательства.

Спору нет, целостная система права и законодательства состоит, прежде всего, из того разряда подразделений, которые именуются отраслями. Как верно заметил С.С. Алексеев, отрасль права – это центральное звено структуры права². Вместе с тем, современная наука не допускает рассмотрение отрасли в пределах системы права и законодательства как далее неделимой единицы анализа, представляющей собой максимальный предел соответствующего системного расчленения. Как справедливо замечено, «в структуре права можно выделить следующие основные уровни: право в целом; отрасль права; подотрасль права; институт права; норма права»³. В самом деле, понятие системы права и законодательства было бы неверно отождествлять исключительно

¹ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 707.

² См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 248.

³ Теория государства и права : учебник для бакалавров / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2013. С. 315.

с отраслевой дифференциацией. В качестве элементов системы права следует называть также подотрасли, институты¹, субинституты, правовые нормы, нормативные положения и пр.

Так, исследуя уровневое строение права, зададимся вопросом: являются ли нормы права наипростейшими ингредиентами правовой действительности? Не подлежит сомнению, что и последние (подобно институту или отрасли права) имеют собственное строение. Правовая норма может состоять из гипотезы, диспозиции, санкции. По строению каждый из указанных структурных элементов нормы может быть простым, альтернативным, сложным (например, альтернативная и кумулятивная санкция). Очевидно, что рассматриваемые элементы нормы образуются из еще более простых частиц права и, соответственно, имеют свою морфологическую структуру. В этом контексте заслуживают внимания суждения С.С. Алексеева о дозволениях, позитивных обязываниях и запретах как о протоматерии, протовеществе, т. е. том первичном, исходном материале, из которого складываются основные конструктивные построения позитивного права, типы регулирования². Однако дозволения, запреты и обязывания связаны, главным образом, с таким структурным элементом нормы как диспозиция и обычно выступают в виде регулятивных методов, способов правового регулирования. С помощью последних содержанию норм придается соответствующая форма. Отсюда, по форме выражения правовые нормы подразделяются на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

Между тем есть все основания говорить о более низких уровнях строения права, где взаимодействуют наипростейшие его элементы, составляющие юридическую характеристику социально значимым проявлениям личности, общества, государства. Как представляется, в роли этих элементарных частиц права выступают правовые меры. Правовая мера есть закон структурной организации права на самом низком уровне его строения. Последний выражает соответствие всеобщности (в юридическом смысле, общеобязательности) права его качественной определенности. Всеобщность правовой формы, означающая ее относимость к различным видам действий, событий, отношений и лиц, находится во взаимосвязи с содержательной определенностью права, отражающей единые, одинаковые, «равные» свойства (признаки) юридически значимых действий, событий, отношений и лиц. Как заметил В.С. Нерсисянц, «необходимая внутренняя взаимосвязь правового равенства и всеобщности правовой формы очевидна: правовая мера всеобща лишь в тех пределах и постольку, пока и поскольку она остается единой

¹ См.: Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: НОРМА-ИНФРА-М., 1999. С. 328–329; Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 248.

² См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. С. 352.

(и, следовательно, равной) для различных объектов измерения (регуляции), в своей совокупности образующих сферу этой всеобщности, т. е. круг различных отношений, измеряемых общей (единой) мерой»¹.

Признание правовых мер элементарными частицами права обосновывается тем, что социальные нормы имеют «мерную» природу и рассматриваются в философии в виде особых общественных мер (эталонов, стандартов), сущность которых можно понять лишь на основе философского учения о мере². С другой стороны, право также выступает в виде особой меры, по выражению В.С. Нерсисянца, «меры свободы индивидов по единому масштабу». Этот ученый-юрист утверждает, что «своим всеобщим масштабом и равной мерой право измеряет, «отмеряет» и оформляет именно свободу индивидов, свободу в человеческих взаимоотношениях – в действиях, поступках, словом, во внешнем поведении людей»³. При этом под правовыми мерами следует понимать органическое единство качественных и количественных характеристик юридически значимых явлений и процессов. Именно они отражают характерные, отличительные качества, свойства, черты того или иного юридически значимого явления или процесса в их совокупности.

Вместе с тем, существуют разные типы правовых мер. Основные из них следующие – правовые условия, правовые основания и правовые последствия. Правовые условия (по-другому, мерные ситуации) есть совокупность обстоятельств возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей участников правоотношений. Правовые основания (иначе, меры поведения) определяют юридически значимые признаки, грани поведения, так сказать, «строение», «объем» деяния. Правовые последствия (другими словами, меры принуждения) указывают на вид и размер воздействия, применяемого к правонарушителям. В связи со сказанным юридические дозволения, обязывания и запреты относятся к разновидностям мер поведения, «измеряющих» правовую свободу в жизнедеятельности людей и определяющих ее пределы. При этом, как пишет В.С. Нерсисянец, для выражения большей меры правовой свободы необходимо использовать запрет, а для выражения меньшей меры свободы – дозволение (разрешение)⁴.

Также законодательство независимо от своего проявления имеет многоуровневое строение, покоящееся на всей совокупности различных по своей юридической силе нормативных правовых актов и более дробных их компонентов (частей, разделов, подразделов, глав, параграфов, статей, частей и пунктов статей), которые выступают, в свою очередь, в качестве

¹ Нерсисянец В.С. Философия права: учебник. М., 1997. С. 23.

² См.: Плахов В.Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985. С. 6.

³ Нерсисянец В.С. Указ. соч. С. 23.

⁴ См.: там же. С. 90.

самостоятельных систем более низкого порядка. Системное строение законодательства имеет своим назначением упорядочение и экономия правового материала, обеспечение его непротиворечивости и полноты регулирования общественных отношений, исключение повторов, пробелов, противоречий. Одновременно, система законодательства включает в себя отрасли, число которых значительно превышает количество отраслей права. Во-первых, это отрасли законодательства, одноименные с отраслями права; во-вторых, это комплексные отрасли законодательства, которые включают в себя нормы различных отраслей права; в-третьих, это отрасли законодательства, соответствующие сферам деятельности, управления и организации (транспортное, в сфере образования, антикоррупционное, антитеррористическое и др.).

При этом заметим, что «подотраслевое», «институциональное», «нормативное» деление на общеправовом уровне системного познания должно соотноситься с исходным положением теории систем: элементами системы признаются только те структурные единицы, взаимодействие которых и вызывает, обеспечивает присущие системе качественные особенности¹. Нельзя построить систему права путем исключительно обособления внутри отдельной отрасли родственных ей групп юридических норм – подотраслей или институтов. Отрасль по отношению к составляющим ее подотраслям и институтам выступает в виде самостоятельной целостной системы. Подотрасли и институты являются частью той или иной отрасли, т. е. компонентами системы более низкого порядка.

Следовательно, любая система означает не только совокупность нескольких элементов. Система предполагает, что эти элементы не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, то есть оказывают друг на друга то или иное влияние и имеют между собой ту или иную связь. Органическая связь, в которой находятся между собой элементы системного целого, – один из отличительных признаков системности. Ведь система – это такое образование, в котором внутренние связи элементов между собой преобладают над внешними воздействиями на них. Существование системных связей обеспечивает противостояние системы своему окружению (среде) и служит основанием того, что во взаимодействии с внешней средой система всегда выступает как единое целое².

Как утверждает А.В. Мицкевичем, долгое время, вплоть до 80-ых годов прошлого столетия, понятия системы права и законодательства

¹ См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. С. 21.

² См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. С. 19; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 61.

рассматривались в научной литературе почти исключительно в нормативно-правовом аспекте. Взаимосвязи и зависимости между правовыми явлениями в единое понятие правовой системы не сводились¹. По этому поводу в современной доктрине замечено, что признание всех отраслей однородными и отграниченными друг от друга давало одномерную, лежащую в одной плоскости картину системы права. Хотя ее сторонники не отрицали межотраслевые связи, но природа этих связей объяснялась только тем, что они имеют место, но как бы за рамками системы права². Справедливости ради заметим, что в науке тех лет были высказаны по рассматриваемому вопросу и более взвешенные суждения. К примеру, Д.А. Керимов утверждал, что системный подход к познанию правовых явлений позволяет вскрывать «внутреннее единство права, органическую взаимосвязь и гармоничное взаимодействие частей его составляющих»³. Также по мнению Л.С. Явича, «исследователь добьется успеха лишь в том случае, если он изучает нормы и институты права с учетом всей правовой системы, ее отраслей и иных подразделений»⁴.

В самом деле, правовой действительности свойственны не только дифференциация, размежевание, обособление, но и противоположно направленные течения взаимодействия и взаимосвязи. Мы имеем возможность видеть это на примерах упорядочения правовой материи: объединения разрозненных правовых норм в юридические институты, соединения родственных институтов в подотрасли, консолидация подотраслей в самостоятельные отрасли права и законодательства, в том числе формирования комплексных отраслей законодательства и пр. Следовательно, говоря о системе права и законодательства, необходимо учитывать упорядоченное взаимодействие между отраслями (типа «отрасль-отрасль») или между родственными нормами и институтами той или иной отрасли (по типу «норма-институт-отрасль»). И система права, и система законодательства связаны с тем главным свойством, которым характеризуется всякая система: с упорядочением ее содержания и структуры, созданием устойчивых внутренних связей элементов, способных выявить и обеспечить действие свойств целостной системы, не присущих ее отдельным элементам⁵. И отрасли в системе права и законодательства, и другие правовые компоненты находятся в сложной сети взаимосвязей. Они влияют друг на друга, обеспечивая функционирование соответствующей системы как целостного образования. При этом, как отмечается в Концепции развития

¹ См.: Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА-ИНФРА-М., 1999. С. 326.

² См.: Российское законодательство: проблемы и перспективы. М.: БЕК, 1995. С. 56.

³ Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 274.

⁴ Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. С. 127.

⁵ См.: Проблемы общей теории права и государства. С. 331.

отечественного законодательства, тенденции взаимосвязей подразделений законодательства со временем усиливаются¹.

Те связи между отраслями как компонентами системы права и законодательства, которые носят необходимый, существенный и устойчивый характер, признаются системообразующими. Они складываются в виде общеправовых системных закономерностей и отвечают за функционирование системы права и законодательства в целом. Систообразующие связи обеспечивают стабильность права и системную упорядоченность законодательства. Без них система права или законодательства перестала бы существовать как единое целое.

Такая сложная в своем контрасте картина характеризует в принципе любую современную правовую сферу. Разделение права и законодательства на ряд отраслей, дробление отраслей на юридические субинституты, расчленение институтов на подинституты и нормы, наконец, разложение нормы на ее структурные элементы (гипотезы, диспозиции, санкции) представляет собой столь же естественный и необходимый процесс, как и интеграция правового мира. «Развитая правовая система, – пишет С.С. Алексеев, – сложный, спаянный закономерными связями организм»². Каждый компонент правовой действительности так или иначе воздействует на другие ее составляющие и сам испытывает на себе их ответное влияние.

Справедливо утверждение, что наука ищет повторяющееся, она ищет обобщений; ее мало интересуют факты, которые достоверны только для данного конкретного эксперимента, выполненного в данный отдельный день. Наука выявляет закономерности, составляющие ее предмет. Предметом системного исследования уголовно-правовых явлений выступают два типа устойчивых связей (внутренние и внешние), которые обеспечивают стабильность права и законодательства. Первый тип связи складывается между разными частями и элементами правовой системы. Любая система означает не только совокупность частей и элементов, но предполагает, что системные компоненты не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия. Устойчивая внутренняя связь, в которой находятся между собой элементы системного целого, – один из отличительных признаков системности. Взаимодействие между частями системного целого выражается в той или иной форме соподчинения их по отношению друг к другу, что и упорядочивает элементы в структурном ряду системы. Так, системный порядок в законодательстве достигается путем объединения нормативных

¹ См.: Концепция развития российского законодательства. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1998. С. 7.

² Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 252.

предписаний по тем или иным основаниям в определенные группы, а также их расположения в определенной последовательности относительно друг друга.

Отсюда, система права – это целостная (взаимосвязанная и взаимодействующая) совокупность отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов, норм и правовых мер, обеспечивающих упорядочение значимых и поддающихся юридической регламентации общественных отношений.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении понятий системы права и системы законодательства.

Согласно одной из теоретических моделей между системой права и системой законодательства не усматривается кардинального различия; системы права и законодательства являются тождественными правовыми категориями. Соответствующая модель имеет своим основанием юридический позитивизм. Как заметил Л.С. Явич, «сторонники юридического позитивизма сводят право к законам, потому для них нет различия между системой права и системой законодательства»¹.

В соответствии с другим подходом система права и система законодательства обозначают совершенно разные компоненты окружающей нас правовой действительности: «система права – это идеи, нормы и отношения, а система законодательства – это составляющие его отрасли»².

Третья модель исходит также из необходимости различения систем права и законодательства. Она базируется также на тех методологических основах, которые не отождествляют право и закон, отграничивая право естественное от права позитивного. Однако она основывается на положении, согласно которому системы права и законодательства нельзя противопоставлять и отрывать друг от друга. При этом соотношение системы права и системы законодательства может быть облечено в следующую формулу: если система права есть внутреннее строение права, его внутренняя форма, то система законодательства является внешней формой выражения права³. Таким образом, выражая закономерности социальной действительности, система права является основой системы законодательства, в силу чего имеет первичное, исходное значение.

В контексте соотношения системы права и законодательства важную роль играет тесная связь между названными категориями. Все наши представления, утверждения и идеи, так же как и явления материального мира, находятся между собой во взаимосвязи. В силу этого всегда и

¹ Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. С. 137.

² Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М., 1994. С. 115.

³ См.: Явич Л.С. Указ. соч. С. 135; Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1985. С. 288; Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 138.

повсюду каждое существует лишь посредством другого. Указанную связь и выражает философская категория «основание». Всякое событие или явление материального и нематериального мира должны иметь свою первооснову: вещи, чтобы существовать, нуждаются в причине, утверждения – в основании. Равным образом и система права, обеспечивая упорядоченность известной части объективного мира, должна служить основой бытия и логическим основанием системы законодательства.

Демин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
предпринимательского, конкурентного и финансового права
Юридического института Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕСТУПНОСТИ И НАЛОГОВЫЙ КОМПЛАЙЕНС: PRO ET CONTRA*

В качестве эпиграфа уместно процитировать тезис, который в 1788 году сформулировал Иерермия Бентам: «Преступная нажива – это сила, которая побуждает человека совершить преступление, а страх наказания – сила, применяемая, чтобы удержать его от него. Если первая сила превосходит вторую – преступление будет совершено; если наоборот – преступление не будет совершено»¹. Выступая основоположником *утилитаризма*, Бентам исходил из аксиоматичной установки о том, что в условиях выбора из ряда альтернатив люди всегда поступают рационально, стремясь максимизировать ожидаемую полезность (expected utility) от результатов своего решения.

Исходная теоретическая модель налогового комплайенса базируется на *экономической модели преступности* (economics-of-crime model), обнародованной в 1968 году Гэри Стэнли Беккером, американским экономистом, представителем Чикагской школы и нобелевским лауреатом². Используя экономические методы и труды Бентама о преступлении и наказании, Беккер – в рамках направления «Crime and Punishment» – рассматривает любое правонарушение в контексте осознанного выбора индивида между правомерным и неправомерным

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00080 А «Налоговый комплайенс и правовые средства его обеспечения».

¹ Bentham J. Principles of Penal Law (1788) // in: The Works of Jeremy Bentham / John Bowring (ed.), Edinburgh: William Tait, 1838–1843. P. 399.

² Becker G. S. Crime and Punishment – an Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76 (2). P. 169–217.

поведением на основании рационального сравнения ожидаемых затрат и выгод. «В контексте комплайенса предполагается, что, столкнувшись с правдоподобными вариантами действий, одни из которых законны, а другие – нет, люди выбирают, совершать преступление или нет, исходя из того, какой вариант имеет больше шансов повысить их ожидаемую полезность»¹. К потенциальным издержкам автор относит вероятность изобличения и наказания за совершенное правонарушение, к выгодам – материальную наживу. Большое значение в концепции Беккера также играет «азартность» конкретного лица в «игре» с действующим правопорядком, его желание рисковать, субъективное отношение к угрозам быть уличенным в противоправном деянии².

Исходный тезис Беккера о рационализме людей, принимающих решения о комплайенсе или некомплайенсе, позволил ему и его последователям обосновать практические рекомендации для выработки *антикриминальной политики*: чтобы удерживать людей от актов некомплайенса необходимо и достаточно гарантировать, что ожидаемая полезность совершенного правонарушения будет ниже ожидаемой полезности комплайенса. В частности, требуется сосредоточить правоохранные усилия на двух направлениях – неотвратимости изобличения нарушителей и применении к ним жестких санкций. Сочетание этих инструментов способно эффективно сдерживать правовые девиации и стимулировать комплайенс как рациональный выбор поведения.

Майкл Аллингэм и Агнар Сандмо адаптировали экономическую модель преступности Беккера к налоговым отношениям. В дальнейшем она получила наименование «модель сдерживания» (*deterrent model*) или «стандартная модель» (*basic model*). Ключевые тезисы авторы обнародовали в ставшей хрестоматийной публикации «*Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis*», опубликованной в 1972 году в *Journal of Public Economics*³. Стандартная теория сдерживания применительно к соблюдению налоговых требований исходит из того, что налогоплательщики являются рациональными субъектами, стремящимися максимизировать свою ожидаемую полезность. В этом контексте, «традиционные экономические теории или теории сдерживания утверждают, что решение соблюдать законы зависит от анализа затрат и

¹ См.: Leviner S. New Era of Tax Enforcement: From «Big Stick» to Responsive Regulation // University of Michigan Journal of Law Reform. 2009. Vol. 42 (2). P. 389.

² Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Москва: ГУ ВШЭ, 2003. С. 323–338.

³ Allingham M.G. & Sandmo A. Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis // Journal of Public Economics. 1972. Vol. 1 (3/4). P. 323–338.

выгод или – от ожидаемой полезности»¹. В какой-то степени этот процесс сходен с «азартной игрой», где можно как преуспеть (если нарушителю удастся скрыть акт некомплайенса), так и – проиграть (в случае обнаружения некомплайенса, взыскание санкций и репутационный ущерб снижают доход в большей степени, чем надлежащая уплата налогов). «Люди полностью сосредоточены на финансовых стимулах неуплаты налогов в процессе азартной игры, и платят налоги исключительно потому, что боятся изобличения и наказания»².

Год спустя в том же *Journal of Public Economics* выходят статья индийского экономиста Тирукодикавала Шринивасана «Tax Evasion: A Model»³, а в *Journal of Public Economics* – публикация Сержа-Кристофа Кольма «A Note on Optimum Tax Evasion»⁴, в которых рационально-ориентированная (экономическая) модель налогового некомплайенса получила дальнейшее развитие. Впоследствии указанный подход активно поддерживали сторонники научной школы «Law and Economics».

Согласно стандартной модели, рационально мыслящий (и рационально действующий) индивид, будучи своеобразным «максимизатором полезности» (utility-maximizer), делает выбор между *tax compliance* и *tax non-compliance* в ситуации неопределенности. Здесь налогоплательщик сталкивается с выбором: (1) соблюдать ли ему налоговые нормы и, соответственно, уплатить известную сумму налога, или (2) уклониться от уплаты налога, но столкнуться с риском изобличения и налоговыми санкциями, включая штрафы и пени в дополнение к сумме недоимки. По словам Джеймса Альма, «взвешивая ожидаемые выгоды от успешного обмана с рискованной перспективой быть уличенным и наказанным, люди платят налоги исключительно из-за боязни изобличения и наказания. Этот подход в целом приводит к весьма правдоподобному и продуктивному выводу о том, что комплайенс зависит от масштабности аудита и размера налоговых санкций»⁵.

¹ Thimmesch A.B. Testing the Models of Tax Compliance: The Use-Tax Experiment // Utah Law Review. 2015. № 5. P. 1084.

² Torgler B. Tax Morale and Compliance: Review of Evidence and Case Studies for Europe (December 1, 2011). World Bank Policy Research Working Paper № 5922. P. 2–3. URL: <https://ssrn.com/abstract=1977173>.

³ Srinivasan, T.N. Tax Evasion: A Model // Journal of Public Economics. 1973. Vol. 2 (4). P. 339–346.

⁴ Kolm S.-C. A Note on Optimum Tax Evasion // Journal of Public Economics. 1973. Vol. 2 (3). P. 265–270.

⁵ Alm J., Martinez-Vazquez J. & Torgler B. Developing Alternative Frameworks for Explaining Tax Compliance // in: Developing Alternative Frameworks for Explaining Tax Compliance / James Alm et al. (eds.); Routledge: Taylor & Francis, 2013. P. 3–4. См., также: Lawsky S.B. Modeling Uncertainty in Tax Law // Stanford Law Review. 2013. Vol. 65 (2). P. 241–278.

Итак, в рамках стандартной экономической модели проблематика налогового комплайенса рассматривается как решение в условиях неопределенности. Предполагается, что налогоплательщик максимизирует доход, взвесив все «за» и «против» уклонения от уплаты налогов. Тем самым в основе стандартной модели лежит концепт *homo economicus*, т. е. фигура человека, всецело стремящегося к максимизации своих материальных интересов.

В целом, эмпирические и экспериментальные исследования подтверждают достоверность стандартной модели, выявляя *отрицательную корреляцию* между вероятностью и суровостью наказания, с одной стороны, и уровнем преступности, с другой. Иными словами, увеличение вероятности изобличения или размера санкций может изменить ожидаемую полезность некомплайенса с положительной на отрицательную, удерживая потенциальных нарушителей от совершения противоправных актов. Эта закономерность характерна для всех областей правовой регламентации, включая и налоговые отношения.

Дальнейшие сомнения в достоверности стандартной модели были порождены эмпирическими наблюдениями и статистическими данными. Если бы налогоплательщики действовали лишь в рамках стандартной модели, мы на практике отмечали бы гораздо более высокие уровни уклонения от уплаты налогов.

В этом контексте Ричард Лавуа замечает: «Традиционные модели сдерживания, которые пытаются объяснить налоговый комплайенс исключительно на основе интенсивности аудита и штрафов за некомплайенс, не могут в полном объеме объяснить наблюдаемый уровень налогового комплайенса в промышленно развитых странах»¹. То есть налоговый комплайенс в реальности значительно превышает прогнозы, основанные на представлении о сугубо корыстном и инструментальном поведении налогоплательщиков.

Действительно, общее число налогоплательщиков, охваченных налоговым контролем, ничтожно мало, и сокращается из года в год. При этом далеко не всегда даже выявленных нарушителей удастся привлечь к ответственности, а в случае привлечения к ответственности – взыскать с них налоговые санкции. Поэтому вероятность того, что будут обнаружены налоговые правонарушения и на нарушителя наложат санкции – относительно невелика.

Как утверждают Джеймс Алм и его соавторы, процент индивидуальных налоговых деклараций, которые подлежат тщательной налоговой проверке, как правило, довольно мал в большинстве стран, и почти всегда значительно ниже 1% от всех налоговых деклараций. Даже в такой стране, как Соединенные Штаты, Служба внутренних доходов

¹ См.: Lavoie R. Patriotism and Taxation: The Tax Compliance Implications of the Tea Party Movement // Loyola Law Review. 2011. Vol. 45 (1). P. 45.

сообщила, что общий показатель аудита в 2017 году составил всего 0,5%. Аналогичным образом, налоговые санкции налагаются нечасто. Поскольку маловероятно, что такой налоговый некомплайенс будет раскрыт или наказан, чисто экономический анализ азартной игры с правонарушением предполагает, что наиболее рациональные люди должны либо занижать доход, не подлежащий предоставлению информации третьими сторонами, либо заявлять завышенные вычеты, не подлежащие независимой проверке. Однако этого, в большинстве своем, не происходит¹.

В западной налогово-правовой науке общепризнанным стал следующий тезис: «Подавляющее большинство граждан готовы платить налоги. Они считают законность налоговой системы само собой разумеющимся фактом. Они верят в общие цели правительства и платят свою справедливую долю, не рассматривая возможности избежать или уклониться от уплаты налогов»².

Ключевой вопрос, поставленный критиками стандартной модели, *почему люди платят налоги*, а не почему они от них уклоняются. В частности, Бруно Фрей пишет: «Эмпирические исследования убедительно доказали, что невозможно объяснить степень уплаты налогов, принимая во внимание только ожидаемое наказание. Ключевой вопрос не в том, почему люди не платят свои налоги, а в том, «почему так мало обмана?». В какой-то степени уплата налогов является «квази-добровольным» актом, обусловленным внутренней мотивацией внести свой вклад в бремя налогообложения. Отвращение к риску не в состоянии объяснить размер уплачиваемых налогов»³. Стандартная модель лишь отчасти способна объяснить этот феномен.

На сегодняшний день в гуманитарных науках сложилось в целом единое понимание того, что «*homo economicus*» суть лишь некая *идеальная модель*, которой реальные индивиды не всегда соответствуют. «Рациональный субъект, столь общий для моделей теории сдерживания, суть идеальный тип. Он наделен определенными преимуществами, такими как фундаментальное понимание стратегического поведения, стимулов и ожиданий, но реальность редко бывает идеальной. Например, в действительности газы редко подчиняются закону идеального газа, а наблюдаемые жидкости редко ведут себя как идеальные жидкости. Точно так же налогоплательщики в действительности редко действуют как рациональные субъекты»⁴.

¹ См.: Alm J., et al. New Technologies and the Evolution of Tax Compliance // Virginia Tax Review. 2020. Vol. 39 (3). P. 292.

² См., напр.: Kirchler E., et al. Enforced versus Voluntary Tax Compliance: The «Slippery Slope» Framework // Journal of Economic Psychology. 2008. Vol. 29 (2). P. 211.

³ Frey B. S. Punishment – and Beyond // Contemporary Economics. 2011. Vol. 5 (2). P. 92.

⁴ Manhire J. Tax Compliance as a Wicked System // Florida Tax Review. 2016. Vol. 18 (6). P. 251.

Человеческому поведению зачастую свойственен *иррационализм*, если рациональность выбора при принятии налоговозначимых решений связывать лишь с минимизацией затрат и максимизацией выгод. Основные причины этого – ограниченные возможности доступа и обработки информации, значимость для человека не только интеллектуальных, но и эмоционально-чувственных компонентов, влияние эвристики в процессе принятия решений, и т. п.

Поставленный вопрос, почему люди в массе своей добросовестно платят налоги, сгенерировал поиск и обоснование *новых переменных*, лежащих за рамками налогового принуждения и тем не менее оказывающих влияние на уровень налогового комплайенса. Помимо традиционных переменных – интенсивности налогового контроля и размера налоговых санкций – в процессе междисциплинарных исследований были обоснованы и эмпирически подтверждены многочисленные детерминанты и драйверы, связанные с налоговым комплайенсом. Тем самым стандартная модель сдерживания была расширена и дополнена путем учета *неэкономических факторов*, влияющих на комплайенс. Постепенно к научному сообществу пришло осознание того, что поведение налогоплательщиков – всегда нечто большее, чем чисто рациональный подсчет потенциальных затрат и выгод.

Итак, стандартная экономическая модель налогового комплайенса в целом верно отражает реалии налоговых отношений, ее можно принять за основу при разработке налоговой политики. Вместе с тем проблематика налогового комплайенса слишком сложна, чтобы ее можно было исчерпывающе описать чисто *экономическим подходом*. Мотивации налогоплательщиков весьма многогранны. Таким образом, стандартная модель упрощает гораздо более *сложную реальность* налоговых отношений.

Как верно заметили Джеймс Андреони, Брайан Эрард и Джонатан Файнштейн, правоведы лишь начинают разбираться с выводами других гуманитарных наук, которые могли бы объяснить наблюдаемые уровни налогового комплайенса (например, чувство морального или социального долга домохозяйства по уплате налогов)¹. Ведь, принимая налоговозначимые решения, люди, как правило, учитывают *нечто большее*, чем простой экономический расчет. Выбор между правомерным и неправомерным поведением детерминируется не только сугубо прагматическими соображениями выгод и издержек от неуплаты налогов, но и субъективно-ценностными переменными. В частности, речь идет о понимании взаимности отношений с государством, оказывающим им публичные услуги в обмен на налоги, уверенности в том, что и

¹ Andreoni J., Erard B. & Feinstein J. Tax Compliance // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36 (2). P. 819.

окружающие выплачивают свою «долю налогов», а также – глубоко присущем большинству людей стремлении к справедливости.

«В настоящее время имеются многочисленные свидетельства того, что нематериальные факторы, основанные на этике, социальных нормах и представлениях о справедливости, равенстве, взаимности и подотчетности налоговых систем, являются критической детерминантой, определяющей степень налогового комплайенса»¹. Эти факторы связаны с позициями, ценностями и убеждениями, которые представляют собой элементы выбора и предпочтения среди налогоплательщиков. Выделение указанных переменных коррелирует с более широкими *поведенческими контекстами* и в значительной степени опирается на такие дисциплины, как социология, антропология и психология.

Главный недостаток модели сдерживания заключается в аксиоматичном утверждении, что налогоплательщики всегда ведут себя строго рационально, максимизируя свое экономическое благосостояние за счет минимизации налогового бремени. На самом деле, такая *абсолютизация налогового утилитаризма* не соответствует эмпирическим данным, так как большинство налогоплательщиков в реальной жизни так не поступают.

Люди являются не просто самодостаточными и эгоистичными «максимизаторами полезности», но взаимодействуют с другими людьми в соответствии с различными мировоззренческими установками, ролями, нормами, убеждениями, ценностями и идеалами. «Поскольку модель сдерживания не может точно предсказать уровни уклонения от уплаты налогов, другие силы должны влиять на граждан, чтобы они соблюдали [налоговые законы], несмотря на очевидную экономическую пользу обмана»². Соответственно, основные тезисы стандартной модели постепенно стали дополняться *новыми переменными*, выявленными и обоснованными в рамках научного направления «поведенческой экономики» (behavioral economics).

В настоящее время имеются многочисленные свидетельства того, что нематериальные факторы, основанные на этике, социальных нормах и представлениях о справедливости, равенстве, взаимности и подотчетности налоговых систем, являются *критической детерминантой*, определяющей степень налогового комплайенса³. Эти факторы связаны с позициями,

¹ См.: Wilson P., et al. Innovations in Tax Compliance: Conceptual Framework. Policy Research Working Paper; 2019, № 9032. World Bank, Washington. P. 7 URL: <http://hdl.handle.net/10986/32492> (дата обращения: 28.01.2022).

² Lavoie R. Flying above the Law and Under the Radar: Instilling a Taxpaying Ethos in those Playing by Their Own Rules // Pace Law Review. 2009. Vol. 29 (4). P. 642.

³ См.: Wilson P., et al. Innovations in Tax Compliance: Conceptual Framework. Policy Research Working Paper; 2019, № 9032. World Bank, Washington. P. 7. URL: <http://hdl.handle.net/10986/32492> (дата обращения: 28.01.2022).

ценностями и убеждениями, которые представляют собой элементы выбора и предпочтения среди налогоплательщиков. Выделение указанных переменных коррелирует с более широкими *поведенческими контекстами* и в значительной степени опирается на такие дисциплины, как социология, антропология и психология.

Алекс Раскольников предлагает рассматривать людей как нечто большее, чем «рациональных крыс» (rational rats)¹. Как подчеркивает Джеймс Алм, индивиды не всегда являются теми рациональными, ориентированными на результат, корыстными и эгоистичными потребителями, которых нам преподносит стандартная теория преступности. Они могут быть мотивированы не только ограниченными личными интересами и индивидуально обоснованными финансовыми соображениями, но и понятиями, происхождение которых проистекает из групповых соображений, таких как справедливость, альтруизм, взаимность, сочувствие, симпатия, доверие, вина, стыд, мораль, отчужденность, патриотизм, социальные обычаи, социальные нормы, конформизм, сетевое сознание, «налоговая мораль», внутренняя мотивация к сотрудничеству, воздействие по типу «власть-подчинение» и многие другие цели, которые в той или иной степени определяются социальными взаимодействиями налогоплательщиков с другими людьми².

В заключение резюмируем, что речь идет не о полной отмене ключевых канонов стандартной модели, которые признаются истинными большинством ученых, но – о ее расширении и углублении за счет *новых факторов* социологической и психологической природы. К числу последних принято относить налоговую мораль; индивидуальные, групповые и национальные социальные нормы; гражданскую позицию налогоплательщиков; восприятие справедливости фискальной системы; возрастные и гендерные различия, и т. п.

¹ Raskolnikov A. Crime and Punishment in Taxation: Deceit, Deterrence, and the Self-Adjusting Penalty // Columbia Law Review. 2006. Vol. 106 (3). P. 577–578.

² Alm J. What Motivates Tax Compliance? // Journal of Economic Surveys. 2019. Vol. 33 (2). P. 358–359.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор
начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (1990-е гг.)

Становление и развитие постсоветского государства и права – один из наиболее актуальных объектов научного познания. Именно в 1990-х г. были заложены основы генезиса и развития российской государственности. Данный исторический период был весьма нестабилен и сопровождался серьезными угрозами социальному порядку. Государство и российское общество периодически подвергались различного рода дестабилизирующим и дезорганизационным воздействиям. В таких условиях нестабильной социальной системы и ее ведущих институтов происходило становление постсоветского государства и права в Российской Федерации.

По мнению Н.Н. Разуваевой, «девяностые годы XX века – чрезвычайно сложный период российской истории, определивший новый вектор ее исторического развития на многие десятилетия вперед. В этот период кардинально изменился государственный и общественно-политический строй. Произошло одно из самых драматических событий новейшей истории нашей страны – распад СССР. На авансцену истории вышла Российская Федерация – самостоятельное геополитическое образование и новая политическая реальность. Была ликвидирована система Советов – органов власти, действовавших в стране более 70 лет. Сложились новые органы государственной власти»¹.

Как отмечают М.Н. Марченко и Е.М. Дерябина, «одна из особенностей событий 1990-х г. – «новейшей революции» в России состоит в том, что она, в отличие от традиционных политических, в особенности пролетарских революций, была вызвана не угнетением «низов», а инспирирована сверху, со стороны фактически стоящих у власти, но до конца не поделивших ее, чрезмерно амбициозных людей, членов одной и той же правящей коммунистической партии»². Глубокие изменения в политической системе общества того исторического периода действительно произошли во многом благодаря процессам в элитарных политических слоях, тогда как широкие массы народа мало принимали в этом участие и не оказывали критического давления на власть. Этот

¹ Разуваева Н.Н. Эволюция политического и социального строя постсоветской России: 1990-е годы: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2006. С.11.

² Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Постсоветское государство и право: состояние и перспективы развития. М., 2021.С. 21-22.

фактор в последующем будет оказывать серьезное воздействие на политическую жизнь в стране.

На парадокс абсентеизма (в широком понимании термина) как элемента внутренней политики того периода времени обращают внимание исследователи: «особенностью исторического развития России в 1990-е годы было то, что коренные изменения социального строя происходили «сверху» через механизмы государственной власти. Кризисная эволюция 1990-х годов являлась результатом социального экспериментирования «верхов» по изменению общественных отношений. Уникальным политико-правовым механизмом, с помощью которого сама власть осуществила постепенный слом старого строя и заложила основу для формирования нового общественного строя России, была указная практика главы государства, правотворчество Президента Б. Ельцина. За годы его правления вышло более 10 тыс. указов. Указы Б. Ельцина представляли собой отдельную правовую систему, во многом конкурировавшую с законами страны и существовавшую в значительной степени автономно от них»¹.

В этот период времени также было сформировано еще одно системное противоречие, связанное с преемственностью высших органов власти – от РСФСР к возникшей на ее основе Российской Федерации. С точки зрения А.А. Шувалова, «становление органов власти РСФСР происходило в условиях острых противоречий с союзным центром, когда произошли события путча ГКЧП и развала Советского Союза, когда уже суверенная Российская Федерация столкнулась с проблемами отсутствия сформированного государственного аппарата, разрухой административно-хозяйственной системы управления, что привело к противоречию между двумя ветвями власти и к силовому разрешению конституционно-политического кризиса»².

Анализируя политическую и правовую ситуацию в России начала 1990-х г., исследователи чаще всего акцентируют внимание именно на событиях 1993 г. – тяжелом конституционно-правовом кризисе в России, завершившимся трагическими событиями в Москве. Однако, как справедливо отмечает Е.А. Маркова, «октябрьский кризис 1993 г. возник не сразу и не на пустом месте. В этот период зародились такие опаснейшие для России политические проблемы, как сепаратизм отдельных субъектов России (Башкортостан, Татарстан, Чечня, Якутия и др.).

– «парад суверенитетов», который продолжался вплоть до 2000 г. и заключался, в основном, в «выбивании» из центра расширенных полномочий;

¹ Разуваева Н.Н. Эволюция политического и социального строя постсоветской России: 1990-е годы: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2006. С. 92.

² Шувалов А.А. Становление российской государственности в 1990-е г. // Вестник московского областного филиала московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Саратов, 2016. С. 157–163.

- неуправляемость государственной власти на вертикальном уровне «сверху - вниз»;
- борьба за главенство между федеральными ветвями власти на горизонтальном уровне, за превосходство и доминирование;
- катастрофическая коррупция в высших эшелонах власти;
- юридически-правовой вакуум¹.

Уже в период 1991–1993 г. в системе государственно управления Российской Федерации – на это справедливо обращают внимание исследователи, начинают отчетливо проявляться дисфункциональные черты, обусловленные низкой эффективностью принимаемых решений, волюнтаризмом, коррупцией, противоречиями в принимаемых нормативно-правовых актах и т. п. Отчасти это было связано с непрекращающейся политической борьбой между Ельциным и его противниками, в том числе в результате которой на ключевые государственные посты назначались, прежде всего, лояльные люди, а фактор профессионализма отходил на второй план. Сложившееся положение с неизбежностью оказывает воздействие на взаимоотношения центра и субъектов РФ. С очевидностью понимая слабость и неэффективность центральной власти, часть местных политических лидеров решила воспользоваться ситуацией и существенно расширить свои полномочия, вплоть до полной независимости от федерального центра. Трагические события 1994 г., когда начались военные действия на территории Чеченской Республики (в официальной терминологии – это «операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне»), стали результатом целенаправленных попыток Д. Дудаева получить политическую независимость от федерального центра. Как результат, начался затяжной кровопролитный военный конфликт, имевший серьезные негативные последствия, как для Чеченской Республики, так и для федерального центра во главе с Б.Н. Ельциным.

Помимо острой политической борьбы, в том числе вооруженной, между ветвями власти и открытых проявлений сепаратизма, в стране имело место множество политических процессов. Так продолжалось на протяжении всех 1990-х г.

По мнению Е.И. Волгина, «с одной стороны, происходил интенсивный демонтаж прежней государственности и ее непосредственных атрибутов (Конституции РСФСР, советской системы и т. д.). При этом деструктивные процессы протекали синхронно становлению новой административно-государственной модели. Но если формирование органов центральной власти (институт президентства, Федеральное Собрание и т. д.) в основном завершилось принятием новой Конституции РФ, то государственная

¹ Маркова Е.А. Становление Российской государственности в 90-х гг. XX в. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 4. С. 98–106.

институционализация на местах в декабре 1993 г. была далека от своего окончательного оформления»¹.

Весьма серьезной проблемой 1990-х г. стал дефицит законодательной базы, вызванный противоречиями в работе органов государственной власти, ответственных за принятие нормативно-правовых актов. Как полагает Д.А. Пушмин, «процесс формирования государственности на новом этапе исторического развития России в конце XX в. оказался длительным и сложным, сопряженным не просто с обострением политических противоречий, но с перерастанием их в конфликты между ветвями государственной власти. Обострил ситуацию и дефицит законодательной базы, которая в 1990-е гг. четко определяла бы пределы полномочий, а также сферы ответственности институтов власти»².

Существенной проблемой для развития государства и права в России стали также неэффективные либеральные экономические реформы. Они не достигли целей, прежде всего, именно в микроэкономическом аспекте – большинство населения оказалось на грани нищеты. По мнению исследователей, неудачи при проведении экономических реформ в стране «привели к колоссальному уровню социального расслоения в обществе, вымиранию и обнищанию большинства населения на фоне необоснованно высоких доходов крупных инсайдеров от бизнеса и бюрократии. В итоге оказались далеко от современной модели высокоразвитой экономики»³.

Как следствие, достаточно быстро начали радикализироваться общественно-политические настроения, осложнявшиеся, к тому же, невысокой политической культурой населения, просто не имевшего практически никакого опыта участия в политике. Этот процесс накладывался на криминализацию сознания и социальных практик россиян на фоне усиления позиций организованной преступности. Следствием сложившейся экономической ситуации стали серьезные изменения и в политической: население добровольно еще сильнее отстранялось от политики, которая постепенно стала уделом активистов, среди которых было немало и радикально настроенных лиц. Все это еще сильнее ограничивало маневр федеральной власти во главе с Б.Н. Ельциным, которая не понимала, какие компромиссы в принципе возможны с такого рода политическими противниками и опасалась, что в случае смены власти

¹ Волгин Е.И. Становление органов государственной власти субъектов РФ в 1990-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 3. С. 48–63.

² Пушмин Д.А. Формирование новой российской государственности в условиях политической трансформации общества: 1990-е гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2010. С. 12.

³ Дойников И.В. Государство и право в постсоветской России: проблемы перехода к национальному правоведению в XXI в. // NB: Административное право и практика администрирования. 2014. № 6. С. 8–64. DOI: 10.7256/2306-9945.2014.6.14880 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14880 (дата обращения: 11.02.2022).

произойдут обратные изменения: демонтаж созданных государственно-правовых институтов и замена их на некий «модернизированный» советский вариант (особенно с учетом того, что в оппозиционной среде лидирующее положение заняла партия КПРФ, декларирующая лозунги «возврата к СССР»).

Обнищание населения вследствие тяжелой экономической ситуации отрицательно влияло на его политическое сознание и политическую культуру. Пытаясь найти средства к существованию, прокормить свои семьи люди ничем иным практически не интересовались. В результате в стране так и не сформировалось гражданское общество, которое, в случае достижения определенного порога массовости, могло бы оказывать серьезное влияние на власть и принимаемые ей решения.

В тоже время, как полагают исследователи, одним из факторов формирования гражданского общества и повышения политической активности населения, выступают острые проблемы – «при наличии нерешенных важнейших политических вопросов в политической системе возникает нестабильность, что вызывает рост гражданской активности. После разрешения этих вопросов, гражданская активность постепенно снижается. По мнению Г. Алмонда, эти циклы, состоящие из включения граждан, ответа элит и отхода граждан от политики, имеют тенденцию усиливать сбалансированность противоположностей, необходимую для демократии»¹. Однако наблюдения зарубежных исследователей осуществлялись на ином теоретическом и эмпирическом материале, нежели российское общество. В данном аспекте не учитывается инерция советского общества и его моностилистической культуры, а также особенности менталитета российского общества. В результате ухудшение социально-экономической обстановки и обострение политической борьбы вызывали у широких слоев населения не всплеск гражданской активности, а апатию, равнодушие, абсентеизм.

Таким образом, генезис и развитие российского государства в 1990-е г. оказался обусловлен и таким фактором, как цивилизационная специфика. Как отмечают исследователи, «в основе возникновения постсоветского государства выступает именно цивилизационная составляющая. Она – объективное основание, независимое от мировоззренческих взглядов и установок правящей элиты, а также независимо от типов и форм того или иного государства, возникающего в рамках данной цивилизации. Трудно представить себе стабильное государство, которое не учитывало бы особенности окружающей среды, определенный уровень развития общей и

¹ <http://www.dslib.net/polit-instituty/osobennosti-demokraticeskogo-processa-postsovetskoy-rossii-1990-e-gg.html> (дата обращения: 11.02.2022).

правовой культуры населения сложившиеся в обществе традиции, сформировавшиеся обычаи»¹.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что существует комплекс объективных и субъективных факторов, повлиявших на становление российского государства и права в 1990-е г. В этой связи процесс становления государства и права целесообразно рассматривать именно как результат действия сложного симбиоза факторов, а не роли отдельных политических деятелей, их активности, решений и т. д.

Определенная тенденция генезиса российского государства и права была заложена еще со времен позднего СССР, когда развернулась острая борьба за власть между элитарными советскими группами, в которой роль широких масс населения была сведена к минимуму. Данная тенденция сохранилась и в России 1990-х г. Это наложило свой отпечаток на строительство государства и правотворчество, изначально поставив под сомнение возможность строительства в стране либеральной демократии (в силу отсутствия серьезной потребности в этом у населения, прежде всего). При этом продолжились проводиться либеральные экономические реформы («шоковая терапия»), которые вызвали устойчивое отторжение у большинства граждан.

Серьезные проблемы в государственном и правовом строительстве в Российской Федерации начались задолго до трагических событий конституционно кризиса 1993 г. В частности, подписанные Б.Н. Ельциным совместно с руководителями Украины и Белоруссии так называемые «беловежские соглашения», прекратившие существование СССР, были ратифицированы российским парламентом – Верховным Советом РСФСР. Однако сомнения исследователей закономерно связаны с тем, что данные вопросы вряд ли можно отнести к ведению парламента – это была прерогатива Съезда народных депутатов (по Конституции 1977 г. такие вопросы мог решить только съезд, так как это напрямую затрагивало государственное устройство, а, следовательно, меняло и саму Конституцию). Вместе с тем, фактически действие прежней советской Конституции также ставилось под серьезное сомнение. Возникшая правовая коллизия не пошла на пользу будущему государственному и правовому строительству в стране. Дискуссии о легитимности государства и его нормативно-правовых актов проникли в политический и общественный дискурс того периода времени.

Радикальные экономические реформы, усиление власти Б.Н. Ельцина способствовали возрастающему сопротивлению Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Во главе оппозиции Ельцину оказались Р. Хасбулатов и А. Руцкой. В результате в период 1992–1993 г.

¹ Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Постсоветское государство и право: состояние и перспективы развития. М., 2021.С. 21–22.

ветви государственной власти много времени уделяли политической борьбе в ущерб государственному и правовому строительству. В сентябре 1993 г. законодательная и президентская ветви власти поочередно объявили друг друга вне закона. В результате вооруженных столкновений между сторонниками президента и парламента 3-4 октября 1993 г. серьезно укрепились власть Ельцина, что подтвердили итоги референдума 12 декабря 1993 г., по результатам которого была принята Конституция, наделявшая президента серьезными полномочиями. Используя широкие властные полномочия, Ельцин начал военные действия против Чечни, его штаб развернул масштабные информационно-пропагандистские и иные мероприятия во время выборов 1996 г. и т. п. Стоит констатировать, что в период 1990-х г. совершенствование правотворчества было принесено в ущерб политической борьбе между представителями властных элит. В результате возникли определенные лакуны в государственно-правовом механизме, последствия которых ощущаются до настоящего времени.

Кобец Петр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор
главный научный сотрудник
Центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Проблематика, связанная с возмещением вреда причиненного в процессе совершения противоправного деяния актуальна для различных правовых систем¹. При этом важно отметить, что исследовать проблемы эволюции правовой ответственности за причиненный преступлением вред в нашей стране, следует в Древнерусском государстве, где они и зародились. Так в частности, в Русской Правде – законодательном нормативно-правовом акте того периода еще не было деления на уголовный и гражданский процесс, совершенные противоправные деяния назывались обида. Возникшие в процессе противоправных деяний правоотношения, частные лица регулировали между собой.

Часть исследователей склонны считать, что в Древнерусском государстве уголовное право не существовало и все виды

¹ Кобец П.Н. Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1(43). С. 53–58. DOI 10.37973/KUI.2021.64.21.009.

правонарушений, совершаемых в отношении личностных либо имущественных прав, следовало рассматривать, в качестве гражданских правонарушений, не подлежащих наказанию, а влекших за собой возмещения вреда потерпевшим лицам. И только в конце XIII столетия гражданскую ответственность сменяет уголовная, и начинают применяться уголовные наказания. До этого периода осуществлялось действие исключительно горизонтальных правовых связей – решение уголовных и гражданских дел без участия государственных структур¹.

Позднее, в период централизации государства, в соответствии со ст. 39 Судебника 1547 г. если правонарушитель был не в состоянии возместить нанесенный им вред потерпевшему, то последний мог забрать его в холопы, чтобы тот отработал свой долг². В Российской Империи сферу уголовной ответственности регламентировало Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., и это был один из первых уголовных кодексов – структурированный кодификационный акт. Ранние и предшествующие ему нормативно-правовые акты аккумулировали в себе нормы ряда отраслей права³.

Либерализация в рассматриваемой сфере последовала с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства и Устава гражданского судопроизводства, послужившие началом регламентации за причиненным в процессе совершения преступления вреда. Они стали выступать в качестве некоего правового фундамента последующих правовых систем, в том числе и ныне действующей. Стала появляться привычная в современном уголовном судопроизводстве терминология: гражданского истца и ответчика, исковое производство и др. А также произошло полное разграничение уголовно правовой и гражданско-правовых видов ответственности.

Следует акцентировать внимание на том, что когда гражданский иск «разрешался в уголовных судах, то суды кассационной инстанции могли отменять приговоры на основании того, что иск должен разрешаться в гражданском судопроизводстве, а кассационная практика XIX века была такова, что суды могли допускать смешение гражданских и уголовных порядков судопроизводства, рассматривая требования по возмещению убытков и вреда»⁴, которые причинялись в процессе совершенного

¹ Строгович М.С. Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 51–61. С. 54.

² Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. Т. 2 / отв. ред.: Горский А.Д.; под общ. ред.: Чистякова О.И. М.: Юрид. лит., 1985. С. 54–62.

³ Уложение о наказаниях 1845. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [Электронный ресурс] // UPL: <https://topuch.ru/ulojenie-o-nakazaniyah-ugolovnih-i-ispravitelenih/index.html> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Судебные уставы России 1864 г. (опыт истории и современность): учеб. пособие. М.: Московский университет МВД России, 2007. С. 26.

преступления. Такие действия могли послужить основанием по отмене приговора. Например, «в соответствии со ст. 5 Устава гражданского судопроизводства, гражданский иск, удовлетворяющий вред и убытки, которые были причинены в процессе преступления или проступка могли предъявляться в гражданский суд»¹, а в «ст. 6 Устава уголовного судопроизводства говорилось о том, что потерпевший от преступления либо проступка при подаче иска о вознаграждении мог быть признан в деле участвующим истцом»².

Необходимо также отметить, что «были различные последствия при обращении истца о возможном получении вознаграждения за причиненные ему в процессе совершенного преступления вреда и убытков в гражданские либо уголовные суды, так в частности, предъявление гражданского иска в уголовном процессе возможно было при условии, что иск предъявляется с началом процесса уголовного преследования или же следует прямо за ним, но если же потерпевшее лицо не смогло вовремя подать гражданский иск в уголовный суд, то несмотря на это за ним сохранялось право предъявления такого иска в гражданский суд»³.

В России под соединенными процессами стали пониматься объединенные одними основаниями – деликтами уголовные дела и гражданские иски. Впервые законодательная регламентация гражданских исков в российском уголовном процессе начала встречаться после проведения Судебной реформы 1864 г.⁴

База положений, обозначенных в судебной реформе 1964 г., стала основой советской судебно-правовой реформы 1922–1924 гг. Так, например, ч. 1 ст. 124 УПК РСФСР 1922 г. предоставляла право следователю, как в связи с ходатайством гражданского истца, так и по личной инициативе принимать ряд мер, обеспечивающих гражданский иск, а в соответствии с ч. 2 ст. 124 УПК РСФСР 1922 г. в случае причинения потерпевшему вреда и когда следователь усматривал наличие оснований по предъявлению гражданского иска, он наделялся правом принятия мер по обеспечению иска, который еще не предъявлялся.

¹ Журнал гражданского и уголовного права. Книга 3. С.-Петербург, типография А.М. Котомина, май 1873 г. [Электронный ресурс]. Справ.-прав. система «Гарант», раздел «Классика российского правосудия» URL: <https://base.garant.ru/6320314> (дата обращения: 12.01.2022).

² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс]. Справ.-прав. система «Гарант», раздел «Классика российского правосудия». URL: <https://base.garant.ru/57791498> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Кобец П.Н. Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1(43). С. 53–58. DOI 10.37973/KUI.2021.64.21.009. С. 55.

⁴ Сушина Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 136–146.

На начальном этапе советского периода вопросы, связанные с возмещением преступного вреда, регулировались, как правило результативно в силу особой репрессивности уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и гражданско-процессуальных норм.

В 1990 г. был принят Федеральный закон «О собственности в РСФСР» законодательно обязавший в ст. 30, возмещать преступный вред за счет государства в случае невозможности его взыскания с виновного. Реализовать в практической деятельности указанную норму так и не удалось, поскольку судебная система была к этому не готова, а также и по причине отсутствия в бюджете страны достаточного объема средств для решения подобной задачи.

Конституция РФ 1993 г. в ст. 2 признала приоритет личностных прав и свобод, а также возложила их защиту на государство. При этом провозгласив в ст. 52 Конституции РФ необходимость обеспечения за счет государства компенсации причиненного вреда потерпевшим лицам. Настоящее конституционные положения также отразилось в ч. 3 ст. 42 УПК РФ отраслевого законодательства, провозгласившее, что имущественный ущерб, причиненный преступлением потерпевшему, подлежит возмещению. В ч. 1 ст. 1064 ГК РФ также установлено, что вред, возмещается лицом, которое его причинило¹.

Действующий механизм, позволяет возмещать материальный ущерб и моральный вред в процессе уголовного судопроизводства, и он во многом схож с правилами, позволяющими рассматривать иск в процессе гражданского судопроизводства, кроме распределения обязанностей, которые позволяют доказывать исковые требования в уголовном производстве следователем, производящим следственные действия, а в гражданском судопроизводстве самим гражданским истцом. Защитить и восстановить нарушенные преступным поведением права по действующему уголовно-процессуальному законодательству, возможно на основе подачи гражданского иска в уголовном судопроизводстве. При предъявлении указанного иска, в целях его обеспечения накладывается арест на имущество виновного лица.

Возможность совместно рассматривать гражданский иск и уголовное дело дает много преимуществ, ускоряя восстановление нарушенных прав, способствуя полнее и быстрее установить лицо, обязанное нести ответственность за причиненный преступлением вред, экономя силы и средства, освобождая гражданского истца от уплаты госпошлины.

Необходимо также детально остановиться на освещении проблем, возникающих в гражданско-правовом механизме института примирения сторон. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что примирение

¹ Кобец П.Н., Бражников Д.А. Эволюция правовой ответственности за вред, причиненный в процессе совершения противоправного деяния // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 4(30). С. 70–73.

сторон в основном напрямую связано с возмещением преступного вреда. После прекращения уголовного дела и примирения сторон, как правило гражданский иск остается без рассмотрения в соответствии с ч. 4 ст. 213, ч. 10 ст. 246, ч. 2 ст. 306 УПК РФ. Важно отметить, что подсудимые не всегда имеют возможность заплатить потерпевшим целиком требуемую по иску в качестве компенсации сумму, связанную с причинением преступного вреда, поскольку совершенные ими преступные деяния, как правило обусловлены плохим материальным положением виновных и это может препятствовать возмещению и заглаживанию ими вреда и прекращению уголовного дела за примирением сторон. Поэтому зачастую происходит так, что потерпевшему, предъявившему гражданский иск и оставшись без надежды на добровольное возмещение преступного вреда, приходится самостоятельно обращаться в суд, который бы выносил обвинительный приговор, как процессуальный документ, для возбуждения исполнительного производства в отношении осужденного лица.

В том случае, когда уголовное дело удастся прекратить за примирением сторон, судом выносится соответствующее постановление, а заявленный потерпевшим гражданский иск не рассматривается судом. В том случае, когда лицо, в отношении которого было прекращено уголовное дело, уклоняется от добровольной компенсации причиненного его действиями вреда, потерпевшему приходится заново в порядке гражданского истца обращаться в суд.

Вместе с тем в соответствии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ вынесенное судом постановление о прекращении уголовного дела не создает преюдиции, когда дело рассматривается в гражданском порядке, поэтому потрепавший должен в полном объеме нести бремя доказывания по иску. При этом «ряд ученых, не только отмечают важность гражданского иска в уголовном судопроизводстве, как способ возмещения преступного вреда, но также основывают свою точку зрения на выводах С.А. Синенко, который критикует законодателей, отказывающихся создать общую норму, которая бы касалась целом возмещения преступного вреда»¹.

Таким образом, обозначенные проблемы, оставались значимыми долгие годы, и сегодня не перестают терять своей актуальности, являясь одними из важнейших в отечественной юридической науке.

¹ Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 121.

Ломакина Ирина Борисовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрим бюрократическую культуру генетически, используя для этого исходные предпосылки ее существования. Исторически бюрократические культуры возникли на Востоке (в данном случае, речь идет о социо-культурной категории). Культуры неевропейского типа имели слаборазвитое товарное производство, в них практически не сформировалась конкурентная среда, повсеместно использовался коллективный труд (имеющий, как правило, форму трудовой повинности). Эти культуры характеризуются низким уровнем правовой культуры (в либеральном понимании). К. Маркс такого типа общества называл восточными деспотиями с азиатским способом производства¹. Признавая восточные деспотии в качестве самостоятельных форм существования человеческих обществ, К. Маркс все же дальше констатации характерных черт азиатского способа производства не пошел. Возможно, это обусловлено тем, что развитие мирового прогресса, он видел только в контексте развития аутентичного капитализма (капитализма европейского толка). Восточные же деспотии, согласно логике мыслителя, были лишены потенции в своем развитии, ибо нетоварное производство и патерналистский тип управления не вписывались в европоцентричную логику развития, предполагающую развитие капитализма и его перерастания в коммунизм. Рассматривая эксплуатацию Индии Англией, мыслитель полагал, что англичане, эксплуатируя Индию, все же осуществляют прогрессивную миссию².

К. Витфогель, являясь признанным мэтром в области изучения восточных деспотий, полагал, что восточные государства – это огосударствленные общества гидравлического деспотизма³. В понимании К. Витфогеля агро-гидродеспотизм как политическая традиция управления не имеет потенции развития. Поэтому длительное существование восточной государственности он объясняет господством монопольной бюрократии, которая, по его мысли, продолжает накапливать

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957. С. 130–136., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1968. С. 462–464.

² Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957. С. 130–136.

³ URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml.

технические и интеллектуальные навыки, необходимые для самовоспроизведения¹.

Объяснение данное К. Виттфогелем выглядит не очень убедительно. Нетрудно догадаться, что гидродеспотический стиль управления был исторически обусловлен структурными предпосылками, в соответствии с которыми он возник как эффективный стиль управления в условиях, требующих постоянной мобилизации ограниченных ресурсов при засушливом климате и разливающимися реками, регулярно затапливающих возделанные поля. В этих условиях априори не могло возникнуть развитое товарное хозяйство с конкурентной средой, предполагающей при минимальных затратах получение максимальных результатов. Не могла возникнуть и модель парламентской демократии, основу которой составляли частные собственники, стоявшие, как правило, в оппозиции к правящей бюрократии.

Большой научный интерес представляет, концепция другого известного американского историка У. Мак-Нила. Его аргументация и оценки восточной традиции отличаются от аргументов и оценок К. Виттфогеля. Рассматривая восточную традицию во всем многообразии ее проявлений в социальных практиках различных групп, как утверждалось в ранее опубликованной нами статье У. Мак-Нил был «менее категоричен в суждениях, а его оценки не изобилуют отрицательными коннотациями. Азиатский способ производства как характеристика структуры восточных обществ им почти не упоминается, а восточный стиль руководства вписывается в рамки комплексной восточной традиции как аутентичный и весьма целесообразный, как с точки зрения обеспечения нормальных условий жизни широких слоев населения, так и с точки зрения развития технологий в различных сферах жизни общества»².

Конечно, восточный стиль управления был далек от идеала, воспетого Конфуцием, принудительный труд, конфискация имущества, достаточно жесткое налогообложение были неотъемлемыми ее атрибутами, но как отмечает опять же У. Мак-Нил: «владение землей так сплелось с представлениями о воле высших сил, что уже ни сам император, ни тем более кто-то иной не решался посягать на вотчины подданных»³. И далее, он пишет: «Если могущественные духи предков и впрямь охраняли земли влиятельных родовитых семей, никто в здравом

¹ URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml.

² Ломакина И.Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 1(89), 2021. С. 20.

³ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. К.: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. С. 316.

рассудке не осмелился бы вызвать их гнев попыткой искоренить законный род»¹.

Советская политико-правовая мысль в отличие от У. Мак-Нила в целом в неприглядных красках рисовала восточную государственность, используя марксистскую идею азиатского способа производства как основы рабства и отсталости восточных цивилизаций. Несмотря на то, что сама советская государственность в своем основании имела те же структурные предпосылки, и, по сути, имела восточный вектор цивилизационного развития, она упорно открещивалась от него как от рудимента, с которым пришлось родиться. Поэтому восточный деспотизм – антипод настоящему коммунистическому самоуправлению трудящихся масс, полагали «социальные конструкторы» советской системы. Таким образом, восточная бюрократическая традиция управления попадала под перекрестный огонь как со стороны западной историографии, так и советской, которая идеологически обосновывала свой аутентичский путь цивилизационного развития, не примыкая ни к восточной, ни к западной традиции управления.

Бюрократическая культура не предполагает открытости, т. е. политической плюральности, за что, собственно говоря, ее критикуют либералы. Однако, как нам представляется, все же она содержит в себе некий имманентный механизм сдержек и противовесов. Не без оснований конфуцианская, брахманистская, христианская (ортодоксальная), мусульманская и др. традиции апеллируют к небесному мандату. Поэтому бюрократическая культура постулирует идею – «симфонии власти государственной и религиозной». Иногда бюрократическая культура прибегает и к квазирелигиозной власти. Тогда партия или какая-нибудь другая статусная группа (имеющая властный и материальный ресурс) выступает ведущей и направляющей силой в обществе, а ее идеология начинает претендовать на «великий рассказ» (метанарратив – Лиотар), рассказанный уже не апостолом или брахманом, а вождем «всех времен и народов!».

Соответственно, государство, а вернее правящий класс (номенклатура) в лице ее передовой части (авангарда) – выступает транслятором соответствующих идей и ценностей. Институциональная структура выстраивается таким образом, что «гармонично развитая личность» культивируется на всех уровнях системы, превращаясь в борца за «светлое будущее». Государственная машина социализирующая индивида, использует различные способы примирения и включения его в общий «политический танец жизни». При этом ритуализации отводится особое место, как способу символического закрепления социально-значимой роли от выполнения, которой зависит благополучие всего народа

¹ Мак-Нил У. Указ. соч. С. 316.

и государства в целом. «Политическая преданность, входившая в институциональную структуру восточного общества, предполагала достаточно жесткие нормы поведения. Эти практики демонстрировали послушание, выраженное в различных символических действиях. Например, сложение рук на груди, поклоны, падение ниц, рукоцелование и проч.»¹.

Поэтому как утверждалось в ранее опубликованной нами статье бюрократическая культура связана с «... поддержкой имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного порядка в сфере социально значимых отношений должна осуществляться с помощью воспитания и образования. И это выглядит вполне логично, так как образование требует дисциплины и отчасти самоотречения от соблазнов и удовольствий обычной человеческой жизни, которые могут сбить человека с правильного, истинного пути. Поэтому «истинный путь», «правильный путь», «праведный путь» – требовал сначала послушания родителям, потом учителям, различным наставникам (вожатым) затем послушание переходило в плоскость политических союзов и государства»².

Бюрократическая традиция управления имеет еще ряд особенностей. Например, примат долга и ответственности над индивидуальными правами и свободами. Государство носит как правило персонифицированный характер и в массовом сознании отражается через призму царя, государя, императора. В этой связи, весьма примечательна этимология слова «государства». Так, например, славянский дискурс – апеллирует к главе государства и в зависимости от того, как называется титул правителя государство выступает как княжество (князь), царство (царь), империя (император). Небезынтересна китайская версия, государство на китайском языке «состоит из двух слов государь goa и jia – семья. Эти слова сливаются в единое целое goajia – государство»³.

Бюрократическая культура имеет еще одну особенность о которой стоит упомянуть, это долговременность правления и средоточие властных полномочий в одних руках. Сила государства, как правило, увязывается в массовом сознании с «сильной рукой», которая с одной стороны «раздает пряники», с другой стороны – карает диссидентов.

Бюрократическая культура также активно эксплуатирует идею справедливости, видя в ней, прежде всего, распределение материальных

¹ Ломакина И.Б. Традиции и инновации в механизме воспроизводства правовой реальности // Источники и формы права в современной юридической науке. Сер. Теория и история государства и права. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2021. С. 84.

² Ломакина И.Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 20.

³ Тань Аошуань Ментальность срединного пути // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 51.

благ в зависимости от вклада в служение общему делу. В ряде случаев, бюрократическая культура апеллирует к идее всеобщего и равного распределения. Метафора «каждому по потребностям, каждому по труду» показывает начало реализации этого принципа при социализме. Принцип уравнительной справедливости, как полагали марксистско-ориентированные ученые, был альтернативой, западному принципу «формального равенства», в котором либертарианцы усматривали онтологические основания права¹.

Правовой статус человека, подданного, а позже «строителя коммунизма» этой традицией определялся служебным усердием (хотя, связи, деньги, происхождение имеют значение), но служебное усердие все же важнее в государственных делах. Отсюда феномен «политического евнухизма»², о котором упоминал К. Витфогель, описывая гидравлический деспотизм. «Политический евнухизм» был историческим феноменом восточных обществ, его социальные корни кроются в системе семейных отношений. Более подробно данная проблема получила освещение в недавно вышедшей монографии «Источники и формы права в современной юридической науке»³.

Бюрократический стиль руководства всегда предполагает господство и подчинение, а также принцип служения «общему делу». Крайним вариантом данного долженствования выступает идея подвига. Подвиг и подвижничество – две добродетели, которые воспевали идеологи бюрократии во все времена. Так, например, бюрократическая культура Китая впитала в себя конфуцианскую мораль с идеей ответственности перед государством (подвижничество) с коммунистической идеей долга (подвига). Небезынтересен опыт современных китайских компаний, которые выстраивают работу с персоналом на принципах конфуцианской морали, при обязательном участии партийной ячейки в управленческом процессе. При этом не имеет значения какая форма собственности у компании, даже иностранные компании обязаны обеспечить партийное (компартия) представительство⁴. Можно предположить, что «именно коллективистский вектор развития восточной традиции, априорно предполагающий идею примата долга и ответственности, включая неправомерные методы принуждения и воспитания предопределил возможность вполне гармоничного союза «любви и принуждения»

¹ Эффективность правового регулирования: монография / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М.: Проспект, 2017. С. 48.

² URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml.

³ Ломакина И.Б. Традиции и инновации в механизме воспроизводства правовой реальности // Источники и формы права в современной юридической науке. Сер. Теория и история государства и права. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2021. С. 84.

⁴ Правовые основы бизнеса в Китае / отв. ред. А.Е. Молотников, В. Шань. М.: Изд-во РКИО, 2018. С. 94.

коммунизма и конфуцианства. Их «брачный союз» явил миру чудеса экономического роста и созидательный потенциал китайской культуры»¹.

Таким образом, даже при кратком анализе фундаментальных положений восточных бюрократических культур можно утверждать, что опыт восточных государств (в недавнем прошлом – деспотий с азиатским способом производства), сохранил по сей день свой дух. Нет оснований полагать, что бюрократические культуры – это культуры, лишенные потенции своего развития. Бюрократические культуры – это культуры, сформированные исторически. Их «оправдание» стоит усматривать в материальных условиях жизни и ментальности народа, которые были творцами и остаются носителями этой традиции. Бюрократическая традиция управления не возникла из ниоткуда, и не может уйти в никуда. Она будет воспроизводиться в соответствующем социо-культурном контексте, вопреки оракулам предвещающим «конец истории» (Ф. Фукуяма).

Как показала социальная практика, бюрократические культуры могут отвечать запросам времени и весьма эффективно мобилизовать ресурсы (в широком смысле) в нужное время и в нужном месте, совершая невероятные экономические кульбиты. Бюрократические культуры могут быть легитимными в глазах своего народа, и с точки зрения внутренней логики развития иметь вполне правовой характер, хотя и со своей азиатской спецификой. Потенциал развития бюрократической традиции, по всей вероятности, безграничен, ее внутренняя логика развития зависит от материальных условий жизни и ментальности народа. Поэтому если народ жизнеспособен, то и традиция будет адекватно отражать внешние импульсы и изменяться в соответствии с необходимостью, порождая инновации, сохраняя в целом вектор своего цивилизационного развития.

¹ Ломакина И.Б. Указ. Соч. С. 25.

Пушкарёв Евгений Александрович,
доктор политических наук,
профессор кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Швец Анна Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры теории и истории права и
государства Краснодарского университета МВД России

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Полемика о традиционных ценностях в последние годы приобрела новый импульс в российском научном и общественном пространстве, движимым устойчивым политическим вектором. Ценностная составляющая российского государства получила свое закрепление в 2020 году в конституционных положениях.

Однако закрепление традиционных ценностей в качестве правовой категории не разрешает ряд теоретических и практических проблем. В частности, как отмечал М. Руднев, политический разговор в терминах ценностей порождает демагогию: можно говорить о державности россиян, а можно подчеркивать традиционную соборность; можно говорить о традиции послушания и сильной власти, а можно и о традиционной любви русских к свободе и бунту. Традиционное воображаемое общество противопоставляется современному и противоречит технологическому развитию. Ценности, по мнению М. Руднева, не неизменны, хотя и стабильны. Но набор ценностей россиян не уникален. В России растет важность самоутверждения, власти и богатства и падает ценность заботы об окружающих. Общество, в целом выигрывает от ценностного разнообразия. Вредно, когда лишь один вид ценностей представляется как единственно верный¹.

Ряд современных исследователей, основываясь на анализе научных работ XIX – начала XX века, утверждают о некоторой устойчивости национальных черт и их ценностных оснований. В частности, Т.А. Рассадина пишет о традиционных нравственных ориентирах русской культуры на духовное отношение к человеку, ценность коллектива и государства. По ее мнению, традиционные нравственные ценности составляют возвышающееся над земными благами душевное самочувствие человека; безусловное предпочтение общественного частному; верность,

¹ Руднев М. Традиционные ценности и реальность // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti> (дата обращения: 07.02.2022).

преданность, беспрекословное повиновение, служение государству, готовность к самопожертвованию¹.

Традиционные ценности российского общества исследователи связывают с государственным строем и его исторической трансформацией. Процесс поиска оптимальных форм государства, по выражению ученого И.А. Иванникова, перманентен. Ценность абсолютной монархии, как формы правления, обесценилась по сравнению с конституционной монархией. Монархии сменяли республики, а унитарные формы государственного устройства сменялись федерациями. В некоторых современных президентских республиках есть тенденции установления парламентских республик. В условиях меняющихся политических ценностей, по мнению И.А. Иванникова, общественное согласие как ценность достигается положительным результатом деятельности субъекта публичной власти для страны, уровня и качества жизни населения, в отражении и отстаивании его интересов. Оптимальные условия жизни для населения страны создаются тогда, когда «народ чувствует себя счастливым»².

Довольно широкая полемика в современной России развернулась вокруг традиционных ценностей семьи как основного элемента общества, выполняющего функцию репродукции населения. На фоне затянувшегося с начала прошлого века демографического кризиса остро ставятся вопросы сохранения семьи как института в неизменном виде: правовая регламентация брака только между мужчиной и женщиной, престиж материнства и отцовства, нравственно-религиозное осуждение аборт, супружеская верность, внутрисемейная иерархия.

Тем не менее в современном информационном обществе, где социальные связи все более приобретают сетевой характер, большое развитие получают нуклеарные (неполные) семьи, носящие недолговременный характер. Попытка же решения демографической проблемы с помощью миграционных потоков приводит к ослаблению суверенитета власти коренного населения.

Представляется, одной из мер увеличения социальной популярности института семьи сможет стать легитимация религиозных супружеских союзов в органах записи актов гражданского состояния. Как отмечает П.А. Якушев, браки, заключенные в уполномоченных религиозных организациях, будут способствовать повышению уровня общественной

¹ Рассадина Т.А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2005. С. 21.

² Иванников И.А. Государственно-правовые ценности России. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. С. 88.

нравственности, распространению религиозного понимания сущности и ценности брака и семьи¹.

В тоже время миграционная политика и использование религии в долгосрочной перспективе не в полной мере смогут решить демографическую проблему, укрепить ценность института семьи. По выражению С.А. Котовой, в ценностное отношение в постиндустриальном обществе вовлекаются помимо социальной и природной реальности также виртуальная реальность. Это приводит к «подмене» моральных и религиозных ценностей ценностями виртуального мира. Пользователи глобальной сети Интернет находятся в равных условиях, коммуницируют, познают мировую культуру, взгляды на общество и природу самого человека, в определенной степени отделяются от не участников виртуального мира². Представляется, в этих условиях необходима государственная поддержка развитию трудовой деятельности в онлайн-режиме для родителей несовершеннолетних детей.

Часть отечественных публицистов и исследователей традиционные ценности отождествляют в качестве элемента продолжающегося идеологического противостояния постсоветской России с западным миром, их противопоставления. В литературе можно встретить крайне реакционно-консервативные высказывания по этому поводу. Так, по утверждению Дежнева В.Н. и Новиковой О.В., традиционные ценности станут важным фактором победы в духовном противостоянии, в вооруженной борьбе в далеко не лучших экономических условиях с Западом. Традиция не исключает изменений, но выступает противником механического перенесения на отечественную почву чуждых, неприемлемых ценностей³. По мнению А.Л. Анисина, противодействие нормам жизни европейской цивилизации воспринимается многими как отстаивание святынь и противодействие злу, приводит к созданию традиционалистами островков «нормальной» жизни в форме землячеств, могущих нести преступный характер⁴. Также в качестве примера можно привести конспирологические высказывания В.Д. Червенчука. Алчность транснациональных корпораций, пишет он, толкает их (в погоне за

¹ Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 26.

² Котова С.А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. С. 15–16.

³ Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 73–74.

⁴ Анисин А.Л. Традиционные ценности в эпоху отсутствия традиций // Социальные ценности и выбор времени: материалы V Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора С.М. Шалютина. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2011. С. 10.

прибылью любой ценой) на разрушение традиционных ценностей, самобытной культуры у всех народов мира. Их цель – превратить все народы в однородную биомассу, алчного потребителя, желаниями которого легко манипулировать посредством рекламы и пропаганды американского образа жизни. Наемному работнику предписано быть (в данной западной системе ценностей) духовно безнравственным и геополитически безграмотным¹.

В определенной степени отрицательное влияние западной культуры на чувствительные для российского населения институты семьи и воспитания детей (разводы, аборты, брошенные дети, малодетность) имеет в настоящее время преувеличенный характер² и вписывается в общий политический курс на укрепление суверенитета. В тоже время отрицать влияние западной цивилизации тоже нельзя. Следует согласиться с С.А. Барсуковой, что формирование ценностной системы российского населения сегодня происходит под влиянием одновременно традиционной российской и западной культур, причем фиксируется перемещение интересов с духовной, интеллектуальной сферы в материальную³.

Связывание конфронтационных политических процессов с современной отечественной ценностной средой можно встретить не только в литературе, но и в официальном нормотворчестве. Так, в указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» угрозами утраты культурного суверенитета названы информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры (п. 88). США и их союзники, неправительственные и другие организации распространяют социальные и моральные установки, противоречащие традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации (п. 87). Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями (п. 20)⁴.

Следует констатировать, что политическое манипулирование как правило осуществляется на базисе ценностей, имеющие связь с генезисом общности. И эта связь весьма условно-устойчивая, не смотря на попытки

¹ Червенчук В.Д. О несовместимости традиционных духовно-нравственных ценностей России с «экономикой роста» // VI Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве: уроки истории 1917–2017 гг. Материалы педагогических чтений. Тара, 2017. С. 147–148.

² Белобородов И. Традиционные ценности: наполнение смыслом // URL: https://ruskline.ru/special_opinion/2017/iyun/tradicionnye_cennosti_napolnenie_smyslom (дата обращения: 07.02.2022).

³ Барсукова С.А. Базовые общекультурные ценности россиян // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 1. С. 151.

⁴ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792> (дата обращения: 07.02.2022).

ее формализовать. В современном российском обществе традиционные ценности раздроблены и имеют различные исторические основания. Старшие поколения, выросшие в советском государстве, являются приверженцами советских идеологических установок. Молодое поколение более тяготеет к либеральным европейским ценностям, соответствующим глобальным информационно-технологическим тенденциям. Поддерживаемое государственной властью православие воспитывают в части общества патриархальные (монархические) взгляды.

В современной России можно наблюдать смену вектора поддержки государством либеральных ценностей на советские ценности с элементами дореволюционного монархизма. Происходит поиск оптимальных преемственных ценностей, вписывающихся в централизованную модель управления российским обществом.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическая элита находится в поиске идей, целей, могущих объединить российское общество в рамках государства и задать импульс к его развитию. В настоящее время отечественный идеологический концепт состоит из традиционных ценностей нескольких исторических эпох, культивирование которых происходит в тех или иных областях жизнедеятельности. Тем самым формируется патриотическое ядро, призванное объединить под свои знамена монархистов, социалистов и либералов.

Байкеева Светлана Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПЫТАНИЙ И ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРВЫЙ КЛАССНЫЙ ЧИН ПО ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Функционирование современного государства, продуктивная деятельность органов государственной власти и управления, формирование комплекса инструментов взаимодействия государства и общества видится в тесной взаимосвязи с совершенствованием института государственной службы. Особого внимания заслуживает ее кадровое обеспечение, так как эффективное решение кадровых задач является залогом успешного функционирования всей системы государственной службы государства.

В настоящее время в нашей стране назрела острая необходимость в выработке принципиально новых подходов к совершенствованию

деятельности государственной службы, определении принципов и направлений ее развития.

Становление гражданского общества и правового государства тесно связано с результативностью генезиса принципиально новой системы кадрового обеспечения государственной службы, которая сможет обеспечить осуществление демократических прав и свобод, новых подходов в системе государственного управления. В условиях реформирования всех сфер жизни общества назрела настоятельная необходимость восполнить дефицит квалифицированных государственных служащих, способных, в соответствии со своей квалификацией, эффективно принимать управленческие решения, свободных от бюрократизма и коррумпированности. Так, Д.С. Кононова полагает, что «Знания и человеческий потенциал является частью процесса структурных изменений в современной модели управления государственной службой. Именно поэтому необходимы новые подходы к подбору кадрового состава на государственной службе»¹.

Проблема компетентного подхода к кадрам государственной службы для российского государства не нова. Еще в годы правления Петра I одним из важнейших составляющих организации государственной службы в России стала иерархическая система чинов, ставшая предпосылкой формированию системы кадрового обеспечения органов государственной власти и управления. Такая организация системы должна была позволить сформировать крепкий чиновничий корпус, деятельность которого основывалась на соблюдении принципа трудовой дисциплины и субординации.

Эволюция подходов к кадровому обеспечению государственной службы обусловила выработку целого ряда нормативных документов, регламентирующих требования, предъявляемые к кандидатам на службу. Так, 6 августа 1809 г. император Александр I, подписал указ, подготовленный М.М. Сперанским «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники». Цель принятия указа раскрывалась в самом документе: «...все части Государственного служения требуют сведущих исполнителей, и чем далее отлагаемо будет твердое и отечественное образование юношества, тем недостаток в последствии будет ощутительнее...дабы положить наконец преграду изысканиям чинов

¹ Кононова Д.С. Применение компетентного подхода на государственной гражданской службе: какие знаки и навыки необходимы государственным гражданским служащим в рамках цифровизации образования? // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 22–23 апреля 2019 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Т. 1. С. 90.

без заслуг, а истинным заслугам дать новое свидетельство Нашего уважения...»¹.

Последующие усилия законодателя были призваны решить эти задачи. Так, в Уставе о службе по определению от правительства 1896 г. содержались основные критерии отбора кандидатов на получение первого классного чина по гражданской службе – состояние лица или его происхождение, возраст и познания.

Кандидаты, не достигшие 14-летнего возраста, не могли быть причислены на службу к какому-либо гражданскому ведомству и не могли быть допущены к испытаниям. Преимущество к допуску к испытаниям предоставлялось лицам, окончившим полный курс наук в университетах, гимназиях и иных высших и средних учебных заведениях.

Лица, окончившие курс в низших учебных заведениях, или вовсе не обучавшихся в них были обязаны в процессе предварительных испытаний доказать свои навыки и умения в чтении, письме и арифметике².

Лица, подлежащие испытанию на первый классный чин, подвергались ему по месту своей службы или места командирования при условии, что командирование длится более трех месяцев. Испытания проводились в городах, где имеется попечительство об учебных округах, либо в высших и средних учебных заведениях, а при их отсутствии и в других местах, определенных губернскими и областными чиновниками Министерства внутренних дел, либо Министерства народного просвещения. Определялось, что «Министрам внутренних дел и народного просвещения предоставляется, по взаимному соглашению, определять, в каких именно городах, по отдаленности учебных заведений, может быть допускаемо производство испытаний через назначаемых на сем основании лиц»³. Порядок проведения испытаний на первый классный чин определялся правилами, устанавливаемыми Министерством народного просвещения.

27 ноября 1876 г. Министерством народного просвещения были приняты Правила для испытательных комитетов и учебных заведений о порядке испытания на первый классный чин, которые определили новый подход к проведению испытаний. Документ регламентировал порядок

¹ Именной, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники» // Полное Собрание Законов Российской империи в 45 томах. Собр. 1. Т. XXX. № 23771.

² Устав о службе по определению от Правительства: практическое пособие / сост. А. М. Нюренберг. Санкт-Петербург: б.и., 1910. 352 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=237738> (дата обращения: 16.02.2022).

³ Чарнолуский В.И. Испытания на первый классный чин и производство в этот чин: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений по всем учебным округам / сост. В. Чарнолуский. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1910. С. 10.

подачи прошений для прохождения испытаний на первый классный чин, согласно которому прошения подавались кандидатами своим непосредственным начальникам.

Начальники, в ведомстве которых состояли на службе кандидаты, подавали списки, содержащие сведения о просителях, содержащие имя, отчество и фамилию кандидатов, их вероисповедание, возраст и должность в надлежащие учебные заведения и испытательные комитеты. Сведения подавались два раза в год – 1 сентября и 1 января¹. Испытания проводились на знания в области «...1) Закона Божия, 2) русского языка, 3) арифметики, 4) геометрии, 5) географии (всеобщей и русской), 6) истории (всеобщей и русской)»². Ответы испытуемых оценивались по пятибалльной шкале. Выдержавшие испытание с оценкой не ниже «удовлетворительно» получали о том свидетельство, в котором указывалось место проведения испытания и оценки по сданным предметам, и могли претендовать на производство в первый классный чин.

Лица, подвергшиеся испытаниям и не набравшие требуемых баллов, имели право пройти испытания снова, в течение шести недель от подачи прошения, но только один раз. Испытание в третий раз не допускалось. Так же допускалось прохождение испытания теми лицами, которые по уважительным причинам (болезнь и т. д.) не смогли пройти испытания.

В некоторых случаях кандидатам предоставлялось право не проходить испытания на первый классный чин. Так, к примеру, такое право предоставлялось лицам, окончившим курс обучения в учебных заведениях, которые по объему предметов преподавания были признаны Министерством народного просвещения не ниже уездных училищ. Такое же право предоставлялось лицам, получившим домашнее образование, сдавшим экзамены установленного образца. Те лица, которые выдержали испытания на звание учителя начального училища, имели право при производстве в первый классный чин пройти только дополнительные испытания по геометрии и всеобщей истории.

Таким образом, необходимо отметить, что законодательство конца XIX начала XX вв. регламентировало особенности производства в первый классный чин по гражданской службе. Оно предъявляло жесткие требования к кандидатам поступления на государственную службу, вводило ограничения и запреты. Устанавливался ряд испытаний для государственных служащих, имеющих намерение продвигаться по служебной лестнице. Испытания позволяли выявить у кандидатов знания и навыки, необходимые для осуществления профессиональной деятельности, а так же установленных государством и отдельными его структурами правил, норм и предписаний.

¹ Правила для испытательных комитетов и учебных заведений Министерства народного просвещения о порядке испытания на первый классный чин. Одесса. Тип. П. Францова. 1877. С. 1.

² Там же.

Белоусова Дарья Сергеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением
федерального законодательства и участия прокурора в гражданском,
административном судопроизводстве и арбитражном процессе
Университета прокуратуры Российской Федерации

ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРОРОВ

Действующими международными нормативными документами¹ провозглашено право каждого на признание собственной правосубъектности.

Категория «правосубъектности» достаточно глубоко теоретически исследована, рассмотрению и обоснованию ее природы и структуры посвящено множество научных работ. Не вдаваясь в существо научных взглядов и концепций на этот счет, отметим, что придерживаемся точки зрения ученых², рассматривающих правосубъектность лица как совокупность его правоспособности, т. е. способности обладать правами и нести обязанности, и дееспособности – способности к самостоятельному осуществлению прав и исполнению обязанностей, а также несению юридической ответственности за совершенное правонарушение.

Очевидны два факта: с одной стороны, правосубъектность является неотъемлемым элементом правового статуса любого субъекта права, а с другой – она априори не может быть одинаковой для всех. Объем и содержание правосубъектности зависит от множества факторов: возраста лица, рода его профессиональной деятельности, сферы правоотношений, роли носителя правосубъектности в соответствующих отношениях и др.

Возможность дифференциации правосубъектности нашла отражение в трудах А.В. Венедиктова (различал общую и отраслевую правосубъектность), В.Ф. Яковлева, С.С. Алексеева и других именитых ученых. В научных публикациях рассматриваются трудовая³,

¹ Всеобщая декларация прав человека, ст. 6 (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. № 67, 1995.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981–1982. Т. 2. М., 1982. С. 139; Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 55–56; Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): Дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 113–118; Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–19.

³ См., напр.: Зайцева О.Б. Трудовая правосубъектность гражданских государственных служащих // Lex Russica. 2007. № 3. С. 480–497; Федин В.В. Трудовая правосубъектность работника // Lex Russica. 2004. № 3. С. 718–733.

административная¹, финансовая², финансово-контрольная³ и иные виды отраслевой правосубъектности.

Дифференцируют правосубъектность и в зависимости от ее носителя. В научной литературе рассматривается правосубъектность органов контроля⁴, налоговых органов⁵, судей⁶, научных работников⁷ и др.

Полагаем, что и прокуроры⁸ обладают специфической прокурорско-надзорной правосубъектностью, наличие которой выступает условием эффективной реализации ими возложенных на прокуратуру важнейших государственных функций и задач. Достаточно подробно содержание такой правосубъектности раскрыто в научной публикации «Прокурорско-надзорная правосубъектность»⁹.

Рассматривая особенности этого специфического вида правосубъектности путем анализа ее структурных элементов – прокурорско-надзорных правоспособности и дееспособности, можно заключить, что правоспособность субъекта прокурорского надзора¹⁰ (т. е. возможность обладать правами и служебными обязанностями, приобретать соответствующие надзорные полномочия) имеет универсальный характер и не зависит от занимаемого им должностного положения. В отличие от правоспособности, прокурорско-надзорная дееспособность (т. е. способность своими решениями и действиями (бездействием) приобретать права,

¹ См., напр.: Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005. С. 123–270.

² Рыбакова С.В. Финансовая правосубъектность кредитных организаций // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 47–54.

³ Анисифоров Т.С. Публично-правовой характер института аудита в России // Банковское право. 2018. № 5. С. 54–61.

⁴ Данилов-Данильян А.В. К вопросу о границах правосубъектности органов контроля и надзора в представлениях российского бизнеса // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 40–47; Андреева Е.М. Недостатки правового регулирования финансового контроля (на примере межбюджетных трансфертов) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 40–48.

⁵ Дубинский А.М. Правосубъектность налогового органа в сфере финансового контроля // Финансовое право. 2011. № 11. С. 13–16.

⁶ Солянка П.Б. Правоспособность и дееспособность суда (теоретико-правовые аспекты проблемы) // Российский судья. 2016. № 12. С. 52–55.

⁷ Барабашев А.Г., Камалян А.М., Пономарева Д.В. Некоторые вопросы правосубъектности научных работников в зарубежном праве // Юрист. 2020. № 8. С. 36–42.

⁸ В данном контексте и далее по тексту понятие «прокурор» имеет собирательное значение и охватывает должности, перечисленные в абз. 2 ст. 54 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

⁹ Белоусова Д.С. Прокурорско-надзорная правосубъектность // Законность. 2021. № 9. С. 3–7.

¹⁰ Под субъектом прокурорского надзора понимается носитель надзорной функции прокуратуры – должностное лицо органа прокуратуры, действующее в соответствии со своей компетенцией. См., напр.: Прокурорский надзор: учеб. для вузов / под ред. А.Я. Сухарева. М. 2003. С. 16.

исполнять обязанности в ходе осуществления надзорной функции прокуратуры, а также нести юридическую ответственность) является категорией изменчивой, подвижной. Ее объем и содержание зависит от очень многих факторов: должностного положения, «специализации» прокурора (содержания реализуемой им надзорной функции), места органа прокуратуры в системе прокуратуры Российской Федерации и др. Соответственно характеристики прокурорско-надзорной дееспособности каждого прокурора могут изменяться в связи с повышением или понижением в должности, сменой направления профессиональной деятельности и др.

Ключевыми элементами, определяющими объем и содержание прокурорско-надзорной дееспособности прокурора, являются его полномочия и компетенция.

Полномочия, которыми наделены прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора, регламентированы ст. ст. 22, 27, 30, 33 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), а также нормами гражданского процессуального, арбитражного процессуального, административного и уголовно-процессуального законодательства. При этом часть указанных полномочий (например, принесение актов прокурорского реагирования, инициирование прокурорской проверки и др.) может быть реализована лишь прокурорами – руководителями.

Компетенция прокурора определяет границы, в которых осуществляются предоставленные ему надзорные полномочия¹. Разграничение компетенции между прокурорскими работниками определяет основу эффективной организации надзорной деятельности прокуратуры.

Особенности прокурорско-надзорной правосубъектности транспортных прокуроров определяются, в первую очередь, их специфичной компетенцией, обозначенной приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (далее – приказ № 84), от 15.07.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» (далее – приказ № 211), от 10.06.2019 № 384 «Об осуществлении органами прокуратуры полномочий по санкционированию решений таможенных органов об аресте имущества для обеспечения взыскания таможенных и иных платежей», а также организационно-распорядительными документами нижестоящих прокуроров – руководителей, детализирующих предметную и территориальную компетенцию подчиненных прокурорских работников транспортных прокуратур.

¹ См.: Козлов А.Ф. Компетенция прокуратуры и организация ее работы. Свердловск, 1983. С. 26.

В соответствии с приведенными нормативными документами на транспортных прокуроров возложен надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти (их должностными лицами) в области железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, а также в таможенной сфере и в сфере обустройства Государственной границы Российской Федерации; Следственным комитетом Российской Федерации; органами контроля (их должностными лицами); органами внутренних дел на транспорте; Государственной инспекцией по маломерным судам МЧС России (далее – ГИМС МЧС, в части реализации полномочий, связанных с безопасностью судоходства), а также руководителями организаций, осуществляющих деятельность в указанных сферах; соответствием Конституции Российской Федерации и законам, издаваемых ими правовых актов; надзор за законностью осуществления оперативно-розыскной и процессуальной деятельности органами внутренних дел на транспорте и таможенными органами, а также за процессуальной деятельностью следственных управлений на транспорте Следственного комитета Российской Федерации при выявлении и расследовании преступлений на транспорте, в таможенной сфере и др.

Таким образом, полномочия транспортных прокуроров определены сферами функционирования железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, а также таможенной сферой. Соответственно, в самом общем понимании круг поднадзорных транспортным прокурорам объектов составляют перечисленные в ст. 22 Закона о прокуратуре органы, организации и их должностные лица, осуществляющие свою деятельность в указанных сферах. А если субъект хозяйствования, основным видом деятельности которого согласно регистрационным документам является деятельность в области транспорта или в таможенной сфере, нарушает нормы законодательства, ни коим образом не связанные с функционированием транспортного и таможенного комплексов? А если нарушение выявлено в деятельности ГИМС МЧС, предприятий рыбопромысловой отрасли или предприятий, осуществляющих проектирование, изготовление и ремонт транспортных средств, которые исходя из положений приказов № 84 и № 211 фактически имеют «двойную поднадзорность» (надзор за их деятельностью отнесен к компетенции как территориальных, так и транспортных прокуроров)? Кто в таком случае (специализированный или территориальный прокурор) наделен прокурорско-надзорной правосубъектностью для проверки и принятия актов прокурорского реагирования в отношении таких субъектов? Является ли проведение прокурорской проверки и принесение прокурором актов прокурорского реагирования с нарушением установленной ведомственными актами компетенции основанием для признания такой проверки и актов незаконными?

Все эти и многие другие вопросы ежедневно ставит практика. Их наличие является подтверждением определенных проблем, связанных с недостаточной нормативной урегулированностью прокурорско-надзорной правосубъектности транспортных прокуроров.

Например, постановлением президиума Тверского областного суда от 30.11.2015 по делу № 44-г-53 отменены решения нижестоящих судебных инстанций об удовлетворении исковых требований Тверского межрайонного транспортного прокурора к ООО «С.» о признании незаконными действий ответчика по нецелевому использованию земельного участка сельскохозяйственного назначения путем возведения на нем ангаров для хранения воздушных судов и сносе указанных самовольных построек. Оставляя иск прокурора без рассмотрения по существу, президиум Тверского областного суда исходил из того, что транспортный прокурор, обращаясь в суд с указанным иском, вышел за пределы предоставленных полномочий, поскольку спорные правоотношения не относятся к таможенной сфере либо сферам деятельности железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Однако, Верховный суд Российской Федерации признал доводы суда кассационной инстанции несостоятельными, указав, что приказ Генерального прокурора РФ № 84 издан для оптимизации деятельности органов прокуратуры и не ограничивает предусмотренное законодательством право прокурора на обращение в суд. В рассматриваемом случае действия транспортного прокурора были направлены на устранение нарушений закона, выявленных в ходе законно проведенной в рамках предоставленных полномочий проверки исполнения законов о безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта¹.

Очевидно, что вопросы прокурорско-надзорной правосубъектности транспортных прокуроров требуют глубокой теоретической проработки и нормативного разрешения (главным образом, посредством конкретизации их предметной компетенции и установления четких, единых и понятных критериев разграничения такой компетенции между территориальными и специализированными прокурорами).

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.08.2016 № 35-КГПР16-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Боков Юрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета

ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ РЕЙХСТАГА КАК МЕХАНИЗМ ЛЕГИТИМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Легитимный – имеющий право, легитимация – оправдание, удостоверение правомочности¹. Противоположный смысл вкладывается в понятие «нелегитимность». Чтобы утвердить свое господство, любая форма власти должна показать, что она легитимна и законна. Население в какой-то степени принимает господство или даже способствуют его сохранению. На практике манипулирование господствующих подчиненными, принятие сложившегося господства являются частью процессов, которые трудно раскрыть, так как они в немалой степени психологически и символически обусловлены и, следовательно, остаются по большей части непостижимыми². Вопросы легитимации власти тесно переплетаются с традициями и культурой общества.

Культура, и, соответственно, политические представления жителей Германской империи со временем менялись. Возрастало количество граждан, отказывающихся признавать божественную легитимацию власти. В связи с этим, канцлер Отто фон Бисмарк отмечал: «...Вы не верите в короля Божьей Милостью, но очень многие верят... люди традиционно верны королевской династии...»³; «...прусские монархи получили свои неограниченные права не от народа, а Божьей милостью, ... часть своих прав они добровольно передали народу...»⁴. В детском воображении Германский император занимает положение более высокое, чем Бог... С момента, когда у молодых граждан побуждается сознательное отношение к жизни, в них живет убеждение не только в необходимости беспрекословно повиноваться военной власти, но даже в полученном «свыше» совершенстве власти гражданской⁵. В Германской империи

¹ Herders Conversations-Lexikon/ Herausgegeben von Johannes Bumüller. Bd. 3. Freiburg im Breisgau, 1855. S. 731.

² Glaser K. Über legitime Herrschaft. - Wiesbaden: Springer VS, 2013. S. 37.

³ Bismarck Otto v. Erinnerungen und Gedanken. Bd. VII. Berlin: Friedrichsruher Ausgabe, 1924–1935. S. 235.

⁴ Bismarck Otto v. Erinnerungen und Gedanken. Bd. X. Berlin: Friedrichsruher Ausgabe, 1924–1935. S. 4–5.

⁵ Обзор осведомительного отдела МИД Российской империи от 19 декабря 1916 года // АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 758. Л. 27.

можно было услышать, что надо быть монархистом по привычке, как по привычке же культурный человек пользуется зубной щеткой¹.

С ростом революционных требований, повышением уровня правовой и политической культуры населения легитимность, базирующаяся на концепции божественности власти, постепенно начинает замещаться легитимностью, в основе которой лежит идея народного суверенитета. Народный суверенитет при умеренности королевской власти воплощается в новую легитимность². Теперь монархи и правительства, учитывая, что только легитимность дает постоянство правительству и буржуазному порядку³, вынуждены проводить определенные демократические преобразования. Однако, в большинстве случаев правители продолжают путь по проторенной дорожке, стремясь вновь прочно обосновать пошатнувшийся принцип божественного права, чтобы через то же самое хлестать народы кнутом⁴.

В Конституции Германской империи 1871 года о народе как источнике власти не упоминалось. При этом в нормативных актах наблюдается отказ от использования термина «подданный», являющимся символом политического бесправия, в пользу термина «гражданин», олицетворяющему юридически свободную личность, наделенную правом на участие в общественной жизни⁵.

В целях повышения легитимации государственной власти был создан Германский рейхстаг, полномочия которого были усеченными. О. Бисмарк сумел убедить императора Вильгельма I не противиться проведению выборов депутатов этого представительного учреждения на основе всеобщего мужского избирательного права.

Официальная печать Пруссии накануне выборов публиковала статьи в поддержку правительства. В которых указывалось, что народ в своем большинстве не имеет ничего общего с бесплодной демократической суею, а, скорее всего, считает пути правительства благими и целебными. Требования, которые предъявляются к человеку в связи со всевозможными выборами, с течением времени вызвали определенное перенасыщение и для многих уменьшили важность их индивидуального голоса. Многие

¹ Донесения В. П. Сватовского // АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 422. Л. 9.

² Treitschke Heinrich. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Bd. 4: Bis zum Tode König Friedrich Wilhelms III. Leipzig, 1889. S. 54.

³ Börne Ludwig. Briefe aus Paris. Bd. 5. Paris, 1834. S.194.

⁴ Wirth Johann. Das Nationalfest der Deutschen zu Hambach. Heft2. Neustadt, 1832. S. 34.

⁵ Боков Ю.А. К вопросу об использовании понятий «гражданин» и «подданный» в правовых и научных источниках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 403; Боков Ю.А. Этимологические, правовые и культурологические аспекты употребления терминов «подданство» и «гражданство» в Германской империи // Вопросы истории. 2021. № 1. С. 100. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202101Statyi30; Bokov Yu.A. Conceptus «citizen» and «subject»: dynamics and prospects of development // SHS Web Conf. Volume 69. 2019. Article Number 00024.

избегают выборов, потому что опасаются, что их втянут в политическую борьбу. Другие равнодушны к выборам, потому что считают, что их голос не влияет на итоговое решение. Третьи воздерживаются от голосования, поскольку представленные кандидаты не совсем соответствуют их политическим убеждениям, и поэтому они не хотят помогать никому из них в победе. Далее авторами статьи подчеркивалось, что тот, кто так думает и действует, нарушает свой долг. Не каждый должен публично высказывать свои взгляды, и тем более, доносить их до более широкого круга лиц. Понятно также, что из-за того, как ведется избирательная кампания, из-за зачастую необоснованных средств, которые отдельные партии не боятся использовать, прямолинейный и честно мыслящий человек злится на происходящее и не хочет в этой суете участвовать. Воздержание от голосования было и остается нарушением долга избирателя. Лицо, воздерживающееся от голосования, поддерживает ситуацию, при которой избранный депутат не выражает истинных взглядов электората и тем самым помогает более активному меньшинству одержать победу. По сути это снова борьба традиционных противоположностей. С одной стороны, есть партии, которые выступают за конституционную королевскую власть и видят в ней, а вместе с ней возможность, гарантию благополучного развития отечества. Им противостоят партии, которые фактически появляются только под предлогом осуществления прав народа, их правление, продолжительность которого, основанное на возбуждении народных страстей, всегда коротко и пагубно. Выбор должен быть сделан между этими сторонами. Перед лицом этого решения, от которого зависят будущее отечества, личные чувства и соображения должны отступить. Любой, кто поддается им, не понимая важности того, что поставлено на карту, несет на себе серьезную ответственность. Многие избиратели могут в глубине души думать, что королевская власть в стране достаточно сильна, как всегда была и всегда будет, чтобы укротить разногласия, поэтому для него, избирателя, это всего лишь бесполезные усилия. Такие избиратели забывают, что с народным собранием, которое только выступает против правительства короля, нельзя продвигать важные дела страны. Неизбежным следствием этого является застой. Любой, кто убежден, что сильное монархическое королевство, основанное на конституции, является условием жизни нашего государства, должен поддержать представителя, который сможет хотя бы прийти к пониманию с правительством короля¹.

Агитируя граждан принимать активное участие в выборах, проправительственные издания указывали, что в руки народа вложено тяжеловесное право: право непосредственным голосованием призвать людей, которые сообща с имперским правительством должны быть

¹ Vor den Wahlen // Neueste Mittheilungen. 13 October 1882. № 57. S. 1–2.

уполномочены устанавливать законы и учреждения. Также отмечалось в публикациях, что пришло время избирателям подумать о серьезной ответственности, связанной с этим правом, понять путь, который нужно пойти, чтобы выполнить свои патриотические обязанности по отношению к Германии¹.

Призывая граждан к активному участию в голосовании, власть желала тем самым получить более лояльный императору парламент. Традиционно считалось: не участвуют в выборах преимущественно консервативно настроенные граждане, поддерживающие королевскую власть; сторонники революционных преобразований, наоборот, достаточно активно участвуют в выборах. Социал-демократия, являясь врагом культуры, государственного строя и порядка, вторглась в немецкий народ, как чума, объединив за своих кандидатов миллионы избирательных голосов заблуждающихся людей². В агитационных плакатах социал-демократической партии указывалось, что те, кто голосует либерально, замешаны в существующем положении дел и ограничениях гражданских прав³.

В официальных изданиях отмечалось, что граждане и власть должны заботиться о национальном благе, поддерживать традиционные идеалы на высоком уровне, противостоять разрушению существующей культуры. Люди превратились бы в случайную, саморазрушающуюся дикую орду, если бы их не удерживала вместе сила базовых ценностей. Любой, кто пытается пошатнуть эти идеалы, подрывает почву, на которой развиваются интеллектуальные и экономические силы народа⁴.

Выборы Рейхстага рассматривались как новая форма выражения доверия правительству⁵, способ легитимации государственной власти. Если на выборах побеждали правые партии, то это интерпретировалось как доказательство поддержки работы правительства. Явка на избирательные участки была очень высокая, что свидетельствовало о значительном уровне доверия к институту выборов Рейхстага и эффективности функционирования данного органа. Создание общегерманского парламента, нижняя палата которого формировалась населением посредством выборов, играло важную роль в повышении легитимности всей системы органов власти. Император, легитимность которого большинством населения вплоть до ноябрьской революции 1918 года не оспаривалась, продолжал обладать высшими атрибутами власти.

¹ Am Vorabend der Reichstagswahlen// Provinzial-Correspondenz. 28 August 1867. № 35. S. 1–2.

² Auch ein Jubiläum//Neueste Mittheilungen. 10 August 1894. S. 1.

³ Reichstagswähler! Juni 1903 // Bundesarchiv. Aa 311 {Reichstagswahlen}. Plak 001-001-054. Plak 001. Norddeutscher Bund, Deutsches Kaiserreich.

⁴ Der Tag von Sedan // Neueste Mittheilungen. 28. August 1894. S. 1.

⁵ Die Wahlen zum Reichstage // Provinzial-Correspondenz. 11 September 1867. S. 2.

Для раскрытия содержания принципа всеобщего избирательного права законодателем применяется метод негативного определения – в нормах права формулируются ограничительные избирательные цензы¹. Установленные цензы не позволяли значительной части населения принимать участия в выборах. Только со временем свободное избирательное право стало побеждать над наследственностью и божественной легитимностью², народный суверенитет получил свое воплощение в реальной политической жизни.

Представление о выборах как об основном легитимирующем механизме политической власти сегодня получило широкое распространение не только среди политической элиты и активной части электората, но и в научных кругах. В качестве механизма легитимации избирательные процедуры используются и не демократическими режимами. В этом случае выборы не играют ведущей роли в процессе легитимации, предельно формализованы и используются в качестве дополнения к иррациональным механизмам легитимации, таким, как божественность происхождения, тоталитарная идеология, культ личности, великодержавные традиции и т. д. При недемократических политических режимах выборы не являются институционализирующим механизмом, они виртуальны и выполняют функцию конвертации уже имеющихся ресурсов (финансового, административного, организационного и др.) в политический капитал или простого их «отмывания».

¹ Боков Ю.А. Избирательные цензы: на примере законодательства отдельных германских государств первой половины XIX века // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 390–392.

² Hampe Karl. Deutsche Kaisergeschichte in der Zeit der Salier und Staufer. Leipzig, 1909. S. 63.

Бондарь Олег Олегович,
кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России

Макаренко Андрей Иванович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

ОБЪЕДИНЕНИЯ ГРАЖДАН ДЛЯ УЧАСТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

В последнее десятилетие возросла доля участия общественных объединений в жизни государства, одним из основных способов такого вовлечения является активное взаимодействие общественности с органами государственной власти. Данная тенденция продиктована Президентом Российской Федерации не случайно, а с целью укрепления демократии в стране и в целях установления прозрачности деятельности органов государственной власти. Создание политических движений и привлечение в их структуры различных слоев населения, особенно важным результатом таких начинаний стало создание Общественной палаты¹, которая выполняет роль органа народного контроля и реагирует на обращения граждан.

В современной России, а именно с момента принятия Конституции 1993 года, резко изменился вектор государственной политики, который может быть охарактеризован как гласный с привлечением населения государства в его деятельность, таким образом не должно создаваться впечатление у населения, что государство находится около населения и их пути развития не совпадают. Как раз наоборот, государство по своему целевому назначению призвано решать вопросы населения и обеспечивать его интересы.

Следует проследить какие способы взаимодействия населения и органов власти от местного до федерального уровня сегодня являются наиболее частыми. На местном уровне в муниципалитетах, конечно, это напрямую зависит от его численности, могут быть использованы формы непосредственной демократии сходы граждан, так и территориальные общественные самоуправления. Кстати, последние осуществляя свою деятельность в границах монопольного образования, фактически своими силами создают режим «наилучшего пребывания». На региональном и

¹ Об Общественной палате Российской Федерации: федер. закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 11 апр. 2005 г. № 15, ст. 1277.

федеральном уровне создаются общественные объединения для удовлетворения либо отдельных социальных групп, а также для осуществления народного контроля за деятельностью органов государственной власти и органами местного самоуправления.

Складывается ситуация, в которой граждане объединяются по территориальному признаку и осуществляют свою деятельность на правах общественных объединений. Главной их задачей выступает отстаивание личных интересов и общества в целом на основе реализации собственных инициатив. Деятельность общественных движений реализуется в рамках уставной цели, к примеру, это может быть охрана окружающей среды, организация правозащитной деятельности или обеспечение социальных благ (справедливости). Однако деятельность создает практику, которая отражается на процессах, протекающих в масштабах государства, отстаивая наиболее важные вопросы в области государственного социального управления. Таким образом следует указать, что деятельность коллективных образований наиболее эффективно по сравнению с индивидуальными обращениями, поскольку существует опыт взаимодействия с публично-правовыми образованиями, а также деятельность носит постоянный характер и направлена на повышения уровня жизни общества¹.

Мировая практика показала, что общественные объединения выступают главным оплотом демократии, ярким примером выступает Франция, поскольку в этом государстве при обсуждении проекта нормативного правового акта участвуют десятки различных общественных объединений, что повышает долю участия населения и удовлетворение общественной потребности, а также максимально гармонизирует принимаемый правовой акт². Такого рода практика обладает двумя характерными чертами, первую обозначим как позитивную, которая выражается в тщательном контроле при обсуждении и дальнейшем реализации, а также удовлетворение потребностей большинства социальных групп. Но стоит упомянуть и негативные факторы, а к ним относятся волокита и вспыхивающие как спички народные волнения.

В России на основании Закона об общественных объединениях³, последним предоставлено право принимать участие в выработке решений органов власти, а также выступать инициаторами изменений в общественную жизнь, предлагаемых через органы власти.

¹ Важнов С.С. Институт правотворческой инициативы граждан в системе народовластия в Российской Федерации: Дис... к.ю.н. Саратов, 2007. С. 130.

² Общественные объединения и органы власти: правовая основа и опыт взаимодействия. М., 1997. С. 209.

³ Об общественных объединениях: федер. закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 22 мая 1995 г. № 21, ст. 1930.

Вопросами изменений условий труда, а также принятие решений в сфере труда на основании Закона о профсоюзах¹, органы государственной власти и органы местного самоуправления осуществляют с принятием участия и учетом мнения соответствующих профессиональных союзов. Права, которыми обладают профессиональные союзы могут быть реализованы путем обращения с инициативой об изменении нормативных правовых актов в социально-трудовой сфере, а также профессиональные союзы выступают представителями и посредниками во взаимоотношениях между работодателем и работниками. В юридической науке сложилось мнение, что данная деятельность признается правотворческой², поскольку направлена на изменения регламентирующего отношения законодательства и локальных актов на благо трудового населения и тех чьи права могут быть нарушены.

Проанализировав Закон об охране окружающей среды³, мы пришли к выводу о том, что реализация целевых программ в области охраны окружающей среды осуществляется с учетом мнения населения и общественных объединений.

Важным условием для обеспечения демократических начал в сфере регионального правотворчества на наш взгляд выступает возможность правотворческой инициативы, реализуемой в соответствии с Законом о деятельности законодательных и исполнительных органов субъекта⁴, поскольку данным нормативно-правовым актом предоставлена возможность на основании ст. 6 общественным объединениям и гражданам, проживающим на территории субъекта Российской Федерации выступать с законодательной инициативой.

Существует различные взгляды на существо деятельности общественных объединений, в частности реализуемая правотворческая инициатива должна считаться ничем иным как форма коллективных обращений – петиция. Однако из анализа норм региональных законов мы приходим к выводу о том, что данная форма коллективного обращения граждан в органы государственной власти направленное на реагирование в отношении узкого перечня вопросов и как правило сводится к вопросам

¹ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федер. закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 15 янв. 1996 г. № 3, ст. 148.

² Гриб В.В. Законотворческая (правотворческая) инициатива как форма влияния институтов гражданского общества на органы государственной власти. С. 14.

³ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 14 янв. 2002. № 2, ст. 133.

⁴ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 23.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 18 окт. 1999 г. № 42, ст. 5005.

охраны окружающей среды. Нами видится, что данная форма общественного обращения не может считаться правотворческой деятельностью, поскольку не направлено на изменение действующего нормативного правового акта или его отмену, а также в случае его отсутствия на принятие.

Следует указать что обращение граждан на основании соответствующего Закона¹, не должно быть расцениваться как правотворческая инициатива, поскольку, реализуя свое право граждане реализуют свое право в трех формах: заявление, предложение и жалоба. С одной стороны, термин предложение косвенно относится по смысловой нагрузке к инициативе, однако при детальном анализе мы можем наблюдать, что эти «рекомендации» относятся к деятельности органа или его должностного лица и носят необязательный характер.

Законы субъектов Российской Федерации содержат в своих формулировках право обращения общественным объединениям с законодательной инициативой. Так, например, в Уставе Краснодарского края², а именно в ст. 55 мы наблюдаем в качестве общественных объединений, обладающих правом законодательной инициативы: Краснодарское краевое объединение организаций профсоюзов и Торгово-промышленную палату Краснодарского края. Но стоит указать, что в ряде субъектов такого права вообще не предусмотрено для общественных объединений. В Конституции Республики Крым³, для общественных объединений, впрочем, и для граждан, проживающих на территории субъекта не предусмотрена возможность участвовать в правотворческом процессе региона с законодательной инициативой. Данная ситуация говорит нам о том, что не все субъекты Российской Федерации предоставляют право на такого рода правотворческую инициативу, мы считаем, что Основные законы регионов России должны в своем содержании закреплять право на участие граждан непосредственно, а также через их объединения в деятельности органов государственной власти.

Не смотря на положительные тенденции в обществе в российской науке встречаются мнения, направленные на формирование определенных ограничений в правотворческой сфере. Так по мнению А.В. Кочеткова⁴,

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 8 мая 2006 г. № 19, ст. 2060.

² Устав Краснодарского края (ред. от 09.12.2019) // Кубанские новости № 169, 11.09.1997.

³ Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11.04.2014) // Крымские известия № 68(5479), 12.04.2014.

⁴ Кочетков А.В. Региональный законодательный процесс: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 16.

несправедливо в отдельно взятых субъектах предоставлять право этническим группам для реализации права на законодательную инициативу. Мы согласны с этой идеей, поскольку Российская Федерация является многонациональным государством и в том случае, когда наблюдаем предоставление определенных преференций отдельным народам, то наблюдаем дискриминацию и ограничение конституционных прав и свобод остального населения России.

Разрешение ситуации вокруг участия в региональном правотворчестве общественности для России вопрос не новый, существуют много исследований и соответственно совокупность различных взглядов, которые являются катализаторами многих инновационных предложений в этой сфере. Следует отметить, что на протяжении последних десяти лет юридическая техника регионального законодательства по субъектному составу не претерпела особых изменений. Так следует указать, что рост числа субъектов, обладающих избирательным правом, не вырос.

По мнению В.И. Васильева¹, более широкий круг субъектов, обладающих законодательной инициативой на региональном уровне, является признаком роста демократии, если сравнивать с меньшим числом участников такого процесса.

В тоже время широкий круг участников законодательного процесса на региональном уровне в себе несет скрытую угрозу для всего правотворческого процесса. Ведь большое количество участников законодательной деятельности со стороны общественности будет реализовать свое право и только лишь увеличивать число нормативных правовых актов и своей целью преследовать частные интересы, а не публичные. С другой стороны, если свести к минимуму участников как это реализовано в Крыму, граждане будут фактически лишены права на участие в правотворческом процессе. Кроме того, следует упомянуть, что активная работа правотворческих активов уменьшает качественный показатель, что создает еще больше трудностей для правоприменителей и тех социальных групп, которые искали защиту или правовое регулирование коллизионных вопросов.

Все это указывает на то, что затянувшийся процесс в науке и отсутствие общего мнения по его существу не является случайным или злонамеренным. Поскольку именно в научной дискуссии апробируются различные варианты правоведения и удовлетворения потребностей различных социальных групп.

На наш взгляд наиболее оптимальным способом будет закрепление минимальных гарантий для участия в правотворческом процессе.

¹ Васильев В.И. Местное самоуправление: закон четвертый // Журнал российского права. 2004. № 1. С 6.

Поскольку лишать такого конституционного права вообще нельзя, но и предоставлять каждому желающему выступить и изменить формируемый десятилетиями уклад жизни общества считаем не целесообразным. В виду этого норма, регламентирующая участие общества в управлении делами государства на региональном уровне, должна быть федерального уровня, закон которой носил бы обязательный характер для региональных властей и находил свое отражение в законах субъектов Российской Федерации.

Особенно актуальным на наш взгляд выступает конкретизация участия общественных объединений на различную стадию принятия нормативно-правовых актов, как уже отмечалось важную роль в правотворческом процессе занимает этап с реализацией публичных слушаний. Именно на публичных слушаниях возможно учесть большинство голосов общественности¹. В настоящее время данный процесс может быть реализован по средствам сети Интернет, особенно важным элементом может выступить Портал Государственных услуг. Таким образом возможно реально отразить мнение населения региона и при этом не допустить вбросов и иных негативных моментов направленных на удовлетворение частных потребностей.

Рассматривая процедуру экспертизы проекта нормативного правового акта, следует обратить внимание на то, что уровень экспертизы регионального характера порой превосходит деятельность федерального, поскольку именно на федеральном уровне внесенные законопроекты порой не подвергаются должному анализу. Созданная Общественная палата осуществляет свою деятельность на федеральном уровне, аналогичные общественные организации создаются и на региональном уровне. Деятельность указанных организаций обеспечивает осуществление экспертизы проекта нормативных правовых актов с привлечением общественности. В последние годы именно по средствам сети Интернет граждане могут знакомиться с содержанием законопроектов и вносить свои предложения направленные на улучшение их содержания.

Не смотря на всю положительную динамику, не находит свое закрепление в законах субъектов так называемая «общественная экспертиза»². Данное обстоятельство свидетельствует о низкой заинтересованности населения в управлении делами государства. В виду этого целесообразно повышать уровень участия населения в общественных процессах правотворческого характера для упрощения дальнейшего правоприменительного процесса и ожидаемого восприятия населения на изменения общественной жизни региона. Наиболее эффективным способом привлечения общественности, выступает именно предоставление возможности общественным объединениям по своему усмотрению

¹ Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // LEX RUSSICA январь 2017. № 1 (122). С. 130–137.

² Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 74.

выносить на общественную экспертизу проекты законодательных инициатив для достижения ранее обозначенных интересов населения региона.

Данные инициативы не беспочвенные, поскольку в научной литературе¹ сложилось мнение, что законодательная техника регионов постепенно приходит к единообразию. Данное положение дел подтверждается следующими обстоятельствами:

- единство пути развития общественных интересов, продиктованных федеральной властью;
- использование опыта, направленного к снижению коллизий в законодательстве;
- создание единой юридической техники, формулируемых базовыми принципами.

Развитие ситуации в таком формате для Российской Федерации обусловлено решением проблем в законодательной сфере, поскольку региональное законодательство выступает составной частью государственного законодательства. Унификации правовых приемов опосредована вопросами разграничения полномочий между федеральной и региональной властью.

Причиной пристального внимания к региональному правотворчеству вызвано обеспечением баланса системы регионального законодательства. В этой связи деятельность правотворческого характера должна обеспечивать интересы общественности. Это условие как раз и обеспечивает вынесение на общественное обсуждение наиболее значимых законопроектов. Как ранее отмечалось должны быть привлечены различные социальные группы, которые сформулируют совокупность предложений, с учетом которых будет реализована законотворчество.

Однако остается не решенным вопрос, о том, что считать «наиболее значимым законопроектом». В первую очередь это законы связанные с оказанием влияния на права и свободы населения региона. Впрочем, при рассмотрении проекта Закона Краснодарского края о несовершеннолетних², общественность должным образом к обсуждению привлечена не была. Не смотря на всю положительную динамику принятого закона остаются в научной сфере лица, которые не разделяют такого рода ограничений, особенно в той сфере, что Краснодарский край со своим черноморским побережьем выступает курортом для всей России. Мы можем наблюдать, что региональные законодательные органы

¹ Власенко Н.А. Основы законодательной техники // Законодательные органы власти субъектов Российской Федерации. Практика. Мнения. Проблемы. 1996. № 2 (2). С. 66.

² О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 21.07.2008 № 1539-КЗ (ред. от 06.02.2015) (принят ЗС КК 16.07.2008) // Кубанские новости, № 120, 22.07.2008.

не всегда учитывает мнение институтов гражданского общества. А закрепление в региональных законах права общественных объединений участвовать в законодательном процессе с собственной инициативой или правом вынесения на общественную экспертизу законопроекта не решит сложности участия общественных образований и учета мнения населения региона в правотворческом процессе регионального уровня.

С учетом всего вышеизложенного следует указать, что в настоящее время участие в правотворческом процессе объединений граждан можно представить двумя формами поведения, а именно пассивной и активной. Пассивная форма выражается в том, что уполномоченный на то законодательный (представительный) орган государственной власти учитывает мнение населения и его объединений, а также подвергают рассмотрению правотворческих инициатив. Данная форма безусловно оказывает влияние на совершенствование правового регулирования.

По мнению Т.Я. Хабриевой¹, законотворческий процесс подвергается большему вниманию со стороны общественности, превалирует признак гласности в его начинаниях, что отражает фактическую возможность населения на участие в управлении делами государства путем активного обсуждения законопроектов регионального характера.

Говоря об активной форме участия объединений граждан в правотворческом процессе следует указать на такие способы как участие в деятельности государственных органов политических партий, возможность законодательной инициативы от общественности, инициация проведения референдума, осуществление общественной экспертизы региональных законопроектов.

На основании указанных доводов следует сделать следующий вывод. В настоящее время требуется конкретизация по вопросам участия объединений граждан на различных стадиях правотворческого процесса. Ведь объединения граждан по территориальному признаку осуществляют свою деятельность на правах общественных объединений. Главной их задачей выступает отстаивание личных интересов и общества в целом на основе реализации собственных инициатив. Деятельность общественных движений реализуется в рамках уставной цели, к примеру, это может быть охрана окружающей среды, организация правозащитной деятельности или обеспечение социальных благ (справедливости). Однако деятельность создает практику, которая отражается на процессах, протекающих в масштабах всего государства, отстаивая наиболее важные вопросы в области государственного социального управления. Следует указать, что

¹ Хабриева Т.Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации / под ред. С.В. Полениной, В.М. Баранова, Е.В. Скурко. М.; Н. Новгород, 2007. С. 27–28.

деятельность объединений граждан наиболее эффективно по сравнению с индивидуальными обращениями, поскольку существует опыт взаимодействия с публично-правовыми образованиями, а также деятельность носит постоянный характер и направлена на повышения уровня жизни общества в целом.

Бредихин Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ Ф.В. ТАРАНОВСКОГО

Советский период в истории российского права сформировал оригинальную и развитую концептуальную систему, которая до сих пор господствует в правовой системе и науке. При этом, советская правовая наука не признавала (или открыто не признавала) достижения и идеи дореволюционных ученых-правоведов.

После краха СССР и перехода к демократической государственности, связанным главным образом с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., научная общественность обратила свои взоры к работам ученых – правоведов конца XIX – начала XX века. Одним из видных представителей правовой мысли того времени был Федор Васильевич Тарановский.

После Октябрьской революции ученый вынужден был покинуть Россию и эмигрировать в Украину. По мере развития революционных событий, весной 1920 г. вместе с семьей эмигрировал в Сербию, где затем работал профессором кафедры права и истории славянских прав Белградского университета, а с 1933 г. – академик Сербской академии наук)¹ [3, С. 344].

Основу научного интереса Ф.В. Тарановского со времени учебы в Императорском Варшавском университете составляли вопросы историко-правового наследия, памятники русского и европейского права. То есть ученый смотрел на государство и право, как историк, выявляя особенности и общие закономерности развития государственно-правовой реальности.

В предисловии к первому изданию своей «Энциклопедии права» в 1917 г. Ф.В. Тарановский пишет: «... можно сказать, что все современные русские курсы и руководства по энциклопедии и общей теории права вышли из-под пера лиц, которые в области эмпирического правоведения

¹ Гончарова Е.А. Жизнь и научная деятельность Ф.В. Тарановского накануне эмиграции // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2. С. 344.

являются специалистами по догматической юриспруденции и по политике права. При этих условиях, быть может, найдет себе некоторое оправдание появление общего учения о праве и государстве в освещении историка права»)¹. Здесь же он отмечает, что непосредственным поводом к составлению данного учебника послужило чтение лекций по энциклопедии права на Петроградских Высших Женских Курсах. То есть, как историк права он погрузился в сугубо теоретическую науку, называвшуюся тогда энциклопедией права, и в результате у него сложилось некоторое свое видение предмета, которое он и изложил в своем учебнике, который стал наиболее известной его работой.

Учебник «Энциклопедия права» состоит из введения, части 1 «Учение о праве» и части 2 «Учение о государстве». Очевидно, что право находится в приоритетном положении по отношению к государству и такой подход был свойственен дореволюционной школе теоретиков права. В советский же период, вопросы государства ставились на первый план, делая право атрибутом государства.

Предметом энциклопедии права Ф.В. Тарановский видит «общее учение о праве, то есть раскрытие тех основных идей правоведения, которые проникают все специальные юридические дисциплины и получают в них подробное развитие применительно к особенностям их частного объекта и той точки зрения, с которой он рассматривается»)².

Ввиду того, что энциклопедия права как наука на тот момент была относительно молодой, еще не сложилось ее общего понимания. В обоснование существования самостоятельной науки, Ф.В. Тарановский во втором параграфе введения учебника энциклопедии права анализирует историческое развитие научного правоведения и энциклопедии права.

В «Энциклопедии права» вопросам учения о праве посвящено девять глав (с первой по девятую). Глава I посвящено вопросу установления понятия о праве, где анализируются уже привычные для современного правоведения положения. Так, право автор видит в качестве «одного из видов социальной нормы», а другим видом является – нравственность.

Право у Ф.В. Тарановского имеет нормативный характер и «предъявляет определенные требования ко всем участникам общежития и этим путем непосредственно руководит их деятельностью, направляя ее к единой цели, признаваемой в данном общественном союзе»³. Далее автор говорит о двустороннем характере правовой нормы, устанавливающей не только обязанности, но и притязания. Значение установления притязаний он видит двояким: «с одной стороны, установление притязаний или прав дает лицу дозволение на предъявление известных требований к другим лицам, как бы расширяет пределы его волеизъявления; с другой стороны,

¹ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. Спб.: Изд-во «Лань», 2001. С. 3.

² Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 7.

³ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. Указ. соч. С. 69.

оно же связывает волю, так как ставит требование в известные пределы и таким образом устраняет все те притязания к другим, которые могла бы предъявить воля, следуя эгоистическим инстинктам и будучи дисциплинированной»¹.

Ф.В. Тарановский замечает, что «неисполнение юридической обязанности представляет собой не только уклонение обязанного от соблюдения долга, но и нанесения ущерба управомоченному, который не получает того, что ему следует и причитается», поэтому право «принимает специальные меры к тому, чтобы обеспечить исполнение юридической обязанности»².

Во второй главе «Энциклопедии права» ученый рассуждает над аспектами взаимоотношения права и нравственности, то есть ранее названных им разновидностей социальных норм. Он отмечает их обоюдное влияние друг на друга, что, например, проявляется в заимствовании правом из нравственности критерий для установления обязанностей и притязаний.

Третья глава «Энциклопедии права» исследует соотношение права в объективном и субъективном смысле. В первом случае под правом понимается «юридическая норма или совокупность юридических норм», а во втором – «притязание, которым наделяет нас норма права» или «юридическое отношение».

Здесь же обращает на себя внимание параграф 14, где дается характеристика юридическим нормам. Из него становится понятно, что современный взгляды на нормы права, их классификацию и другие характеристики не существенно отличается от современного. Так, автор выделяет две функции юридических норм: веление и дозволение. Сейчас в данном ключе принято говорить о двух методах правового регулирования – императивном и диспозитивном. Также выделяется структура правовых норм, состоящая из элементов: гипотеза, диспозиция и санкция, дается их классификация и особенности применительно к отдельным отраслям права.

Далее дается определение юридическим отношениям, как «связи, возникающей между двумя лицами, между которыми устанавливаются взаимные обязанности и притязания» и определяется их структура: субъект, право, обязанность и объект³.

Глава IV посвящена источникам права, которые Ф.В. Тарановский видит в формальном смысле как те факты, с которыми связывается позитивация права, то есть установление объективно обязательных юридических норм. Еще он, опираясь на Л.И. Петражицкого, называет «нормативным фактом». Ученый предлагает выделять 4 категории таких

¹ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. Указ. соч. С. 87.

² Там же. С. 93–94.

³ Там же. С. 148.

фактов: 1) установление единоличного авторитета (лица физического или юридического); 2) установление коллективного (массового) авторитета; 3) договор, или соглашение двух или многих лиц (физических или юридических); 4) практика государственных учреждений, в особенности судебная практика¹. В первую категорию можно отнести законы, издаваемые государственной властью. Т. е. в современном понимании – законодательство; вторая категория источников права – обычное право. Договор, как третью категорию источников права Ф.В. Тарановский трактует довольно широко, имея ввиду и международные договоры, и даже диспозитивные нормы как договоры по своей сути. Административная и судебная практика (прецедент) им также рассматривался в качестве источника права, носящего творческий характер, когда первое решение суда, по вопросу который не урегулирован нормами и обычаями, имеет значение нормативного факта при последующих судебных решениях.

Глава V посвящена естественному праву, огромное значение которому придавал сам Ф.В. Тарановский. Во втором издании «Энциклопедии права», выпущенной в 1923 г. уже в эмиграции, он пророчески замечал, что проведенный большевиками опыт социализации показал как отрицание индивидуального начала и свободы личности приводит к гибели государства и общества.

Последующие главы раскрывают вопросы деления права на публичное и частное, применения права и осуществление права (в разрезе правомерных и неправомерных поступков).

Отдельного внимания заслуживает глава IX «Энциклопедии права», посвященное теме исторического изучения права. Как историк права, Ф.В. Тарановский, очевидно, не мог не затронуть указанного вопроса, где он был особенно компетентен. Здесь он затрагивает и вопросы историческому изучению права, обосновывается сравнительно-исторический метод (в разработку которого он сам внес значительный вклад), показывает взаимоотношения трех отраслей права: истории права, юридической догматики и политики права. Политика права – по его мнению-представляет собой «внесение сознательного человеческого творчества в стихийный закономерный процесс развития права»².

Подводя итог характеристике учения о праве Федора Васильевича Тарановского, следует отметить, что обращает на себя внимание тот факт, что в своей аргументации положений энциклопедии права, в частности учения о праве, он часто использует теоретические концепции известных русских и европейских ученых, например, Л.И. Петражицкого, Н.М. Коркунова, Р. Иерринга, Г. Еллинека и др. Что может говорить как о его осведомленности о существующих правовых доктринах, так и об

¹ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. Указ. соч. С. 172.

² Там же. С. 341.

отсутствии собственного оригинального учения в области теории права и государства.

Вместе с тем, несомненную ценность представляют его аргументация с позиции историка права, которая позволяет взглянуть на те или иные аспекты теории права в разрезе эволюции государства, общества и нормативного порядка.

Варенцова Лариса Юрьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России

О ДАТОЧНОЙ ПОВИННОСТИ ДВОРЦОВЫХ КРЕСТЬЯН В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1676–1681 гг.)

Русско-турецкая война (1676–1681 гг.) стала примером совместной борьбы русского и украинского народов против иностранных захватчиков. Данная война была начата Турцией, которая стремилась завоевать Украину, превратить ее в вассальное княжество.

Русско-украинская армия князя Г.Г. Ромодановского и гетмана И.С. Самойловича насчитывала 60 тысяч человек, противник располагал значительными силами, которые были в два раза больше русско-украинской армии. При этом русско-украинская армия опережала турецкое войско по выучке, боевому духу, количеству и качеству орудий¹.

Турки стремились захватить Киев и Чигирин – политический центр Украины и посадить там своего ставленника Ю. Хмельницкого. В августе 1677 г. началась осада Чигирина. Его небольшой гарнизон из русских солдат и украинских казаков три недели героически отражал вражеские атаки, пока не прибыли объединенные русско-украинские полки. Были разгромлены и обращены в бегство турки и татары под с. Бужин, в 20 км от Чигирина². Стойкость, мужество, военную выучку проявили выборные полки А.А. Шепелева и М.О. Кравкова³. Трехнедельная осада Чигирина не принесла успеха туркам. По мнению гетмана И.С. Самойловича, Чигиринская крепость «костью им в горле стала»⁴. В 1677 г. в боях с

¹ Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. М., 1989. С. 169.

² Там же.

³ Водарский Я.Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под редакцией доктора исторических наук А.А. Новосельского, кандидата исторических наук Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 523.

⁴ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 522.

турками погибло около 500 русских и украинцев, было ранено приблизительно 5000 человек, потери врага составляли 20000 человек¹.

Летом 1678 г. турецкий султан направил к Чигирину 200-тысячную армию, которой противостояло 120-тысячное русско-украинское войско². В сражениях принимали участие выборные полки А.А. Шепелева и М.О. Кравкова, московские стрельцы. 1 августа 1678 г. русские войска атаковали турецкие позиции, началось трехдневное кровопролитное сражение. Командиры полков лично вели солдат, демонстрировали им примеры отваги и мужества. Один из московских выборных полков первым ворвался в расположение турецких войск, был отрезан от своих фланговым ударом турок, окружен ими. Русские солдаты вели двухчасовой рукопашный бой с турками, бились прикладами мушкетов. В результате ожесточенных боев к 3 августа 1678 г. турецкие войска были разгромлены. После сражения турки отступали к Бугу. В этом бою погиб один из выдающихся русских командиров – генерал А.А. Шепелев³. Потери русских в кампании 1678 г. составляли убитыми, пропавшими без вести, пленными 3290, ранеными – 5430 человек, потери турок точно неизвестны (по разным данным – от 30000 до 60000 человек)⁴.

Россия собирала силы для продолжения войны, предпринимала попытки привлечения к антитурецкому союзу Австрии и Польши. Австрия отказалась от этого союза, поскольку ее в большей степени интересовали отношения с Францией, чем война с Турцией. Поляки были согласны, но требовали возвращения Левобережной Украины и других земель.

В 1681 г. Россия и Крым заключили Бахчисарайский договор, ратифицированный султаном. По данному трактату устанавливалось перемирие на 20 лет. Турцией и Крымом признавался переход к России Левобережной Украины и Киева. Южная Киевщина, Брацлавщина, Подолия оставались под властью султана и гетмана Ю. Хмельницкого⁵.

Активное участие в Русско-турецкой войне (1676–1681 гг.) принимали выборные полки под руководством полковников А.А. Шепелева и М.О. Кравкова. Из общего состава солдатских полков они были лучшими, А.А. Шепелев и М.О. Кравков получили звания генералов русской армии⁶.

¹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 524.

² Буганов В.И. Указ. соч. С. 169.

³ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 527.

⁴ Там же. С. 528.

⁵ Буганов В.И. Указ. соч. С. 169.

⁶ Чернов А.В. Вооруженные силы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под редакцией доктора исторических наук А.А. Новосельского, кандидата исторических наук Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 447.

Даточных людей в конце XV–XVII вв. называли «посошной ратью», а саму повинность – «посохой»¹. Количество даточных людей в армии России было значительным. Призывались даточные люди вплоть до 1705 г., до введения рекрутской повинности².

В XVII в. ратная повинность была одной из самых тяжелых обязанностей для дворцовых посадских и уездных людей. Четкой методики сбора посошной рати в государевых вотчинах не было выработано. «Акты, относящиеся до сбора даточных людей 1678–1681 гг.» свидетельствуют, что мобилизация населения с дворцовых вотчин проводилась несколькими способами: 1) по уездам, из сел и деревень; 2) по городам; 3) по приказам, ведавшим дворцовые земли, 4) со всего государства³.

Так называвшиеся «даточные люди» набирались с определенного количества четвертей пашни или дворов⁴. Даточные люди во второй половине XVII в. призывались на службу, как правило, с определенного количества дворов в дворцовых землях Российского государства. Согласно «Дел Тайного приказа», были в солдатах и представители «с тяглых жеребьев», а также от семей охотники⁵, то есть добровольцы.

Даточные люди обычно набирались по одному человеку с 20–25 дворов, а в некоторых дворцовых селах порядок поставки людей на солдатскую службу был более жестким, и каждые 10 дворов давали одного солдата⁶. Лишь в редких случаях в солдаты брали по одному человеку с 30 дворов⁷.

В правление царя Алексея Михайловича проводились три крупномасштабных массовых сбора даточных людей со всего Российского государства: дважды производились сборы ратников в 1659 г. на Русско-польскую войну (1654–1667 гг.). В первый сбор было собрано 18000, а во второй – 11577 человек⁸. С каждых 25 дворов крестьян и бобылей, направлялось по одному даточному человеку. Следует отметить, из дворов нищих людей даточные не набирались⁹.

¹ Даточные люди // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 115–116.

² Там же.

³ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей // Дополнения к актам историческим (далее – ДкАИ). СПб., 1862. Т. 8. С. 118–145.

⁴ Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 390.

⁵ Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (далее – РИБ). СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 381.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 120.

⁹ Там же.

Третий сбор производился по указу царя Алексея Михайловича в 1671 г., когда «для неприятельских приходов велено было взять даточных» с его государевых дворцовых городов, посадов, сел и деревень, с каждых 20 крестьянских и бобыльских дворов – по одному даточному человеку. Дворцовое население обязывалось собрать для даточных людей хлебные запасы, сухари, ржаную муку, крупы. В 1671 г. дворцовые московские слободы, кадашевцы выделяли одного даточного человека с 12 дворов, поскольку в прежних сборах они не участвовали. В ходе третьего сбора удалось набрать 17080 человек¹. Всего в ходе трех перечисленных сборов было призвано 52191 человек². Государством выделялось кормовых денег по 60 алтын в месяц на одного даточного человека³.

Сбор даточных производился не только во время массовых мобилизаций, он имел место и в другие годы. Например, на Русско-польскую войну, в 1658 г. из дворцовых селений призывались ратники: 100 человек – из Заузольской волости Балахнинского уезда, 59 крестьян и бобылей – из сел Юрьев-Польского уезда, 30 человек – из сел Переславль-Залесского уезда, 20 ратников – из сел Тверского уезда⁴.

Дворцовые приказы несли ответственность за сборы ратников на вверенных им территориях по всей России. Приказ Большого дворца во второй половине XVII в. проводил постоянные наборы дворцовых людей «в солдатскую службу»⁵. Данным приказом производились наборы дворцовых крестьян и посадских людей в «московские стрельцы»⁶. В связи со сложной международной обстановкой во второй половине XVII в. численность даточных людей неуклонно возрастала. Население царского домена сопротивлялось политике дворцовой администрации, проводившей постоянные мобилизации в «посошную рать», отвечало на действия властей массовыми побегам.

Приказ Тайных дел уделял особое внимание выполнению даточной повинности дворцовым населением. Приказная администрация вела специальные тетради для записи раненых и убитых на полях сражений⁷. В приказных делах имелись «столпики» с именными списками солдат, бежавших с государственной службы⁸. В отдельных списках в приказе Тайных дел отмечались беглые московские стрельцы, взятые из городского,

¹ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 121.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Дела Тайного приказа // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 123.

⁶ Там же.

⁷ Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // РИБ. СПб., 1903. Т. 21. Кн. 1. С. 62.

⁸ Там же. С. 57.

посадского, уездного дворцового населения¹. Таким образом, приказ Тайных дел жестко контролировал ситуацию с обеспечением фронтов «посошными людьми».

В годы Русско-турецкой войны дворцовое ведомство предпринимало экстренные меры для сборов даточных людей. Постоянные наборы требовали наведения порядка, точного учета численности дворцового населения в масштабах всего Российского государства. В «Актах, относящиеся до сбора даточных людей 1678 – 1681 гг.» указывается, что в государевых вотчинах находилось 2877 посадских дворов, 77966 дворов пашенных крестьян, 8278 дворов непашенных крестьян, рыбных ловцов, бобылей, всего 89121 двор². С этого числа дворов и должны были набираться «посошные люди». В данном источнике отмечается, что в Московском уезде сборы производились отдельно от других регионов России.

9 октября 1678 г. из дворцовых сел и деревень Московского уезда единовременно в даточные набиралось 165 человек³. В данном случае сборы прошли в девяти дворцовых слободах города Москвы (Садовой, Барашской, Гончарной, Напрудной, Кошельной, Огородной, Таганной, Басманной, селе Красном), общей численностью 1428 дворов⁴. Контролировал сбор даточных людей Москвы приказ Большого дворца.

В 1678 г. с территорий Хлебного приказа производилась массовая мобилизация выборных солдат и стрельцов в полк боярина, воеводы, князя Г.Г. Ромодановского. Из дворцовых селений для выполнения ратной повинности собиралось 1782 человека, в том числе из городов Скопин (500 чел.) и Романов (554 чел.), сел Лысково (160 чел.) и Мурашкино (240 чел.), из Городецкой волости (310 чел.)⁵. Самые большие наборы даточных людей прошли в Скопине и Романове.

Во время сборов даточных действовало правило: наборы производились из «меньших» людей, на службу не призывались задействованные в «государевых службах, таможенных и кабацких головах, земских старостах»⁶. Массовые сборы даточных людей проводились по всей России, они касались, в том числе, нерусских народов (мордвы, чувашей и др.).

¹ Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // РИБ. СПб., 1903. Т. 21. Кн. 1. С. 122.

² 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 131.

³ Дела Тайного приказа // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 124.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 137.

⁶ Там же. С. 121.

За даточными солдатами сохранялись их земельные наделы, служившие для содержания их семей. В мирное время ратники отпускались по домам. По первому же требованию они являлись на службу в те полки, в которых прежде были записаны. Умершие, погибшие, увечные, престарелые солдаты заменялись своими детьми, другими родственниками, пригодными к службе.

В отставку даточные люди могли уйти только «за старостью и за увечьем». Беглых даточных вновь направляли в солдаты. Наборы даточных людей по способам их проведения, по массовости напоминали будущие рекрутские наборы¹.

Жители дворов, направлявшие своего даточного человека, обязывались обеспечить его продовольствием. Как правило, служилому человеку выделялось продовольствия: четверть ржаной муки (приблизительно 5 пудов ржаной муки²), четверть сухарей, по полуосмине круп (около двух пудов³) и толокна⁴.

Для даточных людей из числа дворцового населения, отличившихся в военных кампаниях, существовала система поощрений. Царь Федор Алексеевич в 1679 г. издал указ об особом пожаловании жителей дворцовой Городецкой волости И. Фомина «с товарищи», солдат полка генерала А.А. Шепелева, отпуском⁵. Они участвовали в Чигиринских походах русской армии и украинских казаков, в годы Русско-турецкой войны имели успехи в ратной службе. Городецкие солдаты в 1678 г. «были на его великого государя службе», в полку боярина и воеводы князя Г.Г. Ромодановского «за Днепром, и под Чигирином и в Чигирине»⁶.

В «Делах Тайного приказа» отмечено, что отбор даточных людей из крестьян и бобылей дворцовой Городецкой волости проводил лично П.А. сын Лопухин, посланный из Москвы, «выбирая в солдаты от отцов детей, от братьев братью, от дядей племянников»⁷. По указу царя Федора Алексеевича, велено даточных людей Городецкой волости оставить служить в том же полку, а от различных денежных сборов, мирских податей освободить⁸. За успехи на военной службе дворцовые даточные люди могли награждаться отпусками, они не должны были платить подати, нести другие повинности.

¹ Чернов А.В. Указ. соч. С. 447.

² Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1975. С. 102.

³ Там же.

⁴ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 124.

⁵ Дела Тайного приказа // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 380–381.

⁶ Там же.

⁷ Дела Тайного приказа // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 382.

⁸ Там же. С. 380–381.

По указу царя Федора Алексеевича от 9 октября 1678 г. администрация московских приказов обязывалась подсчитать, сколько даточных людей в России поступило на службу, начиная с 1654 г. по 1678 г. Из Разрядного приказа, согласно царского указа «памяти» поступили в дворцовые приказы – в приказ Большого дворца, Новгородский, Конюшенный¹.

В 1678 г. в России проводилась перепись населения, особо учитывались даточные люди всех трех сборов, взятые в солдаты и стрельцы. Во время переписи выяснялось, были ли даточные отпущены домой или самовольно бежали со службы, кто из них умер, есть ли у них дети мужского пола и сколько им лет².

Со всей тщательностью производились поиски беглых даточных людей, дворцовое ведомство вело политику устрашения населения государевых вотчин. Оно вело «сыски накрепко», за утайку каждого беглеца забиралось в даточные люди по пять человек, а за «лживые сказки чинилось жестокое наказание»³.

За укрывательство беглых могли наказываться земские старосты, лучшие посадские люди, которых самих могли направить на ратную службу. За всякое сопротивление «молодчих людей» ратным наборам «велено чинить казнь, сечь руки»⁴.

Неоднократно в годы Русско-турецкой войны в дворцовых селениях появлялись сыщики для поисков беглых даточных⁵. Воеводы и приказчики отчитывались перед дворцовым ведомством об умерших, сбежавших даточных людях. Вместо больных и увечных в Москву ими направлялись новые годные к несению службы ратники. Осмотры увечных производились в столице.

Местные власти были обязаны собирать сведения об умерших даточных людях, выяснять у их детей даты смерти отцов, места их погребения, наличие у их родителей духовных отцов. Для поступления необходимой информации об умерших даточных людях могли привлекаться священники, другие посторонние люди⁶.

В 1678 г. появились «Указные статьи по сыску даточных людей»⁷. Они оглашались в российских городах и уездах на торгах и ярмарках. Бирючи озвучивали указ царя Федора Алексеевича о необходимости найти

¹ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 118.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Чернов А.В. Указ. соч. С. 447.

⁶ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 139.

⁷ Там же. С. 141.

беглых солдат первого, второго, третьего сборов в дворцовых селах, черных волостях, патриарших, митрополичьих, архиепископских, монастырских вотчинах. По государеву указу, даточные всех трех сборов вместе с детьми, жившими с ними в одних дворах, должны были явиться в приказные избы до 1 февраля 1681 г.

В съезжих избах выяснялось, когда даточные люди призывались к исполнению ратной повинности, в каком году покинули службу, когда поселились на новые места, имеют ли при себе жен, женатых и холостых сыновей. В приказных избах определялось физическое и возрастное состояние беглых ратников, анализировалось, нет ли среди них старых, увечных, отставных. Тот, кто не относился к категориям «старые», «увечные», как правило, отправлялся в свой же полк.

В приказных избах производились «распросные речи», составлялись списки беглых ратников¹. Персональная ответственность за возвращение на службу беглецов возлагалась на воевод и приказчиков дворцовых селений.

За сокрытие сведений о беглых даточных людях приказчики дворцовых сел наказывались: они обязывались из их поместий и вотчин за всякого утаенного даточного отдавать по лучшему крестьянину и по 5 рублей пени. Если приказчики относились к категории «беспоместных», то за утайку даточных им учинялось наказание, «чтобы про даточных все сказывали правду, а утаенных бы даточных отнюдь нигде не было ни одного человека»².

Если беглые ратники из дворцовых земель пребывали во владениях помещиков и вотчинников, то с землевладельцев взыскивалась пеня из расчета за каждого утаенного даточного по 5 рублей³. Беглые даточные вновь направлялись в солдаты. Помещики и вотчинники, кроме выплаты пени, обязывались за такие утайки отдать на службу за «скрытого» ратника одного крестьянина.

Таким образом, в XVII в. ратное дело для дворцовых уездных и посадских людей считалось одной из самых тяжелых и опасных повинностей. Четких правил по комплектованию «посошной рати» в дворцовых вотчинах не было выработано. В годы Русско-турецкой войны за мобилизационные мероприятия ответственность несли центральные и местные органы власти в государевых вотчинах. Мужское население дворцовых земель принимало активное участие в Чигиринских походах русской армии. Выполняя ратную повинность, у дворцовых даточных людей упразднялись другие виды обязанностей. Дворцовые власти использовали экстренные меры для обеспечения явки даточных людей в

¹ 1678 г. октября 9 – 1681 г. марта 9. Акты, относящиеся до сбора даточных людей... С. 142.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 142.

периоды массовых мобилизаций. В годы Русско-турецкой войны сложилась система поисков беглых ратников, наказания для тех, кто давал им временный приют.

Василенко Николай Сергеевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Новороссийского филиала
Краснодарского университета МВД России

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Дефиниция «гражданское общество» наполнено глубоким смыслом. Значение этого понятия заключается в том, что это общество, которое соответствует некоторым фактам, сформированных историческим прошлым. Гражданское общество – это совокупность отношений и самостоятельных институтов, отражающие высокую степень формирования социальной общности, меру его развития, целесообразности, справедливости и человечности.

Условия, необходимые для успешного функционирования гражданского общества перечислены на рис. 1.

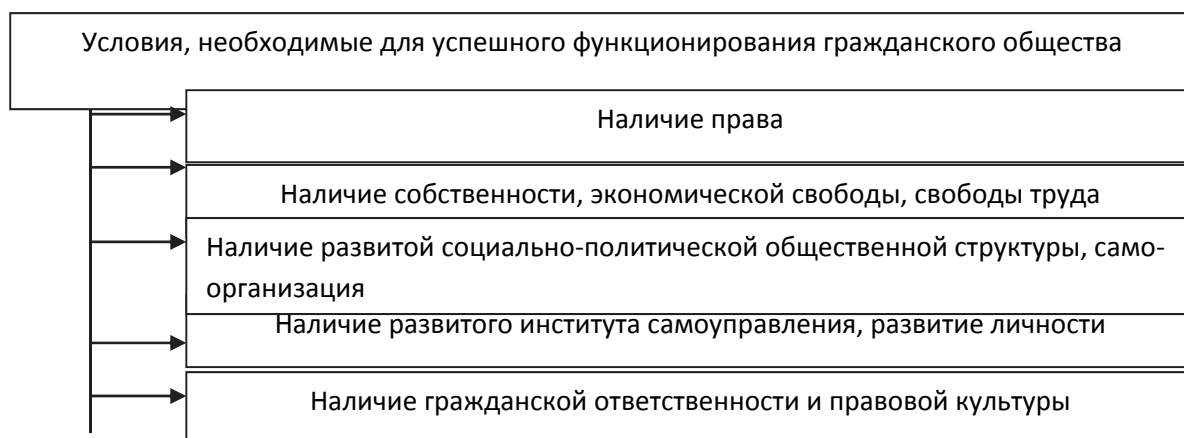

Рис. 1. Условия, необходимые для успешного функционирования гражданского общества¹

Итак, первым условием успешного становления и развития гражданского общества выступает наличие права, причем оно должно удовлетворять общественным потребностям и интересам.

¹ Дыранов Н.С. Гражданское общество: от идеи к воплощению // Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, учителей и ученых. 2017. С. 130.

Вторым условием выступает наличие собственности, экономической свободы, свободы труда, т. е. любой человек, который является частью гражданского общества, должен владеть собственностью, чтобы быть независимым гражданином своего государства, а так же должен иметь возможность трудиться, причем в той сфере какая наиболее интересна для него.

Третьим условием является наличие развитой социально-политической общественной структуры, т. е. многообразие политических групп, союзов, партий, общественных объединений и организаций. Эта структура объединяет общество воедино и делает его более организованным, устойчивым и сплоченным.

Четвертое условие подразумевает под собой воспитание личности и ее сознательное участие в общественном управлении. Гражданское общество может существовать только тогда, когда индивид достигнет определенной степени своего развития, а именно, если будет «личностью» как в социальном смысле, так и в психологическом.

Пятым условием считается наличие гражданской ответственности и высокой правовой культуры каждого участника гражданского общества. Вместе с этим от них требуется чувство ответственности за то, что они делают и за прямые или косвенные последствия того, к чему их действия могут привести.

Государство оказывает влияние не только на гражданское общество, но и на его структуры. А вместе с этим происходит и обратное влияние.

Можно отметить взаимодействие государства и гражданского общества в сфере развития культуры. Недавно по каналу «Россия Культура» вещался показ дискуссии по поводу строительства и ремонта памятников архитектуры и искусства. Представители из разных городов, наряду с деятелями науки и актерами, разговаривали напрямую с президентом, предлагая свои программы развития.

Владимир Владимирович Путин обещал реализовать значительную часть этих предложений. Как нам известно, в конституционные обязанности граждан входит бережное отношение к памятникам культуры, так что, зная эту информацию, население РФ, спланировав, всячески старается это выполнять¹.

Таким образом, чем больше способов взаимодействия между гражданским обществом и государством, тем грамотнее и результативнее это сотрудничество. Взаимодействие гражданского общества и государства способно решить многие проблемы сегодняшнего дня.

¹ Морев М.В., Гужавина Т.А. Гражданское общество – общество граждан. Вологда. 2018. С. 42.

Государственная политика представляет собой деятельность органов власти, целью которой является повышение социально-экономического развития страны, общества, а также различных сфер.

Опираясь на Конституцию РФ, можно выделить следующие субъекты государственной политики по формированию и развитию гражданского общества являются:

- Президент РФ,
- Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека,
- Федеральное Собрание РФ,
- Правительство РФ,
- Конституционный Суд РФ,
- законодательные (представительные) и исполнительные органы субъектов Федерации.

Так, например, В.В. Путин подписал Указ «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества». Указ закрепляет основные положения системы грантовой поддержки некоммерческих организаций¹. Такая поддержка оказывается с 2006 года. В 2017 году создан ее единый оператор – Фонд президентских грантов.

Гранты выделяются по результатам конкурсов, которые проводятся не реже двух раз в год фондом под руководством координационного комитета, образованного Указом Президента № 137 от 3 апреля 2017 года.

Следующий субъект государственной политики по формированию и развитию гражданского общества – Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет).

В данном нормативно-правовом акте изложены основные положения касательно грантовой поддержки некоммерческих организаций в РФ. С 2006 года началось осуществление этой поддержки, а в 2017 году для нее был создан единый оператор «Фонд президентских грантов».

Выдача грантов осуществляется по результатам проводимых не реже двух раз в год конкурсов, шефство над которым берет координационный комитет созданный 2 апреля 2017 года.

Совет – это орган, который создан для консультации и помощи главе страны, чтобы он в полной мере мог реализовать свои права и обязанности в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Совет сообщает ему о положении дел в этой области и содействует развитию гражданского общества в РФ.

Основными задачами Совета являются:

¹ Указ Президента РФ от 30.01.2019 № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества» // Собрание законодательства РФ. 04.02.2019. № 5, ст. 365.

- помощь процессам гуманизации и модернизации общества России, внесение предложений Президенту РФ по развитию таких процессов;
- составление предложений Президенту РФ по созданию условий для развития институтов гражданского общества и расширения участия граждан в модернизации страны, в том числе путем передачи отдельных функций госорганов институтам гражданского общества;
- оповещение Президента РФ о том, как соблюдаются права и свободы человека и гражданина в России и за рубежом;
- организация проведения экспертизы проектов федеральных законов, находящихся на рассмотрении палат Федерального Собрания РФ, для определения их соответствия целям развития гражданского общества;
- составление предложений Президенту по содействию с разными структурами гражданского общества;
- подготовка предложений Президенту, которые касаются становления институтов гражданского общества, расширения связей между общественными и государственными институтами, учету общественных мнений при становлении государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина;
- содействие разработке механизмов общественного контроля в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, подготовка соответствующих предложений Президенту Российской Федерации;
- участие в укреплении международного сотрудничества в области развития гражданского общества, обеспечения прав и свобод человека и гражданина;
- содействие правовому просвещению населения путем активного взаимодействия Совета с представителями средств массовой информации и иных структур гражданского общества¹ и др.

Гражданское общество эффективно взаимодействует с органами исполнительной власти. Например, адвокатура и нотариат оказывают квалифицированную юридическую помощь. А политические партии напрямую функционируют в политической сфере, а общественные движения, некоммерческие общественные организации, фонды и т. д. – в социально-экономической и культурной сферах.

Чтобы согласовать интересы объединений и граждан, органов государственной власти и местного самоуправления при разрешении важных вопросов, в 2005 году был создан Консультативный государственный совещательный орган – Общественная палата РФ.

¹ Указ Президента РФ от 01.02.2011 № 120 (ред. от 21.10.2019) «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека») // Собрание законодательства РФ. 07.02.2011. № 6, ст. 852.

Деятельность этой палаты регулируется федеральным законом от 4 апреля 2005 года № 32 «Об общественной палате РФ» и финансируется за счет средств федерального бюджета.

Механизм по формированию гражданского общества включает: разработку нормативно-правовой основы; финансовую поддержку; разработку различных программ по развитию; информационное обеспечение и т. д.

Таким образом, после изучения темы «Развитие гражданского общества как функция государства» можно сделать вывод, что гражданское общество — это сфера самопроявления на правовой основе, свободных граждан и различных некоммерческих объединений. Признаки гражданского общества: свобода (экономическая, социальная и т. д.), открытость, плюрализм, законность, саморазвитие, самоорганизация. Наличие гражданской ответственности и правовой культуры; наличие собственности, экономической свободы, свободы труда; наличие развитой социально-политической общественной структуры, самоорганизация; наличие развитого института самоуправления, развитие личности; наличие права — при наличии этих факторов будет благополучно функционировать гражданское общество.

Вичева Алена Андреевна,
преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ В ОБЛАСТИ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ: МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Поправки к Основному закону Российского государства, принятые в 2020 году, не только оформили конституционно-правовое регулирование принципа единства публичной власти, в которую включаются органы местного самоуправления, но и наделили их полномочиями по обеспечению доступности медицинской помощи для населения. В современной науке конституционного и муниципального права вопросы реализации публичных полномочий в области охраны здоровья граждан требуют теоретического и практического осмысления. Особую актуальность приобретают вопросы взаимодействия всех уровней публичной власти в исследуемой области общественных отношений.

Анализ правового регулирования вопросов взаимодействия органов публичной власти в области оказания медицинской помощи показал, что оно основывается на положениях части 1 ст. 9 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и осуществляется в целях обеспечения прав граждан в сфере охраны здоровья, одним из таких прав выступает право на медицинскую помощь. Как представляется, должна быть выстроена четкая система такого взаимодействия, как показывает практика, она еще не до конца сформирована, которая бы исключала дублирование полномочий органов публичной власти различного уровня. В рамках настоящего исследования особый интерес вызывает место органов местного самоуправления и особенности реализации их полномочий, так как от эффективности их реализации зависит результативность предоставления медицинской помощи населения и мер охраны здоровья граждан в государстве.

Отдельные особенности взаимодействия органов публичной власти в исследуемой области общественных отношений также основываются на актах регионального уровня правового регулирования. Анализ законодательства субъектов Российской Федерации показал, что исследуемое взаимодействие основывается не только на законодательном регулировании, но и на договорных отношениях, условия которых должны обеспечивать четкое понимание целей, задач и функций, и что более важно пределов полномочий органов публичной власти в сфере охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи населению. Также оно основывается на определении конкретных мероприятий, проводимых указанными органами с целью охраны здоровья населения, при этом правовые нормы, устанавливающие такие мероприятия должны быть сконструированы таким образом, чтобы дать четкое представление о том, кто и в каком объеме должен организовывать и проводить мероприятия, связанные с охраной здоровья граждан, а также о том, кто является непосредственным исполнителем указанных мероприятий, а кто лишь содействует в их реализации. Оно реализуется в различных форматах, главным из которых являются совместные заседания уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, позволяющие обсудить, разработать и предложить программу/программы, направленные на охрану здоровья граждан и оказание медицинской помощи населению. При этом, как показывает выборочное исследование действующего регионального законодательства, в большинстве субъектов Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, предусматривающие вопросы взаимодействия органов публичной власти в области оказания медицинской помощи населению. В отличие от регионального уровня правового регулирования исследуемых вопросов взаимоотношений, муниципальный уровень правового регулирования имеет определенный

объем правового закрепления в уставах муниципальных образований¹ и актах органов местного самоуправления², регулирующий конкретные формы вовлечения муниципальных органов власти в обеспечение и реализацию публичных функций в области оказания медицинской помощи населению.

Анализ нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней³ публичного властвования позволил автору прийти к выводу, что эффективное взаимодействие уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросу обеспечения охраны здоровья и оказания медицинской помощи населению следует выстраивать исходя из определения основных уровней такого взаимодействия, которые, как видится, должны включаться программно-обеспечительный, материально-ресурсный, координационный, контрольно-надзорный.

Программно-обеспечительный уровень взаимодействия органов публичной власти в исследуемой области общественных отношений, заключается в том, что совместная реализация полномочий в области оказания медицинской помощи населению представляет собой взаимодополняющую управленческую деятельность, в которой субъекты властных полномочий муниципального уровня могут принимать участие в реализации программ и проектов федерального и регионального уровней, а органы государственной власти в свою очередь могут принимать участие в инвестиционных муниципальных программах и проектах⁴. Именно в федеральных, региональных и муниципальных программах в области охраны здоровья граждан содержится обеспечительный инструментальный гарантий⁵ права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Поэтому очень важно при разработке и принятии программных документов в исследуемой сфере общественных отношений

¹ Устав муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым от 13 ноября 2014 года. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Постановление Администрации города Армянск от 17 мая 2018 года № 298 «Об утверждении Положения о создании условий для оказания медицинской помощи на территории муниципального образования городской округ Армянск Республики Крым». URL: http://armgov.ru/files/postanovleniya/2018/may/П_298_170518_o%20создании%20условий%20для%20оказания%20медицинской%20помощи%20.doc (дата обращения: 01.02.2022).

³ Вичева А.А. Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления: проблематика многоуровневости // Вопросы государства и права. Сборник научных статей / редкол.: Л.В. Карнаушенко, А.А. Швеца, Е.А. Пушкарев, Н.Ю. Турищева, В.Н. Коротких. Краснодар, 2021. С. 91.

⁴ См.: Васильев В.И. Муниципальное право России: учебник / В.И. Васильев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. С. 174.

⁵ См.: Корнюшкина, А.Ю. Федеральные программы как юридические гарантии социально-экономических прав человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 53.

конкретизировать объем полномочий каждого задействованного субъекта публичной власти и его функции в процессе реализации программы действий.

На основе анализа законодательства субъектов Российской Федерации определено, что материально-ресурсный уровень исследуемого взаимодействия осуществляется по вопросам совершенствования и развития материально-технической базы медицинских организаций, а также в формах предоставления межбюджетных трансфертов местным бюджетам. Наиболее показательным является пример взаимодействия органов публичной власти по вопросам строительства фельдшерско-акушерских пунктов (далее – ФАП). Так уполномоченные органы государственной власти обеспечивают поставку и монтаж новых модульных сооружений ФАПов, их лицензирование, снабжают оборудованием и лекарственными препаратами, а органы местного самоуправления – выделяют земельный участок, подключают ФАПы к инженерным сетям и благоустраивают прилегающую к ним территорию¹. Аналогично осуществляется совместная деятельность по постройке новых медицинских организаций, развертывании «временных» медицинских комплексов для оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией. Слаженность и своевременность совместных действий на данном уровне взаимодействия способствует не только повышению качества медицинской помощи, но и эффективности реализации публичных полномочий по обеспечению доступности медицинской помощи.

Обеспечение эффективности реализации публичных полномочий в области охраны здоровья и оказания медицинской помощи населению переводит нас на координационный уровень взаимодействия уполномоченных субъектов. Анализ региональной правоприменительной практики показал, что органы местного самоуправления могут участвовать в работе координационных органов, функционирующих в региональных органах государственной власти в сфере здравоохранения. В.И. Васильев в этом контексте отмечает, что с помощью таких координационных органов, уполномоченные органы государственной власти субъектов Российской Федерации «оказывают методическое и организационное содействие органам местного самоуправления²». При этом проблемным вопросом данного уровня взаимодействия является то, что муниципальные органы власти хоть и имеют право участия в координационных органах, но в

¹ См.: Главам муниципалитетов поручено подготовить участки под ФАПы. URL: <https://rg.ru/2018/08/01/reg-pfo/glavam-municipalitetov-porucheno-podgotovit-uchastki-pod-fapy.html> (дата обращения: 03.02.2022).

² Васильев В.И. Указ. соч. С. 177.

большинстве регионов фактически не включены в их состав¹²³, а если включены, то такие координационные советы не специализируются на вопросах здравоохранения⁴ и носят общий характер. На наш взгляд, включение представителей органов местного самоуправления в состав координационных советов при органах государственной власти по вопросам здравоохранения будет способствовать более эффективной реализации муниципальных полномочий по обеспечению доступности медицинской помощи для населения.

Реализация любых полномочий органов публичной власти требует наличия механизмов контрольно-надзорного взаимодействия, сфера оказания медицинской помощи не является исключением. Контроль в рамках рассматриваемого уровня взаимодействия предусматривает, что уполномоченные органы государственной власти контролируют прежде всего муниципальные организации, которые непосредственно предоставляют медицинские услуги населению, а органы местного самоуправления контролируют такие организации только в части осуществления ими функций учредителя. Таким образом, уполномоченный орган государственной власти осуществляет контрольно-надзорные функции в отношении муниципальных медицинских организаций, которым присущи следующие признаки: такая деятельность является специальной, так как в процессе ее осуществления затрагиваются специфические области деятельности, проверять которые имеет право только специальный уполномоченный орган; визуальный осмотр предметов, которые используются при предоставлении медицинских услуг (лекарственных препаратов, медицинских изделий, медицинского

¹ Постановление Совета Министров Республики Крым от 26 декабря 2014 года № 634 «О создании Координационного совета по организации защиты прав застрахованных лиц при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в Республике Крым». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² См.: Состоялось заседание Координационного совета главных внештатных специалистов Подмоскovie. URL: <https://mz.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/25-10-2018-16-11-39-sostoyalos-zasedanie-koordinatsionnogo-soveta-glav> (дата обращения: 24.01.2022).

³ Приказ Министерства здравоохранения Республики Башкортостан от 24 декабря 2007 года № 1520-Д «О координационном совете Министерства здравоохранения Республики Башкортостан по вопросам службы крови». URL: <http://docs.cntd.ru/document/935110571> (дата обращения: 24.01.2022).

⁴ Решение Координационного совета представительных органов муниципальных образований Архангельской области от 6 июня 2018 года № 2/18 «О реализации территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Архангельской области за 2017 года. Анализ фактического исполнения медицинскими организациями объемов медицинской помощи на территории муниципальных образований Архангельской области за 2017 года». URL: http://www.aosd.ru/users_upload/koordsovet/06_2018/resh.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

оборудования). При этом, в контексте наделения органов местного самоуправления конституционными полномочиями по обеспечению доступности медицинской помощи для населения, актуализируются вопросы субъектного состава такого взаимодействия, объема контрольных и надзорных полномочий, порядка и процедур осуществления контрольно-надзорной деятельности. Эти и другие вопросы требуют детального правового регулирования, которое на сегодняшний день еще не осуществлено субъектами публичной власти.

В завершение следует отметить, что органы местного самоуправления вовлечены в реализацию публичных полномочий в области оказания медицинской помощи населению, что требует от них системного взаимодействия с органами публичной власти федерального и регионального уровня. Исследуемое взаимодействие может осуществляться на программно-обеспечительном, материально-ресурсном, координационном, контрольно-надзорном уровнях. С целью эффективной работы всей системы взаимодействия в исследуемой области общественных отношений необходимо конкретизировать объем полномочий и функций уполномоченных на такое взаимодействие субъектов, осуществить правовое регулирование особенностей контрольной деятельности по вопросам обеспечения доступности медицинской помощи, включить представителей муниципального уровня власти в координационные советы при органах государственной власти. Предложенные меры будут способствовать реализации конституционных гарантий доступной медицинской помощи для населения.

Горбатенко Галина Валерьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Воронежского института МВД России

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАН

Сложные процессы, происходящие в современной мировой политике, а также в жизни российского общества, объективно усиливают потребность в специалистах, обладающих не только высоким уровнем профессиональных знаний, но и опирающихся при решении своих рабочих задач на идеалы гражданской ответственности и патриотизма. Актуальность формирования этих качеств у молодого поколения россиян не вызывает сомнения, так как именно их наличие позволяет противодействовать многим видам угроз национальной безопасности нашей страны. Одной из таких угроз, приобретающей все большую

опасность по мере информатизации современного общества, стала фальсификация истории. В информационном пространстве повсеместное распространение получила практика искажения отечественной истории, осуществляемая различными способами, например с помощью ложной интерпретации фактов и событий, выдергивания их из контекста и выстраивания ложных причинно-следственных связей. Подобная практика реализуется в целях уменьшения роли России в мировой истории, ее дискредитации в глазах международного сообщества, а также дестабилизации социальной и политической ситуации внутри государства, что является прямой угрозой безопасности страны и требует принятия комплексных мер противодействия.

Одним из наиболее эффективных способов борьбы с фальсификацией отечественной истории является повышение уровня знаний граждан в этой сфере, формирование уважительного отношения к культуре и традициям России, а особенно к ее многовековому опыту государственности. Понимание современными политическими элитами значимости сохранения и защиты исторического и культурного наследия России в условиях информационного противоборства нашли непосредственное отражение в многоуровневом комплексе мер, включающем изменения в законодательстве, реализацию государственных стратегий и программ, проведение общественных историко-культурных мероприятий, актуализацию уже существующих или введение новых памятных дат и многие другие мероприятия. Только за последнее десятилетие в России дважды объявлялся год истории – 2012 год был объявлен Годом российской истории, а 2020 – Годом памяти и славы¹.

Сегодня проблема сохранения исторического наследия активно обсуждается на общественно–политических форумах, в научных кругах и в средствах массовой информации. Особое внимание при этом уделяется подрастающему поколению молодых россиян и их образованию, что нашло соответствующее отражение в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»², где патриотизм зафиксирован в качестве одного из основных принципов государственной политики в сфере образования. Таким образом, одной из первоочередных задач образовательных организаций сегодня является не просто подготовка

¹ О проведении в Российской Федерации Года российской истории: указ Президента Российской Федерации от 09.01.2012 № 49 // Официальный портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14238> (дата обращения: 21.01.2022); О проведении в России Года памяти и славы: указ Президента Российской Федерации от 8.07.2019 № 327 // Официальный портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60954> (дата обращения: 21.01.2022).

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

высококвалифицированных специалистов, но и максимально активное и разноплановое влияние на формирование их гражданской позиции, в том числе через повышение уровня соответствующих знаний по истории отечественных государства и права¹.

Данное требование еще более значимо для системы образовательных организаций МВД России, которые призваны формировать в своих стенах профессиональную личность сотрудника органов внутренних дел, обладающего высоким уровнем гражданского сознания и патриотизма. Помимо многообразных мероприятий, реализуемых по линии воспитательной работы, особое значение в решении этой задачи имеет деятельность по формированию устойчивой гражданской позиции обучающихся непосредственно в рамках образовательного процесса, в первую очередь через базовые предметы исторического и государственно-правового характера, среди которых одной из наиболее важных дисциплин является «История государства и права России».

Интеграция мировоззренческих черт патриотизма в учебную деятельность, осуществляется педагогами в процессе проведения аудиторных занятий, как правило, через реализацию целей и задач, изначально поставленных в рабочей программе дисциплины. Именно от правильности их формулировки, во многом, зависит итоговая эффективность патриотического воспитания курсантов и слушателей. Для успеха подобной деятельности в рамках курса «История государства и права России», его цели и задачи должны отражать ряд параметров, касательно содержания дисциплины.

Так, на наш взгляд, цель изучения дисциплины «История государства и права России» в образовательных организациях МВД России – это подготовка обучающихся к профессиональной деятельности и формирование у них комплекса компетенций, предусматривающих приобретение теоретических знаний о становлении и трансформации государства и права России на различных исторических этапах, о роли и месте в обществе и государственном механизме органов полиции; выработка умений и навыков сравнительно-правового анализа важнейших институтов государства и права России, их сопоставления с государственно-правовым развитием других стран; формирование знаний о положительных достижениях отечественного государственно-правового опыта. Исходя из цели, к основным задачам дисциплины можно отнести: ознакомление обучающихся с предпосылками возникновения и закономерностями развития государства и права России в их хронологической последовательности; выработку понимания взаимосвязи общества, государства и права на основных исторических этапах (в том

¹ Горбатенко Г. В. Основы патриотического воспитания в системе образовательных организаций МВД России // Научный альманах. 2019. № 4-3(54). С. 47–48.

числе и через анализ характерных черт правового статуса основных социальных групп); формирование представлений о государственном механизме и правовой системе России; выработку владения основными историко-правовыми и общими юридическими категориями и понятиями, сформировавшимися в ходе эволюции государства и права России; формирование основ умения использовать формально-юридический и структурно-функциональный методы при сравнительном анализе эволюции институтов государства и права России в ходе изучения историко-правовых документов.

На наш взгляд, практическая реализация в ходе образовательного процесса обозначенных целей и задач будет способствовать формированию у обучающихся высокого уровня правосознания и правовой культуры, чувства гражданственности и патриотизма, преданности Родине и избранной профессии, уважительного отношения к отечественному опыту государственно-правового развития.

Горшенева Ирина Аркадьевна,
кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Напольских Инна Михайловна,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ

Термин «эффективность» возник в классическом международном праве, и на сегодняшний день его использование достигло такого потенциала, развития и уровня сложности в законодательстве Европейского союза, которого никогда не было в конституционном праве или в международном публичном праве. И не далее как десять лет назад, по инициативе представителей академической общественности проводилось исследование европейского принципа эффективности, на основе фактического сравнения правовых порядков Европейского союза и Европейской Экономической зоны¹. Созданная Европейским судом Доктрина эффективности определялась как правовой принцип, в основном

¹ Méndez-Pinedo, EC and EEA law, 2009 and Christian, The Effectiveness and Application of EU and EEA law, 2018.

рассматривала отражение законодательства ЕС в национальном праве, правоприменительной деятельности и национальных судах¹.

К настоящему времени наступила пора пересмотреть, остаются ли в силе выводы, сделанные ранее в отношении принципа эффективности, выявить позицию академической науки относительно данной концепции и, наконец, что не менее важно, подтверждает ли справедливость такого подхода действующая практика Европейского суда. Для ответа на поставленные вопросы для начала необходимо уточнить суть понятия принципа. Задача это трудная, поскольку публично изложены различные направления теоретической мысли и прецедентного права Европейского суда, в которых применяется данное понятие, наполненное различным смыслом.

Анализ научных источников и критический обзор позволяют ставить под сомнение предположения, формирующие общее понимание эффективности в законодательстве Европейского союза, становится весьма дискуссионным вопрос о том, является ли единая, обобщающая целостная теория и структура эффективности права Европейского союза необходимой и осуществимой. Данная концепция, как в прецедентном праве Европейского суда, так и в юридической науке, отражает множество принципов, доктрин и правил, объединенных общим многогранным или «обобщающим» термином².

Необходимо подчеркнуть, что принцип эффективности представляет собой классическую концепцию в международном публичном праве; он также прописан в различных актах европейского права, а недавно стал появляется и в области сравнительного конституционного права Европы.

Чаще всего в законодательстве Европейского союза эффективность трактуется как результативность судебной защиты прав личности. Взаимодействие судебных органов выступает нормой в данном правовом порядке, поскольку национальные суды осуществляют тесное сотрудничество с судом через систему предварительных постановлений, где Европейский суд наделен окончательным и исключительным правом толкования законодательства ЕС.

Будучи наднациональным по существу, право Европейского союза имеет некоторые фундаментальные особенности, отличающие его от классического международного публичного права. Дополняя обозначенный выше принцип результативной судебной защиты, наличествует концепция «эффективного использования». Ранее Европейский суд использовал такие ключевые формулировки, как

¹ Professor M. Elvira MENDEZ-PINEDO The principle of effectiveness of EU law: a difficult concept in legal scholarship // 11 Juridical Trib. 5 (2021). Access mode: <https://heinonline.org>

² Christian, Franklin (ed), The Effectiveness and Application of EU and EEA Law in National Courts -Principles of Consistent Interpretation (Cambridge: Intersentia, 2018).

практический эффект, комплексный эффект, эффективность, практическая польза, практический эффект, эффективность и применение полных текстов судебных решений на английском и французском языках.

Важно также подчеркнуть, что термин эффективность классифицируется и трактуется доктриной несколькими понятиями: как доктрина, принцип или правило. В 2009 году данный концепт был закреплен в качестве одного из основополагающих правовых принципов законодательства Европейского союза, а в последствии и в качестве законодательства Европейской экономической зоны. В целом, в настоящее время эффективность принято считать действующим судебным принципом, и по мнению некоторых представителей академической науки, это надолго.

Иногда исследователи трактуют двояко: как правовую идею или же как основную цель закона, которая состоит в том, чтобы быть эффективным и являться результатом реализации содержащихся в законе правовых норм в социальной практике. Эффективность – это сама суть правовых норм, и поэтому не будет преувеличением сказать, что любая правовая норма должна на первый взгляд считаться действующей с учетом ее объекта и цели.

Несмотря на то, что в юридическом сообществе существует общее понимание того, что закон должен быть эффективным, проблема заключается в том, каким образом обеспечить эффективность законодательства на практике. ЕС решило эту задачу двумя способами: с одной стороны, создав новые материально-правовые нормы, права и обязанности для Государств-членов, граждан и компаний. С другой, в рамках судебной практики Европейского суда, расширив данный свод законов целым комплексом основополагающих принципов, призванных обеспечить регулирование взаимосвязи между европейским законодательством и национальными правовыми актами, соблюдение положений национального права государств-членов. Доктрина эффективности в законодательстве ЕС – это не столько конституционная теория, сколько практическая, предлагающая номенклатуру юридических инструментов гражданам и юридическим лицам в целях их использования для защиты своих прав как на национальном, так и, в конечном счете, на европейском судебном уровне.

Стоит отметить, за последнее десятилетие, ссылки Суда на принцип эффективности выступают во взаимосвязи, а порой даже перекрываются целой серией решений, без «излишних» разъяснений или теоретических оснований. Концепт «эффективность» также используется при реализации норм, закрепленных в нормативных документах национального права в контексте его соответствия законодательству ЕС.

Рассмотренное выше позволяет прийти к выводу, что концепция эффективности носит черты некой неопределенности и порой является

трудной для четкого понимания права ЕС. На данный момент общего согласия относительно единого значения и сферы ее применения не существует. Очевидно, что наличие теоретических исследований внесло определенный вклад в разработку и построение теории эффективности законодательства ЕС. И сама идея эффективности законодательства как соотношение между целями, содержащимися в законах правовых норм и результатом их реализации в практических целях весьма позитивна и имеет перспективу развития, в том числе в рамках права ЕС, однако некоторые ученые высказывают острую и обоснованную критику в отношении данной тенденции.

Следует непременно рассмотреть точку зрения профессора В.П. Малахова, о том, что «спектр условий и критериев эффективности права достаточно широк. Причем соответствуя показателям эффективности в одном аспекте, правовые предписания могут обнаруживать неэффективность в другом. Связь между условиями эффективности прослеживается далеко не всегда, системность между ними, как правило, отсутствует. Критерии эффективности права в определенной степени контрастны показателям, демонстрирующим неэффективность права»¹.

На самом деле концепция, кажущаяся простой, весьма сложна для понимания. Несмотря на большой массив предложенных аргументов и теорий, большинство попыток концептуализировать принцип эффективности не увенчалось успехом, поскольку им не удалось полностью представить всю структуру, построенную Европейским судом в его рамках прецедентного права, различных концептах и направлениях юриспруденции.

На основании всего комплекса приведенных доводов, можно утверждать, что европейское право испытывает острую необходимость в новой правовой теории и глубоком эмпирическом подходе, способном объединить существующие точки зрения и создать более сложную и векторную интегрированную теорию эффективности, основанную на действующей доктрине и прецедентном праве. С другой стороны, можно также отметить, что подобную теорию, видимо, придется оставить довольно неопределенной, чтобы иметь возможность имплементировать все аспекты эффективности в судебную практику Европейского суда.

Мир находится в ситуации, когда приходится сталкиваться с более чем одной реальностью или истиной относительно эффективности. И суд использует это понятие в различных контекстах и разных значениях. В связи с этим утверждается необходимость рассматривать эффективность одновременно с многих позиций:

¹ Малахов В.П. Общая теория права и государства. Курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. С. 137.

1) с материальной и формальной точек зрения (в сочетании с принципом эквивалентности в отношении автономии национальных процессуальных законов);

2) как инструмент толкования, основанный на функционализме законодательства ЕС.

3) как правовой принцип, полностью независимый по своему значению и сфере применения, но одновременно как принцип, интегрированный и ограниченный другими основополагающими принципами европейского закона.

Грицай Владимир Викторович,
кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории права и государства и права
Краснодарского университета МВД России

Тамазова Анна Дмитриевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР КАК ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Современный мир развивается в условиях непрерывно меняющихся друг друга экономических кризисов и региональных конфликтов.

Начало этому периоду нынешней перманентной нестабильности положили события конца 80-х начала 90-х годов прошлого века, когда одновременно в мире происходило несколько процессов: с одной стороны, под натиском лидеров англосаксонского мира – США и Великобритании разрушался Советский Союз и основная часть мировой системы социализма – европейские государства народной демократии, с другой стороны усилились процессы евроинтеграции. Последние из экономических перерастали в политические.

Можно констатировать, что тогда начался демонтаж Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений основанной на биполярном мироустройстве. Основной задачей этой системы было поддержание баланса сил, которое основывалось на противоборстве двух противоположных центров развития, с главной целью не допустить доминирования одного из полюсов.

Как правило, эти цели достигались созданием и расширением военно-политических блоков. Так, существовали Организация Варшавского Договора (ОВД) во главе с СССР, созданная в мае 1955 года, участники которой обязывались воздерживаться от угрозы силой и применения силы, и Североатлантический Альянс (НАТО), созданный в 1949 году как оборонительная структура, в которой доминирующее положение занимают США и который носил межконтинентальный характер. Кстати заметить, что ОВД была создана как ответная мера, и в правоустанавливающем документе нет прямого указания на ее исключительно военный характер. И в то же время в уставных документах НАТО говорится о защите при нападении.

Организация Североатлантического Договора была создана для борьбы с Советским Союзом. В пользу этого говорит тот факт, что СССР пытался присоединиться к договору и подал заявку на вступление, которая была отклонена. Об агрессивности альянса говорит и тот факт, что даже до распада Союза ССР было проведено по меньшей мере три расширения, а особенно активно блок начал расширяться после демонтажа советской системы и структуры, которая обеспечивала ее безопасность, причем в основном за счет стран ранее имевших социалистическую ориентацию и входивших в ОВД.

Гонка вооружений в такой системе неизбежна, она во второй половине XX века прошла путь от создания и совершенствования ядерного оружия, в основном средств его базирования и доставки, которая в апогее достигла попыток выведения его в космос, на околоземную орбиту.

Стоило громадных усилий дипломатических служб суверенных государств, чтобы превратить ядерное оружие в средство взаимного сдерживания, и создать систему контроля за его распространением, ограничив число стран обладателей ядерными военными технологиями.

Избежать военно-политического противостояния было невозможно, поскольку сталкивались две совершенно разные, противоположные идеологии, да рождена система по итогам Второй Мировой войны, самого кровопролитного противостояния середины XX века.

Забегая вперед отметим, что при демонтаже Советского государства, в Будапеште в 1994 году был однозначно решен вопрос о безъядерном статусе суверенных государств бывших советских республик, на территориях которых было размещено ядерное оружие СССР. Украина, Белоруссия и Казахстан присоединились к договору о нераспространении ядерного оружия.

Здесь уместно указать на то, что в период с 1946 по 1991 годы государственный суверенитет основывался на военно-политическом блоковом состоянии, при наличии сдерживающего фактора – ядерного оружия.

Государственный суверенитет во внутренних делах традиционно определялся верховенством государственной власти, при обязанности государства защищать лиц, проживающих в его пределах.

Государственный суверенитет как неотъемлемое юридическое качество независимого государства, лежащее в основе современного международного права, следует дифференцировать от национального суверенитета, как права нации на самоопределение, и народного суверенитета, как суверенитета, созданного коллективным существом, образуемым совокупностью частных лиц.

Как только факт крушения СССР и мировой системы социализма стал очевидным, страны Варшавского договора и другие государства, получившие суверенитет и Российская Федерация не исключение, получили широкие возможности участвовать в системе международных отношений как самостоятельные субъекты. Система эта была теперь однополярной, ничем не ограниченная, активно движущаяся по пути глобализации.

В этом контексте глобализация понимается нами как процесс всемирной экономической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Она является характерной чертой изменения структуры мирового хозяйства, мыслится как совокупность национальных (государственных) экономик, связанных между собой системой международного разделения труда, экономических и политических отношений.

Как стало очевидным позднее, западный англо-саксонский мир не планировал строить интеграционные процессы на основе равноправного участия независимых субъектов, даже государственный суверенитет становится весьма уязвимым, его значение постепенно начинается снижаться, под воздействием экономических факторов.

Глобализация понятие не современное. Ее истоки являются вопросом дискуссии ученых в зависимости от их отраслевой специализации. Историки рассматривают ее как стадию капиталистических отношений, как один из этапов развития капитализма, причем, как показывают последние события, этот этап может стать завершающим.

Политологи делают упор на специфическое развитие демократии и ее институтов. Культурологи усматривают в происходящем вестернизацию, как ее неперенный атрибут, причем и культурную, и экономическую. Глобализация в этом смысле пришла на смену модернизации.

Глобализацию можно рассматривать как положительную историю и как отрицательную одновременно. В контексте нашего исследования положительные эффекты глобализации выглядят, по меньшей мере, сомнительными, именно по тому, что она основана на неравноправном

положении участников. И «блага» при этом если и реальны, то в итоге оказываются «сыром в мышеловке». Это процесс, негативно влияющий на хозяйственно-экономическую самостоятельность государства, и, в конечном итоге, его политический суверенитет. Особенно это справедливо для последнего этапа развития глобализма, свидетелями которого мы являемся, когда для того чтобы продлить свое существование, он становится главным инструментом разрушения государственного суверенитета в руках транснациональных корпораций, преследующих свои интересы.

Мир ожидает новая глобальная трансформация. Главный вопрос в том какая система миропорядка восторжествует. Ультраглобальный порядок, к которому стремятся глобалисты, не предполагает даже номинального существования государства, не говоря уже о каких-то его атрибутах типа суверенитета. Дело в том, что международные организации, призванные по своему изначальному предназначению этот суверенитет поддерживать, после краха биполярной системы мироустройства постепенно перешли под контроль транснациональных корпораций, и послушно исполняют их волю. Пандемия COWID-19, яркое тому подтверждение. Всемирная организация здравоохранения последовательно действовала (объявляя пандемию) и продолжает действовать (затягивать процедура признания вакцин) в интересах транснациональных фармацевтических компаний, своих самых крупных бенефициаров, даже на официальном уровне. Таких примеров можно обнаружить достаточно во многих отраслях.

Таким образом, мы можем констатировать, что транснациональные структуры, действуя через международные организации, по их образу и подобию, создают с конца XX века свои собственные структуры управления, например, Всемирную торговую организацию (ВТО, образована 1 января 1995 года). Структура, созданная как интеграционная организация, с целью либерализации международной торговли и регулирования торгово-политических отношений государств-членов. ВТО образована на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенного в 1947 году и на протяжении почти полувека фактически выполнявшего функции международной организации, но не являвшегося, тем не менее, международной организацией в юридическом смысле. Последнее обстоятельство как раз обеспечивало определенную независимость ее участников. Как только структура была оформлена в юридическом смысле – ее участники, особенно новые члены, как правило, теряли экономическую самостоятельность и попадали в кабальную зависимость от основных регуляторов.

Российская Федерация одной из последних среди постсоветских стран присоединилась к организации. Это произошло в 2012 году. Эта мера, как показывает почти десятилетняя практика, не оказала сколь-

нибудь значительного положительного эффекта, а только лишь постепенно усугубляла экономическое положение страны, с точки зрения возможности вести внешнеэкономическую деятельность, без нанесения необратимого ущерба хозяйству страны. Запрет на протекционистскую политику означает невозможность реализации мер для импортозамещения, что для стран с сырьевой экономикой означает превращение в поставщика ресурсов в развитые страны, получающего в обмен только товары для потребления, а не технологии для развития, более того последнее вообще запрещено без согласования с руководящими органами ВТО. Все это было в той или иной степени подтверждено в отчете о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ мер, принимаемых органами государственной власти по выполнению обязательств и реализации прав Российской Федерации, связанных с присоединением к ВТО, по оценке влияния норм и правил ВТО на бюджетную систему и отрасли экономики». Там в частности указано на общее изменение доходов федерального бюджета на 2013 и 2014 годы в связи с присоединением Российской Федерации к ВТО, по оценке Минфина России, составит: в 2013 году – (минус) 183792,5 млн. рублей и в 2014 году – (минус) 236852,9 млн. рублей.

Всемирный банк, взявший на себя полномочия двух структур: Международного банка реконструкции и развития и Международной ассоциации развития, по своему изначальному предназначению должен оказывать финансовую поддержку странам с низким уровнем доходов, на деле является инструментом их дальнейшего закабаления.

Международный валютный фонд (МВФ), – структура, созданная как часть Бреттон-Вудской системы, призванной способствовать развитию международного сотрудничества в валютно-финансовой сфере, содействовать расширению и сбалансированному росту международной торговли, поддерживать стабильность валют и упорядоченный валютный режим среди государств-членов, а также избегать девальвации валют в целях получения преимущества в конкуренции, оказывать помощь в создании многосторонней системы расчетов по текущим операциям между государствами-членами, сегодня действует исключительно для поддержания американского доллара как мировой валюты, обеспечивая интересы уже даже не столько США как государства, и примеры можно продолжать.

В заключение отметим, что нет сомнений в гибели старого мира. Но новый мир еще не наступил, каким он будет, какие формы примет, сейчас судить рано. Можем лишь предположить, что новая система мироустройства, однозначно не будет однополярной, полиполярность как основа его структуры не подлежит сомнению, более того осмелимся предположить, что и глобализация никуда не денется, а лишь приобретет

региональный характер, станет безусловно мягче даже теперешней, не говоря уже об ультраглобальном варианте.

В независимости от конфигурации будущего мира понадобится новая система способная поддерживать его безопасность. Не смотря на то, что эта тема заслуживает самостоятельного исследования, укажем на то, что на начальном этапе постризиса не удастся избежать новых витков напряженности. Необходимо создать такую систему взаимных сдержек и противовесов, чтобы ни одна сторона не имела возможности применить силу без согласования с другими участниками обеспечивающими безопасность. В настоящее время, по нашему мнению, не имеет права на существование блоковая система обеспечения безопасности типа НАТО, неподконтрольная Совету Безопасности ООН, который в свою очередь, также должен быть реформирован, за счет расширения числа участников, без расширения количества ядерных держав, последние должны не допустить любой экспорт ядерных технологий в военной сфере.

Долин Вячеслав Александрович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

ОСОБЕННОСТИ КОНКОРДАТНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРУЗИИ

Государственно-конфессиональные отношения относятся к числу традиционных объектов изучения в науке. Данные отношения особенно интересны в постсоветских государствах, что обусловлено тремя причинами. Во-первых, единая основа развития названных отношений – модель советского воинствующего атеизма. Во-вторых, в первых редакциях постсоветских конституций преобладает либерально фундированная светская модель с максимальным разделением государства и церкви. Наконец, в-третьих, для ряда постсоветских государств характерна эволюция модели государственно-конфессиональных отношений в сторону клерикализации (в явной или латентной формах).

В контексте изучения государственно-конфессиональных отношений в постсоветских государствах вызывает исследовательский интерес Грузия, относящаяся к числу наиболее религиозных православных

государств Европы¹. Данные исследовательского центра Pew Research Center свидетельствуют, что 17% грузин регулярно посещают церковь (каждое воскресенье и по крупным праздникам), 40% ежедневно молятся, а 50% считают религию «очень важной составляющей» своей личной жизни². Кроме того, 72% опрошенных полностью уверены в существовании Бога, около 80% верят в существование ангелов, ада и реальность чудес³. Также жители Грузии придерживаются крайние консервативных представлений о моральных ценностях: 91% осуждают гомосексуализм, 75% – добрачные связи, 66% – аборты, 35% – противозачаточные средства и 30% – разводы⁴.

Согласно данным переписи 2014 года, 83,4% жителей Грузии заявляют о принадлежности к православному христианству, 10,7% – к исламу, 2,9% – к Армянской апостольской церкви. Среди оставшихся 3% населения – католики, иудеи, езиды, представители других религий и атеисты⁵. В Абхазии, согласно опросу правительства региона, 60% респондентов назвали себя христианами, 16% – мусульманами, по 8% – атеистами и представителями дохристианской абхазской религии, 1% – Свидетелями Иеговы, иудеями или представителями других религий. При этом 7% не смогли определить религиозную принадлежность⁶. В Южной Осетии, согласно данным переписи 2015 года, большинство населения составляют православные христиане, наиболее многочисленные меньшинства – мусульмане и последователи дохристианских верований⁷.

Грузия интересна как единственная современная православная страна, заключающая государственное соглашение с церковью, в результате чего формируется конкордатная модель государственно-конфессиональных отношений. Дополнительная актуальность исследования определяется еще и тем обстоятельством, что в данной стране возникает тесное сотрудничество светских и церковных элит.

Объект статьи – конкордатная модель государственно-конфессиональных отношений в Грузии, ее предмет – выделение специфических особенностей рассматриваемой модели.

¹ Лебедев П. Грузия и Румыния остаются самыми религиозными среди православных стран в Европе, 25.05.2018 // Седмица.RU: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <https://sedmitza.ru/text/8119285.html> (дата обращения: 04.02.2022).

² Там же.

³ Лебедев П. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Унанянц В. Религиозно свободны, но не слишком терпимы, 14.05.2021 // Радио «Эхо Кавказа»: новости. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/31255642.html> (дата обращения: 07.02.2022).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Исследование необходимо начать с краткой истории Грузинской Православной церкви (далее – ГПЦ)¹. Распространение христианства в грузинских землях начинают апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит². Крещение Грузии происходит при царе Мириане в 326 г. усилиями святой равноапостольной Нины. В V в., во время правления царя Вахтанга I Горгосали, Восточная Грузия получает автокефалию от Антиохийского патриархата. Первым Католикосом всея Иверии (высшее духовное лицо ГПЦ) становится архиепископ Петр³. Северная Грузия (Абхазия) исторически находится в юрисдикции Константинопольского патриархата⁴. В IX в. для церковного управления этими землями учреждается титул Католикоса Абхазского и Имеретинского⁵.

После воссоединения Грузинского царства в XI в. католикос Мцхеты (Картли) в 1003 г. становится патриархом. Его авторитет признает северо-грузинский католикос, сохраняющий титул и власть вплоть до присоединения к Российской империи. Отсутствие церковного единства усиливается в XIV в. политическим разделением страны на Западное и Восточное царства⁶. После падения Византии в 1453 г. грузинские цари непрерывно добиваются покровительства сначала московских царей, а затем российских императоров. Подобное стремление обусловлено регулярными завоевательными походами турок и персов, что ставило под угрозу не только политическую независимость, но и религиозную идентичность народа.

В 1783 г., после признания протектората Российской империи над Грузией, титула католикоса упраздняется. ГПЦ на правах экзархата подчинена Святейшему синоду⁷. В 1801 г. Грузия окончательно входит в состав Российской империи. Однако последний католикос грузинской церкви Антоний II номинально сохраняет титул до самой смерти в 1811 г.⁸ После этого глава грузинской церкви получает титул «Экзарх Синодский над Грузией»⁹.

Однако грузинскими экзархами становятся исключительно русские священники¹⁰, которые тяготились управлять церковной провинцией на

¹ См., например: Иоселиани П. Краткая история грузинской церкви. СПб.: Типография А. Сарычева, 1843. 154 с.; Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей: учеб. пособие. В 2 т. М.: Русские огни. 1994. С. 19–57.

² Скурат К.Е. Указ. соч. С. 19.

³ Иоселиани П.. Указ. соч. С. 35.

⁴ Скурат К.Е. Указ. соч. С. 23.

⁵ Иоселиани П. Указ. соч. С. 57.

⁶ Скурат К.Е. Указ. соч. С. 26–27.

⁷ Иоселиани П. Указ. соч. С. 137–138.

⁸ Иоселиани П. Указ. соч. С. 138.

⁹ Верт П. Православие, инославие, иновение: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое Литературное Обозрение, 2012. С. 75.

¹⁰ Скурат К.Е. Указ. соч. С. 56–57.

окраинах империи. Революция 1905 г. обостряет борьбу за независимость грузинской церкви¹. В марте 1917 г., после падения самодержавия, грузинское духовенство восстанавливает патриархат, который получает признание Константинополя. В 1943 г. Русская и Грузинская православные церкви восстанавливают евхаристическое общение. Постсоветская Грузия формируется и до настоящего времени является многонациональным и мультирелигиозным государством².

Выявление специфических особенностей конкордатной модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии следует начать с рассмотрения их конституционно-правового закрепления. Изменения в Конституцию Грузии вносились 36 раз³. Последняя редакция утверждена в июне 2020 года⁴. Содержание внесенных изменений требуют отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи. Вместе с тем, анализ развития Конституции Грузии позволяет утверждать, что подавляющее большинство внесенных в основной документ Грузии изменений относится преимущественно к избирательной системе и распределению полномочий между Президентом и Парламентом⁵.

Конституция Грузии принята в 1995 г. Ст. 8 документа «...наряду со свободой убеждений и вероисповедания признает особую роль Грузинской Апостольской Автокефальной Православной церкви в истории Грузии и ее независимость от государства»⁶. В статье также закреплено положение о заключении конституционного соглашения между Грузией и ГПЦ, которое в «...полной мере должно соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права в области прав и свобод человека».

Ст. 16 Конституции 1995 г. закрепляет «...право на свободу убеждений, вероисповедания и совести» (п. 1), ограничение которого возможно исключительно на основе закона и «...в целях обеспечения необходимой в демократическом обществе общественной безопасности, здравоохранения или защиты прав других лиц» (п. 2 ст. 16). Также не

¹ Верт П. Указ. соч. С. 75–92.

² См. подробнее: Апхаидзе Ш. Религиозная мозаика современной Грузии, 04.04.2015 // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: https://ruskline.ru/opp/2015/4/4/religioznaya_mozaiika_sovremennoj_gruzii (дата обращения: 07.02.2022).

³ Грузинский парламент поменял Конституцию в 36-й раз – зачем это было нужно // Sputnik Грузия. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20200629/Gruzinskiy-parlament-pomenyal-Konstitutsiyu-v-36-y-raz--zachem-eto-bylo-nuzhno-248854317.html> (дата обращения: 04.02.2022).

⁴ Там же.

⁵ См., например: Чедия Б. Конституционная реформа – следствие неустойчивости политической системы Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. Вып. 2. С. 74–83.

⁶ Здесь и далее цит. по: Конституция Грузии // Ведомости Парламента Грузии. 1995. № 31–33. С. 668.

допускается преследование граждан по данным основаниям, а также принуждение высказываться о них (п. 3 ст. 16).

30 марта 2002 г. в Конституцию Грузии внесено дополнение об установлении конкордатных отношений между Грузией и ГПЦ. 2 апреля 2002 г. президент Э. Шеварднадзе официально объявил о внесенных изменениях¹. Как результат, положение о заключении конституционного соглашения между Грузией и ГПЦ закреплено в ст. 9 Конституции Грузии². 14 октября 2002 г. подписано Конституционное соглашение между Грузией и ГПЦ³. Принятое соглашение получает одобрение Священного Синода ГПЦ и Парламента Грузии, после чего документ вступает в законную силу.

В контексте исследования предмета статьи следует рассмотреть положения Конституционного соглашения⁴. В Преамбуле документа признаются:

- независимость Грузии (абз. 1);
- автокефалия ГПЦ и ее связь с вселенским православием (абз. 2);
- историческая роль православия (государственная религия Грузии и основа национальной культуры, мировоззрения и ценностей) (абз. 3);
- преобладание православных верующих в Грузии (абз. 4);
- особая роль ГПЦ в истории страны, а также ее независимость от государства (абз. 5).

Документ включает 12 статей, которые требуют более подробного рассмотрения в контексте исследования предмета статьи.

Ст. 1 посвящена принципам взаимоотношений и правам ГПЦ. Целью взаимоотношений признается сотрудничество на благо народа «...с учетом принципа взаимной независимости...» (п. 1 ст. 1)⁵. Государство и ГПЦ могут заключать соглашения «...в различных сферах совместных интересов...» (п. 2 ст. 1). ГПЦ рассматривается как «...признанное

¹ Грузинский конкордат: православная церковь добилась изменения конституции // Русский Архипелаг: сетевой проект «Русского мира». URL: https://archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/questions/concordat (дата обращения: 04.02.2022).

² Цит. по: Грузия // Православная энциклопедия. Т. 13. М.: Православная Энциклопедия, 2006. С. 352–387. URL: <https://www.pravenc.ru/text/168205.html> (дата обращения: 05.02.2022).

³ Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью // Русская православная церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/318741.html> (дата обращения: 04.02.2022).

⁴ См. также: Яровой А., Яровая И.М. Грузинский конкордат и система конкордатного права // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с духовной направленностью). 2016. № 4. С. 139–146.

⁵ Здесь и далее цит. по: Русская православная церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/318741.html> (дата обращения: 04.02.2022).

государством полноправное юридическое лицо публичного права...», действующее на основе церковного права и светского законодательства (п. 3 ст. 1). «Церковный Собор, Католикос-Патриарх Грузии, Священный Синод и Грузинская Патриархия (в лице Викария и Секретаря)...» представляют ГПЦ «без специальных полномочий», а субъектом правовых отношений выступает Католикос-Патриарх (п. 4 ст. 1), который пользуется неприкосновенностью (п. 5 ст. 1). П. 6 ст. 1 закрепляет, что «...великие церковные праздники и воскресенье...» признаются выходными днями, но с компромиссной оговоркой «как правило».

Ст. 2 Конституционного соглашения 2002 г. между Грузией и ГПЦ закрепляет государственную поддержку тайны исповеди и церковной тайны.

В ст. 3, как и п. 6 ст. 1, закреплён компромисс: государство признаёт церковный брак как правовой факт. Но поскольку «в правовых отношениях используются данные государственной регистрации брака», то ГПЦ не имеет права на выполнение государственной функции.

Согласно ст. 4, духовные лица не являются военнообязанными (п. 1 ст. 4), а «...в воинских формированиях, в тюрьмах и местах лишения свободы...» и создается «институт пастырей» (п. 2 ст. 4). П. 3 ст. 4 закрепляет «...полномочия осуществлять совместные программы социальной защиты населения».

Ст. 5 регламентирует вопросы образования. Согласно смыслу документа, изучение православия осуществляется на основе принципа «добровольно, но под церковным контролем», поскольку «утверждение и изменение учебных программ, назначение и увольнение преподавателей осуществляется по представлению Церкви» (п. 1 ст. 5). Грузия и ГПЦ «обоюдно и на равных основаниях» признают образовательные документы, ученые степени и звания (п. 2 ст. 5). Закрепляется положения о совместных программах в сфере образования, а также о государственной поддержке церковных образовательных учреждений (п. 3 ст. 5).

В ст. 6 рассматривается экономическая деятельность церкви. ГПЦ может владеть любым имуществом (кроме запрещенного светскими законами) (п. 1 ст. 6). «Владение, пользование и распоряжение внебогослужебной собственностью...» регламентируется религиозным правом и законами Грузии (п. 2 ст. 6). Непосредственные формы предпринимательства для ГПЦ запрещены (п. 3 ст. 6). П. 4 ст. 6 в качестве финансовой основы деятельности ГПЦ рассматривает «...добровольные пожертвования, доход от предпринимательства, инвестиции, гранты, помощь и другие доходы, полученные в соответствии с законодательством». Освобождаются от налогов пожертвования, экономически не используемое имущество и земли, а также изготовление, ввоз и поставка применяемой в богослужении продукции (п. 5 ст. 6). Производство, ввоз и поставка богослужебной продукции, а также

использование официальной церковной терминологии и символики регулируются государством по соглашению с ГПЦ (разрешение или лицензия) (п. 6 ст. 6).

Ст. 7 регламентирует правовой статус культовых сооружений. «...Православные храмы, монастыри (действующие и недействующие), их развалины, а также участки земли, на которых они расположены» признаются собственностью ГПЦ (п. 1 ст. 7). Специально созданная государственная служба по соглашению с ГПЦ осуществляет их защиту (п. 2 ст. 7).

Ст. 8 закрепляет компромиссный правовой статус церковной сокровищницы, находящейся в музеях и хранилищах: она (за исключением артефактов в частном владении) признается собственностью ГПЦ (п. 1 ст. 8) и одновременно – часть общенациональной собственности (исключая мощи и реликвии) (п. 2 ст. 8). В результате церковная сокровищница рассматривается как находящаяся в «совместном владении» (п. 2 ст. 8).

Ст. 9 определяет обязательства по охране и уходу за храмами и церковной сокровищницей: совместное попечение (п. 1 ст. 9); по согласованию с ГПЦ – возможность введения дополнительных правил относительно церковной сокровищницы и храмов, имеющих культурно-историческую ценность (п. 2 ст. 9).

Ст. 10 обязывает Грузию вести переговоры с другими государствами «...об охране..., об уходе ... и владении...» находящихся на ее территории «...грузинских православных храмов, монастырей, их развалин, других церковных сооружений, церковных предметов...».

Ст. 11 юридически признает факт нанесения ГПЦ материального ущерба «...в период потери государственной независимости в XIX–XX веках (особенно в 1921–90 годах) ...» и закрепляет обязательства Грузии по «частичной компенсации» потерь (п. 1 ст. 11). Для этого «на паритетных началах» создается комиссия, «...которая подготовит проекты соответствующих нормативных актов» (п. 2 ст. 11).

Ст. 12 раскрывает механизм внесения поправок и дополнений (п. 2 ст. 12), а также условия вступления документа в законную силу (п. 4 ст. 12).

На основе проведенного анализа Конституционного соглашения 2002 г. возможно выделить две специфические особенности государственно-конфессиональных отношений в Грузии. Во-первых, компромисс клерикальных и светских тенденций по ряду вопросов: церковные праздники, признание церковного брака, церковное образование, государственный контроль над церковной собственностью, совместное владение церковной сокровищницей. Как следствие, доминирование тенденции клерикализации отсутствует. Во-вторых, большее (относительно модели полного разделения государства и религиозных объединений) количество экономических привилегий (ст. 6–11).

Несмотря на конституционный уровень закрепления, конкордат Грузии и ГПЦ постоянно находится под угрозой. В 2003 г., во время «революции роз», М. Саакашвили было предъявлено прямое требование, «...чтобы президент отказался полностью задействовать конкордат»¹. В 2011 г. появляется новая угроза: недовольные привилегиями ГПЦ, религиозные организации Грузии настаивают на заключении аналогичных соглашений и с ними. Грузия подвергается давлению Ватикана и стран Запада. Дипломатические усилия предпринимают также Армения и представители Армянской Апостольской церкви².

Как ответ, 6 июля 2011 г. Парламент Грузии в ускоренном порядке вносит поправки в Гражданский Кодекс (далее – ГК) Грузии, в соответствии с которыми любая религиозная организация имеет право регистрироваться в качестве юридического лица публичного права (далее – ЮЛПП). Помимо признания и престижа, статус ЮЛПП дает религиозной организации право на независимую от государства публичную деятельность (в политике, просветительской и культурной деятельности, социальной и иных сферах)³. До этого религиозные организации могли регистрироваться лишь в качестве фонда или неправительственной организации. В обновленном ГК Грузии также закреплено монопольное право ГПЦ на заключение договора с государством. Таким образом, итогом внесенных изменений является сохранение конкордатной модели государственно-конфессиональных отношений. Также сохраняется и система привилегий, полученных ГПЦ в соответствии с Конституционным соглашением 2002 г.⁴.

Внесению изменений в ГК Грузии предшествует политическая борьба. Противником изменений выступает ГПЦ, которая призывает провести общественное обсуждение вносимых поправок и перенести парламентские слушания на осеннюю сессию.

В первоначальной редакции изменений ГК Грузии предполагается, что статус ЮЛПП получат пять религиозных организаций (Армянская Апостольская церковь, Римская Католическая церковь, Евангелистская Баптистская церковь, мусульманская община и иудейская община), которые «имеют тесные исторические связи с Грузией»⁵. Однако по итогам второго и окончательного чтения закреплено, что статус ЮЛПП смогут получить две категории религиозных объединений: «имеющие историческую связь с Грузией, или те религиозные объединения, которые

¹ Апхаидзе Ш. Указ. соч.

² Ованнисян И. В Грузии окончательно приняты поправки в Гражданский кодекс, касающиеся религиозных организаций // Радио Азатутюн на русском. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/24256919.html> (дата обращения: 05.02.2022).

³ Там же.

⁴ Фолосян М.Э., Николаев А.М. Законодательство Грузии о свободе совести и вероисповедания: традиции и новшества // Современное право. 2016. № 6. С. 121–126.

⁵ Ованнисян И. Указ. соч.

пользуются таким статусом в странах Совета Европы»¹. И хотя внесенные изменения сохраняют привилегированный статус ГПЦ, решение вызывает протесты православных верующих².

Однако, вопреки давлению на власть Грузии, привилегии ГПЦ не только остаются в силе, но и расширяются. Так, в мае 2021 г. в Лесной кодекс Грузии внесены поправки, предоставляющие только ГПЦ право собственности на государственные леса, расположенные рядом или прилегающие к церквям и монастырям³. В свою очередь, изменения, которые упраздняют (потенциально могут упразднить) привилегированный статус ГПЦ, «спускаются на тормозах». Так, до настоящего времени, в соответствии с решением Конституционного суда страны, не внесены поправки в действующее законодательство Грузии по вопросу привилегий религиозных организаций: до 31 декабря 2018 года либо отменить льготы для всех без исключения религиозных организаций, либо предоставить их всем⁴. На основе проведенного анализа также очевидно, что защита экономических интересов и политическое влияние для ГПЦ важнее традиционных для православной церкви интересов в сфере образования и культуры.

Таким образом, конкордатная модель взаимоотношений Грузии и ГПЦ, по определению носящая преференциальный характер, функционирует в государстве, где конституционно закреплено право на свободу убеждений, вероисповедания и совести. Реализованное в Грузии стремление к компромиссу между клерикальным и секулярным государством требует отдельного рассмотрения в контексте определения вида государственно-конфессиональных отношений.

Подводя общий итог, следует выделить три особенности конкордатной модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

Первая выявляется на основе проведенного анализа текста соглашения – компромисс клерикальных и светских тенденций по ряду вопросов: церковные праздники, признание церковного брака, церковное образование, государственный контроль над церковной собственностью, совместное владение церковной сокровищницей. Как следствие данной особенности, доминирование тенденции клерикализации на конституционном уровне отсутствует.

¹ Ованнисян И. Указ. соч.

² См., например: В Тбилиси прошло многотысячное шествие противников закона о юридическом статусе религиозных групп, 11.07.2011 // Дерево: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/news/11029.html> (дата обращения: 05.02.2022).

³ Брегвадзе С. «Ни у одной церкви не должно быть особых прав и привилегий», 25.05.2020 // Радио «Эхо Кавказа»: новости. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30633669.html> (дата обращения: 05.02.2022).

⁴ Унанянц В. Указ. соч.

Вторая особенность также следует из анализа текста соглашения – значительное количество экономических привилегий (ст. 6–11) (относительно модели полного разделения государства и религиозных объединений).

Третья особенность проявляется в фактических взаимоотношениях Грузии и ГПЦ – преобладание экономических и политических интересов ГПЦ над интересами в сфере образования и культуры. Подобная ситуация выглядит закономерной для религиозной страны с православным большинством, немалая часть которого – активные верующие. Кроме того, согласно п. 1 ст. 5 Конституционного соглашения 2002 г., в Грузии установлен клерикальный контроль над образованием, который лишь смягчается оговоркой о добровольном характере религиозного образования.

Следует признать, что ограниченные рамки статьи не позволяют сравнить специфические особенности модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии с другими государствами.

Опыт многонациональной и мультирелигиозной (с православным большинством) Грузии интересен в контексте осмысления перспектив клерикализации государственно-конфессиональных отношений в постсоветских государствах с православным большинством (Россия, Украина и Беларусь), а в части регулирования отношений с избранной конфессией – в христианской Армении.

Жуланов Александр Владимирович,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

XXI век характеризуется большим количеством процессов в обществе и политике, среди которых: в первую очередь, масштабное распространение и внедрение во все сферы жизнедеятельности общества и государств информационных технологий; глобализация; миграции представителей различных рас, национальностей; напряженная политическая обстановка, связанная с вирусными, в том числе COVID-19, угрозами, повышенной активностью террористических группировок, информационными атаками и войнами, попытками вооруженных переворотов в странах и дестабилизации обстановки в различных государствах. При этом необходимо уточнить, что тенденции в развитии

российского права в данной работе представляют собой конкретные направления, в которых предполагаются или уже запущены изменения.

В первую группу тенденций справедливо будет рассмотреть, исходя из сути Конституции Российской Федерации и поправок, внесенных в особом порядке и одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Согласно основному закону, Россия признается социальным государством, а потому предполагается, что население в зависимости от различных условий обеспечивает помощь своим гражданам: например система пенсионного страхования, тогда как в Индии ее почти не существует, поскольку пенсия распространяется исключительно на военных и госслужащих; пособия по безработице, программа материнского капитала, которая действует с 2007 года, с 1 января 2020 года была расширена и теперь сертификат можно получить на первого ребенка, рожденного или усыновленного с 1 января 2020 года, хотя раньше это касалось только второго ребенка, что связано с тяжелой демографической ситуацией. Программа материнского капитала позволяет, как правило, молодым семьям получить серьезную поддержку от государства в трудное время. Необходимо указать и на то, что теперь в Конституции РФ прямо указано, что Россия придерживается традиционных взглядов по отношению к построению семьи – это имеет значение для правового ограничения со стороны Конституции РФ регистрации браков, не являющихся общепринятыми, то есть любых, кроме тех, что заключены между одним мужчиной и одной женщиной, тогда как в других странах, например, в США, имеется практика не только однополых браков, но и бракосочетаний между животными, цветами и так далее, что грозит населению демографическим кризисом. Это свидетельствует о том, что законодательство направлено в сторону применения мер по улучшению демографической ситуации в стране.

Тенденция увеличения пенсионного возраста была продиктована общим увеличением качества и продолжительности жизни населения, при этом в этом вопросе Россия последовала примеру некоторых других стран (например, США). Данная мера связана с тем, что есть категории граждан, способных в возрасте выхода на пенсию работать еще некоторое количество времени, однако работодатели предпочитают таким сотрудникам более молодых и энергичных, а потому законодательство разрабатывает вопросы, связанные с рациональным распределением мер по защите прав и законных интересов таких граждан. Однако следует заметить, что законодателю необходимо более основательно рассмотреть вопрос о конкретных категориях граждан, для которых пенсионный возраст целесообразно увеличить, а для каких-то и уменьшить, особенно это касается шахтеров, железнодорожников и иных лиц, где используется тяжелый физический труд или сохраняются особые условия, в связи с которыми более долгий срок работы может причинить существенный вред здоровью людей.

Крупным направлением является экономика. Законодатель начинает разрабатывать вопросы так называемой «самозанятости». На данный момент самозанятость постепенно развивается, а само государство создало хорошие условия. В России начинается активная поддержка и стимулирование вовлечения граждан в сферу занятия собственным производством товаров или услуг. При этом данное понятие появилось в Российском законодательстве в 2017 году¹, что говорит о дальнейшем перспективном совершенствовании молодой сферы. В то же время Президент РФ подписал закон о повышении ставки НДФЛ до 15% с доходов более 5 млн рублей, что является свидетельством о начале движения государства в сторону возобновления прогрессивного характера ставок налогов, что пока коснулось налога на доходы физических лиц, но не исключено, что налоговое право будет пересмотрено и по другим статьям.

Нововведения и тенденции развития законодательства коснулись и области информационных технологий. За последнее время эту сферу можно считать одной из самых востребованных в плане изучения в различных аспектах жизни общества и государства: правоохранительная, военная, экономическая, социальная, информационная сфера. С помощью передовых технологий развивается формирование электронных баз данных, как локального, регионального, так и федерального масштаба для банков, государственных органов, коммерческих и некоммерческих юридических лиц и т. д.; разрабатываются системы защиты от кибератак и кибершпионажа и прочее,- все это требует правовой регламентации.

Один из примеров использования новейших разработок – система биометрии, способная распознавать различные характеристики человека: голос, внешность, отпечатки пальцев и ладони, сетчатку глаза. В 2020 году «Российская газета»² опубликовала новость о том, что подписан федеральный закон, в соответствии с которым финансовые услуги в банках будут производиться при условии сдачи биометрических данных, хранящихся на едином сервере. Совершенно очевидно, что данные меры направлены на улучшение мер по защите данных граждан от деятельности злоумышленников, поскольку подделать данные биометрии на данный момент крайне трудно либо почти невозможно.

В связи с этим предполагаем, что подобные меры могут коснуться и иных сфер, например, использования данных при приеме сотрудников на работу, однако недавно всерьез заговорили о возможности обязательной

¹ Данные из свободной энциклопедии «Википедия» // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Самозанятость> (дата обращения: 01.02.2022).

² Ирина Алпатова. Путин подписал закон о биометрии для получения банковских услуг // Российская газета. 30.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/30/putin-podpisal-zakon-o-biometrii-dlia-polucheniia-bankovskih-uslug.html> (дата обращения: 01.02.2022).

сдачи биометрических данных¹, в том числе и потому, что в таком случае государство будет располагать единой базой данных, информацию из которой можно будет использовать в следственных действиях в качестве образцов для идентификационных исследований соответственно для фоноскопических, габитоскопических, дактилоскопических и некоторых других исследований, а это позволит увеличить возможность поиска преступников и скорость их поимки. Подобный шаг требует юридической базы, разработка которой дело непростое, поскольку затрагивает права и интересы граждан, требуя в то же время соблюдения вопросов доступа к этой информации, внесения поправок в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (Далее по тексту – УПК РФ), кодекс об административных правонарушениях, изменения и разработки новых федеральных законов, законов и подзаконных нормативных правовых актов, также требуется глобально рассмотреть вопрос о защите этих данных, поскольку уровень угрозы попадания этой информации в руки злоумышленников справедливо считать уровнем угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Другой нюанс связан с использованием информационных технологий в сфере уголовного судопроизводства. На кону судьбы людей, которые могут быть ошибочно в результате ошибки или намеренно по вине следователя, дознавателя, суда и иных должностных лиц обвинены, осуждены за совершение преступлений, в которых не повинны, а потому использование таких технических средств должно быть строго регламентировано. Речь идет о возможности использования средств видеоконференцсвязи при производстве следственных действий, например, допросе. Статья 164 УПК РФ² предусматривает возможность применения при производстве следственных действий технических средств, но не раскрываются какие-либо конкретные особенности их использования. Тогда как, например, в Канаде, Эстонии, Белоруссии разработаны нормативно-правовые основы использования видеоконференцсвязи и допустимости доказательств, полученных с помощью такой технологии. Именно опыт этих стран может позволить законодателю в России окончательно определиться с возможностью их использования, поэтому предполагаем, что в перспективе указанные нюансы, а также иные способы применения новшеств инновационных

¹ Владимир Бахур. В России хотят сделать принудительной сдачу биометрических данных государству // «СNews» 10.03.2021. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-03-10_sbor_biometricheskih_dannyh (дата обращения: 01.02.2022).

² Ч. 6 ст. 164 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/0c8ceef71f9dbab046ca7d0c7b0dd5ecf4ee113d (дата обращения: 01.02.2022).

технологий будут максимально подробно описаны в УПК РФ и иных источниках законодательства.

На сегодняшний день существуют проблемы в российском праве, которые затрудняют деятельность общества и государства. Во-первых, это касается отсылочно-бланкетного характера законодательства РФ, поскольку довольно часто в текстах юридических документов встречается формулировка: <...> регламентированных Конституцией РФ, настоящим Федеральным законом (Указом, Положением, Приказом, Уставом, Инструкцией и так далее), иными федеральными законами; статьями, пунктами и т. д. Однако возникает вопрос: какие это пункты, статьи и нормативно-правовые акты? С одной стороны, это сделано для того, чтобы избежать бесконечного перечисления таких деталей, однако и формулировка максимально нечеткая, особенно это справедливо, если учитывать, что на второй квартал 2021 года по данным с «Официального интернет-портала правовой информации»¹ (pravo.gov.ru) в Российской Федерации действует чуть более 9150 федеральных законов. Во-вторых, огромные проблемы с изучением нормативно-правовой базы вызывает как раз бесчисленное количество нормативных источников. Трудности испытывают даже узконаправленные специалисты, не то чтобы обычные граждане или, например, юристы широкого профиля или сотрудники правоохранительных органов, к примеру, судьи. Разобраться с данным нюансом возможно лишь путем тщательной переработки материалов, однако и это затрудняется из-за огромного объема, а потому конкретных идеи по решению пока не имеется. Еще одной проблемой является ошибка в определении уровня регулирования общественных отношений, что связано с неточным определением объекта как отрасли или подотрасли права, что порождает либо недостаточную глубину, поверхностность проработки, а это порождает размытость формулировок, как это произошло с системами видеоконференцсвязи в УПК РФ, которые относятся к техническим средствам, но требуют отдельного юридического регламентирования, либо чрезмерное и ненужное углубление в объект правового регулирования.

Таким образом, основные направления развития права в России связаны с процессом развития информационных технологий, ухудшения демографического положения, назревающим обострением политической обстановки в мире, а также предполагается решение тех проблем в праве, которые со временем становится все труднее игнорировать.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения 01.02.2022).

Завьялова Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ УНИВЕРСАЛИЗМА И КУЛЬТУРНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Права человека – важнейшая ценность современного общества. Согласно теории прав человека, эти права принадлежат каждому от рождения, в то время как государство обязано их признавать, обеспечивать их реализацию и защиту.

Современная теория прав человека логически выстроена и обоснована, она не только изменила отношения людей друг к другу, но и оказала колоссальное влияние на отношение человека к окружающему миру, природе.

Конечно, ее дальнейшая разработка продолжается. К основному постулату о естественности и неотъемлемости прав в отношении каждого человека добавились идеи о зависимости позитивного права от естественного, о признании и соблюдении прав человека как важнейшего условия развития правового государства и становления гражданского общества, о развитии человеческой личности только в условиях, когда она может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же как и своими гражданскими и политическими правами¹ и др.

Вместе с тем современное развитие юриспруденции выдвигает новые правовые вопросы и сталкивается с правовыми проблемами, на которые теория прав человека либо не дает однозначного ответа, либо к решению которых эта теория вообще не привлекалась. А некоторые ее идеи и выводы в свете приращения новых знаний и вовсе требуют переосмысления. Постараемся привлечь внимание к некоторым аспектам теории естественного права, не согласующимися с положениями концепций универсализма и культурного релятивизма.

¹ См. преамбулы к: Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Концепция универсализма получила известность после Второй мировой войны (Дж. Морсинк, 1999 г.; Дж. Ифе, 2001; Э. Райхерт, 2006 и др.¹) в связи с необходимостью выработки единого подхода к обеспечению прав человека разными странами на своей территории, в том числе в отношении граждан друг друга. Вторая мировая война наглядно продемонстрировала, какие страшные последствия может причинить человечеству искажение основных человеческих ценностей. Установив законы о расовой чистоте, которые привели к истреблению «низших» человеческих существ, Германия показала миру, насколько разрушительной может стать индивидуальная культура без сдерживающего контроля. Еще одним уроком стало осознание того, что усилиями отдельных государств преодолеть распространение идей нацизма невозможно, государствам нужно объединяться и совместно выстраивать механизм защиты общечеловеческих ценностей. Также необходим и контроль мирового сообщества за тем, как изменяются эти ценности в отдельных странах, поскольку гипертрофированные идеи могут неожиданно и быстро подхватываться и распространяться отдельными социальными группами в других государствах, в частности, в молодежной среде. Вот почему важна выработка общих гуманистических идей и принципов, которые должны признаваться всеми государствами и «работать» на их территории. Речь идет именно об основных жизненно важных моральных ценностях, без соблюдения которых ставится под угрозу само существование человечества. Подобный контроль за развитием деструктивных экстремистских идеологических идей в отдельных странах нельзя считать вмешательством в их внутренние дела, поскольку последствия распространения этих идей неизбежно коснутся и другие государства.

Подобный контроль возможен, прежде всего, посредством утверждения на международном уровне стандартов обеспечения прав человека, включающих так называемые общепризнанные гуманистические принципы и нормы, а также признанием положения о безоговорочном следовании со стороны всех государств этим принципам в отношении любого человека. Важнейшим международным актом, утвердившим подобные стандарты, явилась Всеобщая декларация прав человека². В процессе ее разработки и принятия мировое сообщество обсуждало и согласовывало ценности, которые стали основой прав человека.

¹ Morsink, J. The universal declaration of human rights: Origins, drafting, and intent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999; Ife, J. Human rights and social work: Towards rights based practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Reichert Elisabeth. Human Rights: Challenges and Promises // Social Justice In Context . 2006. Volume 2. P. 11–24.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.

Основным подходом, реально обеспечивающим реализацию прав человека на территории различных государств, является универсализм. Суть этого подхода в том, что права человека универсальны, они принадлежат всем, независимо от того, какое положение занимает этот человек в обществе. Каждый человек может по своему усмотрению воспользоваться правами человека, при этом государство обязано создать для этого все необходимые условия.

Однако идеи универсализма подвергаются серьезной критике. Некоторые исследователи в этом подходе даже усматривают утверждение идей колониализма, поясняя это тем, что государства, имеющие разный уровень развития экономики, объективно не могут обеспечить равные условия для обеспечения прав человека на своих территориях. Такое положение обосновывает возможность вмешательства в процесс обеспечения прав человека со стороны других государств, имеющих в чем-либо превосходство, которые на этом основании могут навязывать свои ценности, мораль и даже власть странам и народам, уступающим им экономически или политически. Среди авторов, указывающих на условность универсализма, – Дж. Доннелли, А. Сен, экономисты У. Истерли, Дж. Стиглиц, австралийский историк Роланд Берк (2010, 2014 гг.), Мари-Луиза Фрик из университета Инсбрука (2019 г.), профессор Гарварда Майкл Игнатъефф (с 2001 г.), профессор права Парижского института политических исследований Джозеф Перельман (2010 г.), профессор Дэвид Билчитц (Bilchitz) из университета Йоханеннсбурга (Оксфорд, 2007) и др.¹ Так, М. Игнатъефф акцентирует внимание на «императивности» природы прав человека: «Доктрина прав человека сейчас не только сильна, но и настолько бездумно императивна в своих претензиях на универсальность, что подвергла себя серьезной критике. Имеющиеся проблемы дают повод усомниться в авторитетности ее положений, в частности, в том, оправдана ли ее претензия на универсальность или положения данной теории являются просто еще одним хитрым навязыванием западного морального приоритета»².

Отдельные критические высказывания в адрес универсализма теории прав человека обоснованы. Несмотря на это, государства на своей территории выполняют обязательства по обеспечению названных прав человека, согласованных на международном уровне ценностей, стандартов, правил, регулирующих отношения государств как к своим гражданам, так и к негражданам, даже если это расходится с национальными традициями, менталитетом. Обязанность реализовывать

¹ Кашина Е. Проблема универсальности концепта прав человека в условиях политического и культурного разнообразия современного мира // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 14. № 3. 2020. С. 53.

² Ignatieff, M. The attack on human rights // Foreign Affairs. 2001. November / December. P. 102.

эти правила и стандарты в некотором смысле навязана государствам. Конечно, обязательство обеспечивать общепризнанные международные принципы и нормы в области прав человека взяты государствами на себя добровольно. Тем не менее, общество каждого государства неоднородно (граждане и неграждане, мужчины и женщины, белые и черные, верующие и неверующие, семейные лица и несемейные и т. д.), отдельным социумам могут «не подходить» навязанные стандартные правила и нормы, которые ограничивают возможности отдельных групп населения, не учитывая их интересы, складывающиеся и развивающиеся на протяжении длительного исторического периода. Универсализм же предполагает для всех одинаковые моральные требования, что, однако, вовсе не означает ни то, что у всех нас есть моральное требование быть одинаковыми, ни то, что у нас есть какие-либо моральные требования, препятствующие культурному разнообразию¹.

С этой точки зрения универсальная концепция прав человека сталкивается с несоответствием, которое проявляется в различиях между ценностями, закрепленными международными нормами, и ценностями, выработанными в рамках местной культуры, религии, обычаев и других социальных регуляторов.

Почему любое государство должно принимать правила, разработанные всемирной организацией? Почему государства должны принимать правила, разработанные всемирной организацией, в которую входят члены, часто имеющие мало общего друг с другом? Ответ на эти вопросы восходит к предыстории создания Организации Объединенных Наций и ее Всеобщей декларации прав человека. Геноцид, нищета, безработица, колонизация и другие глобальные проблемы потребовали поиска такого решения, которое, по крайней мере, помогло бы предотвратить эти бедствия или облегчить их последствия. Ни одна нация не могла этого сделать без помощи других стран и народов. Только работая сообща и соглашаясь с универсальным набором принципов, государства могут добиться определенного успеха в создании лучших условий сосуществования.

Другой подход к теории прав человека, предлагающий иной взгляд на реализацию теории прав человека, разработан в свете концепции культурного релятивизма. Среди ярких представителей этого направления следует отметить Л. Витгенштейна, С. Хантингтона, Л.Х. Мингазова и др.².

¹ Tilley J. Cultural relativism // Human Rights Quarterly. 2000. № 22(2). P. 501–549.

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48; Мингазов Л.Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 5. С. 61–72.

Основная идея релятивизма состоит в том, что разные народы, действительно отличаются культурой, мировоззренческими ценностями и прочими достижениями, однако нет и не может быть никакого превосходства народов, поэтому верны любые акценты в области прав человека, сформировавшиеся на основании культурных, этических, религиозных, политических и т. д. убеждений. Для отдельных же людей истинные ценности определяются их культурной идентичностью, поскольку любая истина относительна. Как отметил С. Лоусон, «культурный релятивизм утверждает, что между культурами существует непреодолимое разнообразие, поскольку каждая культура представляет собой уникальное целое с частями, настолько переплетенными, что ни одна из них не может быть понята или оценена без ссылки на другие части и культурное целое, так называемое модель культуры»¹. Именно поэтому ни один народ не может определять или указывать для другого народа культурные ценности и нравственные идеалы. В противном случае может сложиться ситуация «навязывания» своих убеждений и ценностей со стороны более сильных народов и государств слабым, и, как следствие, это способствует формированию однополярного мира, в котором имеющееся неравенство народов только усиливается, поскольку «сильный» народ изначально берет на себя роль лидера и стремится к господству, что само по себе противоречит самой идее равноправия. Итогом этого, как утверждает Л.Х. Мингазов, может стать обратная реакция: «... попытки западной цивилизации форсировать эволюционный процесс взаимопроникновения ценностей, может привести к обратному процессу, или, по словам Л.Х. Мингазова, к полному отторжению»².

Итак, необходимость обеспечения прав человека на международном уровне не вызывает сомнений, однако международное сообщество не только не выработало единого взгляда на применяемые при этом способы, методы, но даже не пришло к единому мнению о том, какие именно ценности следует защищать и обеспечивать. Это связано с тем, что культура каждого народа неповторима и уникальна, каждая нация, каждое общество имеют свою собственную историю и менталитет, и, соответственно, присущую только им точку зрения на содержание прав человека. Эта проблема достаточно четко обозначена в работах представителей идей универсализма и культурного релятивизма, но ни те, ни другие не предлагают ее решения. Представляется, что и та, и другая позиции не совсем противоположны, в положениях обоих направлений

¹ Lawson S. Democracy and the problem of cultural relativism: Normative issues for international politics // *Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations*. 1998. № 12(2). P. 263.

² Мингазов Л.Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 150, кн.5, Гуманитарные науки. Казань, 2008.

научной мысли имеются общие «точки соприкосновения», однако наука должна выработать четкие критерии, которые бы позволили выделить общие идеи, как минимум, относящиеся к пониманию того, что следует считать правами человека. Без такого единого понимания на международном уровне имеется риск «навязывания» своих ценностей одних государств другим и, как следствие, формирование однополярного мира одновременно с неприятием этих ценностей со стороны народов, чья культура отлична от навязываемой. Еще одним негативным следствием отсутствия единства по вопросам прав человека является политика «двойных стандартов», вызванная коллаборацией разных подходов.

Затолокин Александр Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Основным источником права регламентирующим правовой статус участников производства по делам об административных правонарушениях является КоАП РФ. Данный нормативно-правовой акт в большей степени урегулировал различные аспекты привлечения в качестве тех или иных участников различных субъектов административно-правовых отношений. Однако исследование правоприменительной практики органов внутренних дел и судебной практики позволяет выявить определенные пробелы, связанные с невозможностью прописать в Законе все тонкости его применения¹. Наиболее острой является проблема отсутствия подзаконных актов, детализирующих различные аспекты привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве защитника (представителя), понятого, специалиста, переводчика.

В настоящей статье предпримем попытку теоретического анализа реализации существующего механизма привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве, а также предложим аргументированные решения оптимизации подобного механизма. И так, юридической помощью защитника, согласно КоАП РФ, может воспользоваться лицо, в отношении которого ведется производство

¹ Палий В.М., Затолокин А.А. Нормативное правовое регулирование предоставления государственных услуг в сфере миграции//Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 220.

по делу об административном правонарушении. На органы (или должностные лица), осуществляющие производство по делу об административном правонарушении не возлагается обязанность предоставлять защитника (как например в раках производства по уголовным делам). Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, самостоятельно, либо через законных представителей, предпринимает меры для приглашения защитника к участию в деле. Механизм привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве защитника можно представить в виде алгоритма следующих действий:

1. Заявить ходатайство о привлечении в производство по делу об административном правонарушении в качестве участника – защитника (на любой стадии производства по делу об административном правонарушении).

2. Оформить доверенность (формальное основание участия защитника).

3. Осуществить причитающиеся выплаты (факультативное действие).

Далее рассмотрим механизм привлечения к производству по делу об административном правонарушении представителей институтов гражданского общества в качестве понятых. При реализации совместных мероприятий, проводимых во взаимодействии сотрудников подразделений по вопросам миграции и общественности может возникнуть ситуация, при которой будут обнаружены признаки административного правонарушения, процессуальное оформление которого потребует участия понятых. В этом случае возникнет необходимость привлечения в качестве понятых членов общественного совета при территориальном органе МВД России. Механизм привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве понятых можно представить в виде алгоритма следующих действий:

1. Осуществить совместное мероприятие с представителями институтов гражданского общества.

2. В случае выявления признаков административного правонарушения, предусматривающего применение определенных мер обеспечения производства, предложить общественникам принять участие в соответствующем производстве в качестве понятых.

3. При оформлении процессуальных документов сделать запись в протоколе об участии в деле понятых.

4. По завершению оформления процессуальных документов поинтересоваться у участников производства, в том числе у понятых, о наличии замечаний по поводу совершаемых процессуальных действий. После удостоверения процессуальные документы подписями понятых.

5. В некоторых случаях, в том числе и в примере, приведенном выше, опросить понятых в качестве свидетелей.

В качестве свидетелей, также могут быть привлечены представители институтов гражданского общества. Следует отметить, что членами общественных советов при территориальных органах МВД Российской Федерации являются специалисты из различных отраслей общественной жизни, при чем категории должностей данных специалистов (ректоры, генеральные директора, главные редакторы, представители духовенства, главы общественных организаций и фондов) не оставляют сомнения в их компетентности и осведомленности по целому ряду вопросов. Не останавливаясь на правовых аспектах привлечения в качестве специалиста члена общественного совета при территориальном органе МВД России, раскроем организационные тонкости, представляя их в виде алгоритма последовательных действий:

Во-первых, изначально необходимо выяснить в какой отрасли знаний необходим специалист.

Во-вторых, определившись с областью знаний, в которой необходимо компетентное мнение специалиста, следует получить предварительное согласие от конкретного представителя института гражданского общества.

В-третьих, непосредственный вызов специалиста. Заметим, что КоАП РФ раскрывает способ вызова специалиста, однако не регламентирует метод вызова.

В-четвертых, непосредственное участие представителя общественности в производстве по делу об административном правонарушении в качестве специалиста. Говоря о непосредственном участии представителя общественности в производстве следует обозначить границы подобного участия. В правоприменительной практике субъекты правоприменения зачастую сталкиваются с проблемной ситуацией, когда привлекают специалиста в производство по делу об административном правонарушении, то ожидают от него экспертного заключения. Подобный подход является ошибочным и говорит о смешивании представлений о компетенции специалиста и эксперта по КоАП.

Далее рассмотрим механизм привлечения к производству по делу об административном правонарушении представителей институтов гражданского общества в качестве переводчика. При осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации ключевая роль отводится такому участнику как – переводчик. Механизм привлечения переводчика к участию в деле об административном правонарушении во многом схож с выше рассмотренными процедурами, осуществляемыми в отношении иных участников (защитник, специалист, понятый). Кроме того,

если сравнивать административно-процессуальные статусы переводчика и специалиста, то можно прийти к выводу о их большой схожести. Не может не обратить на себя внимание, что даже такой важный элемент административно-правового статуса как ответственность, является идентичной для целого ряда участников производства, в том числе для свидетеля, специалиста, эксперта, переводчика.

В целях исключения дублирования приведенных выше механизмов привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делу об административном правонарушении в качестве иных участников, ниже остановимся лишь на особенностях реализации подобного механизма. Опуская пункты выбора среди членов общественного совета лица, владеющего языками или навыками сурдоперевода, необходимыми для перевода или сурдоперевода при производстве по делу об административном правонарушении, а также получения предварительного согласия на таковое от этих лиц, перейдем непосредственно к процессуальным особенностям.

1. Необходимо четко понимать, что участие в деле об административном правонарушении субъектом которого будет иностранный гражданин (либо любой человек не владеющий русским языком и заявляющий ходатайство о привлечении переводчика) переводчика является реализацией конституционного права на апелляцию. Соответственно, не удовлетворение подобного ходатайства, а равно не привлечение к участию в производстве по делу об административном правонарушении переводчика лишает возможности лица, в отношении которого ведется производство, ознакомиться с материалами дела, тем самым грубо нарушает его права на защиту.

2. Перевод необходимо осуществлять не только общения сотрудников подразделений по вопросам миграции с иностранным гражданином, но и всех процессуальных документов, составляемых в отношении иностранца. Копии самих процессуальных документов, а также переведенный текст вручается под роспись лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

3. Участие переводчика оформляется путем занесения данных о нем в протокол по делу об административном правонарушении, а также иные процессуальные документы. Переводчик расписывается в каждом подготовленном им документе, при этом еще и знакомится под роспись об ответственности за заведомо ложный перевод.

4. Участие в деле об административном правонарушении члена общественного совета при территориальном органе МВД России в качестве переводчика окажет положительное влияние на человека, в отношении которого ведется соответствующее производство, а также станет гарантией транспарентности и законности всех применяемых мер государственного воздействия.

5. В дальнейшем, в случае необходимости опроса переводчика, которым был член общественного совета при территориальном органе МВД России, его не придется долго искать и вызывать повестками, поскольку в общественный совет входят люди, всегда открытые для диалога с органами внутренних дел.

Таким образом, вышесказанное дает основание сделать следующие выводы:

– привлечение представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях возможно, как лицом, в отношении которого ведется соответствующее производство, так и сотрудниками органов внутренних дел, и судьями. Причем инициативно привлекать к производству по делу об административном правонарушении человек может защитника или представителя. Во всех остальных случаях привлечением участников (специалист, понятой, переводчик) должно заниматься лицо, осуществляющее производство либо суд. Однако, никто не может лишить права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на заявление ходатайства о привлечении того или иного участника;

– механизм привлечения членов общественного совета в качестве участников производства по делу об административном правонарушении возможен лишь после анализа данных о наличии у них соответствующей квалификации, знаний и опыта. Кроме того, решающим моментом в принятии решения об их участии в производстве, является наличие желания на участие в подобных мероприятиях;

– участие представителей институтов гражданского общества в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере миграционного законодательства можно рассматривать как реализацию сразу нескольких форм общественного контроля, таких как: форма взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления и иные формы, не противоречащие ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

В завершении статьи необходимо сделать вывод, о том, что участие членов общественных советов при территориальных органах МВД России в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере нарушения миграционного законодательства позволит обеспечить высокую степень законности, объективности и прозрачности данной деятельности, что несомненно будет способствовать повышению репутационного имиджа органов государственной власти. Кроме того, участие общественников в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве защитников, понятых, специалистов или

переводчиков будет являться действенной реализацией заявленных в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы ее основных направлений¹.

Злыденко Дмитрий Сергеевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОБРЯД КАК СПОСОБ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Историческое развитие человеческого общества наглядно показало, что на первоначальном этапе его эволюции доминировал идеалистический подход к пониманию явлений окружающего мира. Это происходило вследствие незнания человека основных физических законов, что и порождало веру во сверхъестественное, как наиболее рациональное объяснение происходящих природных явлений. Попытки классифицировать природные явления в зависимости от природной среды породили в сознании людей образы сходные по облику с человеческими, но наделенными по сравнению с человеком более расширенными возможностями. Например, «существа покровители»: воды, земли, неба, моря, подземного мира.

В дальнейшем появляется вера в существ, которые способны контролировать человеческие чувства: любовь, ненависть, добро, зло, войны, спасение и другие проявления эмоций и надежд человека.

С появлением регуляции в виде верховной власти в лице соответствующих правителей они стали отождествляться с высшими существами на земле, назначением которых является управление людьми. При этом для идеологического воздействия на сознание подвластных правители представляют собой высшие силы на земле в силу передачи таких полномочий верховными существами, постигнуть природу которых человеку нельзя в силу его недоразвитости с позиций миропонимания.

Таким образом, появляется вера в высших существ и избранности их представителей для управления людьми. В качестве классического

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // ИПО «Гарант». URL: <https://study.garant.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

примера можно привести «теорию двух мечей»¹ либо более ранние – Египет, где фараон являлся воплощением бога Гора с головой сокола.

Появление религии как элемента управления обществом представляло собой закономерное явление, где с одной стороны оно было способно объяснить физические явления, как проявления высших сил, и одновременно объясняло происхождение высшей верховной власти в обществе. Религия, как способ воздействия на общественные отношения, прочно укреплялась в обществе во всех сферах его жизни, начиная с морально-нравственных начал и заканчивая судопроизводством и отправлением правосудия.

Если по началу сформированная догосударственным обществом «мононорма»² справлялась с поставленной задачей, то на более поздних этапах ее трансформация достигает наивысших величин, сила которых впоследствии «присваивается» в период абсолютизма в форме отрицания ответственности перед религией за совершение действий и поступков царско-императорской власти путем оформления специальных юридических документов, опосредующих на легальной основе эти процессы. Следовательно, религия, как способ управления обществом, позволяет власть имущим использовать ее в своих личных целях.

Религиозные взгляды весьма разнообразны по своим проявлениям, могут быть направлены как на широкие массы людей, так и на более узкие круги общества по различным основаниям: расовым, национальным, имущественным, в зависимости от социального положения и т. д. Наше современное общество также испытывает на себе влияние различных религиозных подходов. Это возможно в силу привычки, передающейся из поколения в поколение, либо религиозные нормы признаются на государственном уровне и становятся источниками права, либо

¹ В период становления и развития феодализма на рубеже XI–IXIII вв. в Западной Европе наиболее прочные позиции завоевала теория «двух мечей». Из имеющихся двух мечей церковь оставила себе один и вложила его в ножны, так как сама религия не должна использовать меч. Второй она вручила государям для «вершения» земных дел. Таким образом, государь наделялся церковью правом повелевать людьми, одновременно являясь слугой церкви. При этом утверждается приоритет духовной организации (церкви) над светской (государством).

² Сн. авт. Мононорма – норма, соединяющая в себе правило поведения общесоциального, религиозного и правового характера. Существовала ранее по крайней мере в некоторых догосударственных обществах. Например, естественное разделение функций в трудовом процессе между мужем и женой, взрослым ребенком рассматривалось одновременно как производственный обычай, как норма морали и как веление религии. В мононормах права и обязанности человека сливаются как бы воедино. В качестве письменных примеров мононорм рассматриваются свод законов Хаммурапи, Манусмрити, законодательство Моисея. Термин «мононорма» был введен известным советским этнографом А. И. Першицом в 1970-х гг. На Западе теория Першица о мононормах не получила широкой поддержки поскольку была основана на марксистской философии и устаревших взглядах на первобытное общество.

используются незаконными вооруженными формированиями в качестве обоснования агрессивного насилия и разделения общества на «своих» и «чужих».

Указанное позволяет в полной мере утверждать, что воздействие религии, как идеологии, на поведение человека остается еще сильным психическим инструментом. Соответственно государство вынужденно считаться с религией как общественным явлением, влияющим на поведение населения, признавая это на законодательном уровне. Конечно можно возразить указав, что существуют целые государства в основе общественного строя которых заложены религиозные тексты, что не мешает им активно развиваться. Да, это действительно так, но их основа ясна и это государства семьи религиозного либо традиционного права.

Но нас больше интересует романо-германская правовая система, которая отрицает влияние религии на правовую доктрину и концепцию применения права. Государства романо-германской правовой семьи в подавляющем большинстве относятся к государствам с демократической формой правления, которая не допускает влияние религии на государственное устройство, но при этом законодательно признает возможности граждан на свободу вероисповедания. Это в некоторой степени позволяет утверждать, что религия все же имеет влияние на развитие демократического общества в силу признания ее на законодательном уровне.

Применительно даже к нашей стране, когда после революции 1917 года православие и другие религии отрицались властью большевиков и церкви закрывались и реквизировалось церковное имущество избавиться полностью от «опиума для народа» не удалось. Более того с религиозными предпочтениями пришлось считаться и период образования СССР, где наряду в национальным принципом формирования Союза ССР сразу же на втором плане неразрывно появлялась религия того или народа.

Современное Российское общество также продолжает испытывать влияние религиозных воззрений и вынуждено легально закреплять возможности выбора веры. В законодательстве имеется довольно существенный массив правовых норм, который опосредует нахождение религии в общественной среде. Например: Статья 28 Конституции РФ¹, 125 ФЗ от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее Федеральный закон) и другие. Таким образом отрицание религии и ее влияния на общество в настоящее время невозможно в силу легальности этого явления на государственном уровне.

¹ Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Как показывает практика религиозные культы достаточно часто становятся способом совершения противоправных действий и по справедливому утверждению Демидова А.В.¹ процессы, связанные с изменением и отказа от социалистической идеологии, позволили активно развиваться замещению ранее существовавшим идеалам и ценностям в жизни советских людей. Образовавшийся пробел, и пустота были заполнены вновь народившимися «нетрадиционными культами и сектами». Их нетрадиционность, по мнению автора, заключалась в деятельности «религиозных организаций деструктивного типа в криминальной среде» в целеполагании которых находятся объекты охраны национальной безопасности нашей страны. В качестве характеристики подобной деятельности автором предлагается определение «религиозная организация деструктивного характера», которое отсутствует в законе, что порождает правовую неясность при расследовании противоправной деятельности таких организаций, в том числе, когда их действия посягают на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Характеристика возможных сфер преступной деятельности сект и культов можно определить в таких направлениях как: экстремизм; национальное, расовое и религиозное превосходство; корысть; насилие по признаку превосходства. Автор указывает, что для реализации поставленных целей представители пытаются активно проникать в органы государственной власти для покровительства незаконной деятельности.

Необходимо отметить, что вышеуказанные объекты посягательства в качестве преступных целей имеют стойкую тенденцию к их расширению. В качестве подобного примера хотелось бы указать на объекты авторских прав как самую уязвимую сферу общественных отношений в части преступных посягательств.

Говорить о средствах охраны авторских прав мы не будем в силу того, что они хорошо известны, даже в силу наличия в нашей судебной системе такого специализированного судебного органа как «Суд по интеллектуальным правам». Мы остановимся на деятельности такой религиозной организации так называемые - «кописты». Оно имеет много значений, в том числе и подражание кому-либо в чем-либо, также «копиисты» имелись и в судебном департаменте царской России (писари судебных дел и т. д.) Однако в самом первоначальном варианте «копистами» называли художников, которые копировали путем рисования (перерисовывания) известные произведения изобразительного искусства².

¹ Демидов А.В. Религиозные организации деструктивного характера и специфика предупреждения органами внутренних дел их криминальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

² URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/177224/%D0%9A%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%82> Современный толковый словарь русского языка Ефремовой (дата обращения: 02.02.2022).

Конечно данное направление также не было лишено доли криминальности, но с развитием телекоммуникационных технических возможностей и средств оно наполнилось новым смыслом и одновременно новой противоправностью.

Все началось в 2010 году: на территории Швеции была зарегистрирована «Церковь копизма», основной идеей данного религиозного сообщества является ничем не ограниченный «файлообмен» в среде интернет и между адептами. По прошествии двух лет в 2012 году власти Швеции признали ее религией и придали соответствующий статус. Примечательно, что «пиратство» как форма хищения интеллектуальной собственности также преследуется в этом государстве по закону.

Распространение подобных идей нашло свое отражение и в России в форме основания и регистрации в Министерстве юстиции религиозной группы «Русская пиратская церковь (РПЦ) или как ее называют ее адепты «Пиратская Церковь. Сингулярная Сеть Пиратеизма»¹. Как следует из основного замысла основных заповедей РПЦ будет использовать закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в целях борьбы с законами, ограничивающими свободу передачи информации и их правообладателями. Удивляет, что провозглашенные РПЦ цели носят явно противоправный характер, но она имеет официальный статус.

Анализ положений закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» позволил установить в положениях статьи 6 ФЗ следующее: «Запрещаются создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону». Кроме того, статья 16 Федерального закона говорит о «религиозном обряде», однако конструкция статьи сводится лишь к указанию мест проведения обрядов и режиме их проведения не раскрывая понятие самого обряда и без указания, самого важного обстоятельства это его законности. Очевидно, что

¹ URL: <https://vk.com/pirate.church> Пиратеизм - это вера в священность эволюции информации, причем ценность информации тем выше, чем более она ведет к усложнению и увеличению разнообразия. Основные аксиомы: 1) Все есть информация. 2) Копирование информации священо. 3) Эволюция информации священна. 4) Сети обмена информацией – наши храмы. Процессы обмена информацией – ритуалы. Более священным видом копирования информации является ее изменение, заключающееся в копимиксировании - создании новой информации из блоков старой, так как оно увеличивает существующее разнообразие (количественная эволюция информации). Наиболее священным видом эволюции информации является экстролирование – увеличение разнообразия информации при ее усложнении (увеличении энтропии), так как оно улучшает существующее изобилие информации (качественная эволюция информации). Например, способствование распространению непротиворечивых и последовательных научных знаний более священно, чем, к примеру, мистики. Русская Пиратская Церковь (РiC) в частности намерена использовать закон о защите чувств верующих для борьбы с новым антипиратским законом и правообладателями, которые ограничивают свободу информации. Да пребудут с вами биты-байты! (дата обращения: 02.02.2022).

законодатель не смог указать критерий законности обряда, так как не дал его определения, из которого можно бы было определить содержание и сущность производимых действий, а обряд – это несомненно религиозное действие, либо их совокупность.

Как указывает Современный толковый словарь русского языка Ефремовой: «В современных мировых религиях обряды религии образуют сложную систему ритуальных действий, в центре которой находится богослужение, т. е. коллективный обряд, совершаемый верующими в церкви или ином специальном месте»¹. Отсутствие указания на характерные свойства самих обрядов и ссылки на их законность позволяют участникам религиозных отношений использовать такие пробелы для противоправной деятельности. В том числе и вышеупомянутых «копистов РПЦ», где копирование информации и ее передача третьим лицам и есть сам обряд служения и его главная цель распространение информации в электронном виде посредством сети Интернет.

В качестве выводов можно констатировать, что религия как часть общественного сознания продолжает существовать, не смотря на материалистическую диалектику и легально признается в Российской Федерации, как в содержании Конституции, так и специального Федерального закона. Проблемы использования религиозных воззрений в противоправных целях имеют свою научную разработку, которой выработано определение «религиозная организация деструктивного характера», однако легальное определение подобного явления в законе отсутствует. В качестве первоначального шага для выправления ситуации в части совершения (отправления) религиозных обрядов, нарушающих закон в статью 16 Федерального закона – 125 от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях» внести короткое, но емкое уточнение в форме отдельной части «б» указав следующее: «Отправление религиозных обрядов и церемоний не должно нарушать положения законодательства Российской Федерации, а также общепринятые правила нравственности и поведения человека в обществе.». Указанное дополнение в конструкцию статьи позволило бы исключить возможность нарушения законодательства об авторских правах. Также требуется внести в содержание статьи 16 точное определение «религиозный обряд и церемония», так как законодатель их включил в название статьи, и применение различных способов толкования не позволяет сделать однозначный вывод о том, тождественны они как понятия либо нет.

¹ Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: https://ateism.academic.ru/23353/%D0%9E%D0%91%D0%A0%D0%AF%0%94%D0%AB_%D0%A0%D0%95%D0%9B%D0%98%D0%93%D0%98%D0%9E%D0%97%D0%9D%D0%AB%D0%95 (дата обращения: 02.02.2022).

Зырянов Михаил Юрьевич,
кандидат философских наук,
ведущий член Союза российских писателей

РЕЛИГИЯ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В плане понимания сущности гражданского общества будем исходить из простого подхода, гражданское общество – это часть общества, не совпадающая, зачастую противоположная государству¹. Являясь верующим, христианином, значительно удобнее в качестве конкретного примера использовать только христианство. Христианство (православие) является преобладающей религией на территории России. Отметим, что перенесение доводов этой статьи на другую религию вряд ли возможно, потому что между религиями при внимательном рассмотрении наблюдается коренное несовпадение в отношении их сущности. Но поскольку в России христианство (православие) является преобладающей по степени распространения религией, то в общественном сознании христианские аспекты ассоциируются с религией как таковой.

Представляется, что отношение к религии как средству укрепления именно гражданского общества выглядит очень необычно. На протяжении веков православие выступало опорой государства, таким же образом православие ассоциируется в обыденном сознании и сейчас. Историческим доказательством тому будет марксистско-ленинское учение, представляющее религию важнейшим орудием правящего класса, стоящую на стороне власть-имущих².

Вообще общественное сознание приходит к пониманию важности развития и укрепления гражданского общества. Это понимает и элита, возглавляющая государственные институты. Но укрепление гражданского общества – вопрос не столь простой. Как его можно укрепить? Кто его будет укреплять? Понимание этих аспектов оказывает сильнейшее влияние и на понимание всего категориального аппарата теории государства и

¹ См.: Гудков Л.Д. Постсоветский человек и гражданское общество / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.; Гаджиев К.С. Введение в политическую науку / К.С. Гаджиев. М.: Логос, 1999. 544 с.; Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Аврамова и др.; Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003. 506 с.; Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.; Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 2 / под ред. В.Л. Иноземцева. Москва, Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 272 с.

² См.: Маркс К. Манифест Коммунистической партии: сочинения. Т. 4. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.

права¹. Вообще как-то странно, если укреплением гражданского общества будет заниматься исключительно государство. Получается, что государство будет развивать институты, которые затем будут само же государство и контролировать. На практике же получится, что формируемые институты будут фактическим продолжением государственных институтов, только называющихся по-иному. Хотя, надо признать, что и такие намерения и действия государства тоже очень важны, они создают предпосылки для решения этого вопроса в будущем².

Беремся утверждать, что подлинной основой гражданского общества как частной, а не публичной сферы жизни общества, является именно религия (христианство). Такой подход не характерен, хотя и является правильным. Религия как основа гражданского общества будет являться через это и основой государства, только не в прямом, а в косвенном отношении. Обозначенные проблемы, конечно, предельно важны для правильного функционирования государства и жизни гражданского общества, от правильного подхода к этим проблемам зависят судьбы народов. Так, предположим, что если бы в предреволюционное столетие православие было более жизненным, не таким ороговелым, то общественное сознание того времени не было бы убеждено марксистско-ленинским учением, если бы марксистско-ленинское учение не могло влиять на умы людей, то оно не получило бы никакой поддержки, а так оно фактически выступило в роли альтернативы религии. Из-за обозначенных проблем даже зашаталось государство. Сейчас же в постсоветское время мы фактически вернулись к дореволюционному восприятию религии, со всеми его перекосами.

Мы сейчас будем рассуждать об очень простых вещах, как можно проще. Да, уважаемые участники данного круглого стола, очевидно, не имеют богословского образования и сана, этих атрибутов нет и у нас. Но эти вопросы необходимо пытаться осмыслить, потому что те, кто имеют богословское образование и сан, сами ими не интересуются. Преимущество последних становится их серьезным недостатком. Те, кто имеют преимущества, тянутся в сферу, где их преимущества важнее всего, а не туда, где их преимущества утрачивают значение.

Считаем, что между государством и православной церковью наблюдается очень тесное взаимопонимание из-за их предельной схожести

¹ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 640 с.; Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 2001. 776 с.

² См.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Яковсона. М.: Вершина, 2008. 296 с.; Мерсиянова И.В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / И.В. Мерсиянова, Л.И. Яковсон; предисл. Я.И. Кузьминова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.

по структуре. Так, из учебников по теории государства и права мы знаем, сущностной чертой любого государства является территориально-чиновническая организация¹. Государство имеет территорию и территориальную структуру, оно имеет чиновнический аппарат, согласно этой структуре. Это абсолютно нормальная вещь для государства. Не трудно доказать, что православная церковь тоже имеет территориально-чиновническую структуру в виде, например, епархий, епископов, распоряжающихся всеми вопросами в подведомственных им епархиях и т. д. Но в идеале, согласно Евангелию, сущность государства и церкви принципиально отличается². Так, церковь вообще не от мира сего.

В связи с удвоением территориально-чиновнических структур появился принцип светскости государства³, потому что государство все-таки не будет терпеть конкуренции со стороны религиозного чиновничества. Подобные процессы по юридизации церкви всегда шли и на западе, в католической церкви. Автор имеет мнение, что на западе процессы юридизации церкви даже выражены гораздо сильнее, чем в нашем Отечестве. В основном из-за этого на протяжении истории отечественная православная церковь решительно отторгала католическое засилье и ее желание распространиться на нашу территорию. Думается, что территориально-чиновническая церковь все-таки лучше, чем совсем отсутствие церкви, она выполняет ряд полезных функций для общества. Настоящих святых мало, на их появление требуется много времени, и они бы не смогли удовлетворить потребности в религии всего общества. Принцип светскости государства и образования утрачивает свой смысл, когда речь идет о подлинном христианстве. Ведь отношения государства с настоящей церковью выглядят примерно как отношения государства с развитым гражданским обществом. Выглядело бы абсурдно, если бы, например, образование под предлогом светскости вытесняло любую свободу и самостоятельность предельно огосударствляя жизнь даже маленьких детей.

Представляется, что в плане обозначенной в статье проблематики в современном обществе вообще существуют проблемы колоссальных масштабов. Попытаемся их охарактеризовать. Для этого нам придется ввести в поле анализа понятие «система». Представляется, что в научном плане понятие «система» мало фигурирует и проявляется на уровне

¹ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 640 с.; Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 2001. 776 с.

² См.: Святое Евангелие. По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Сибирская Благовонница. М., 2015.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Система Гарант.

массовой культуры, например, в фильмах, которые порой посвящены неким борцам с системой. Вообще беремся утверждать, что представление о системе интуитивно очень понятно. Мы используем систему как собирательный образ, производный от ее многочисленных проявлений, например, это государственная система, правовая система и система права, судебная система, налоговая система, система образования, система здравоохранения, система социального обеспечения и т. д. Как правило, разновидности системы мы наблюдаем в публичной сфере. Из такого множества проявлений системы легко получается собирательный образ. Этот образ системы нам сейчас необходим, чтобы охарактеризовать механизм жизни современного человека и показать место религии в нем. Упомянутые проблемы колоссальных масштабов проявляются в безграничном распространении системы, тогда как система все-таки публичное явление, что происходит по всему миру, наша страна в этом негативном явлении даже далеко не в лидерах¹.

Беремся утверждать, что для христианства системный образ жизни абсолютно чужд. Если, конечно, мы не рассматриваем церковь как территориально-чиновническую организацию, аналогичную по своим основным чертам государству. Современный человек встраивается в систему в основном со школы, хотя косвенно это начинается гораздо раньше. На примере некоторой конкретики, касающейся механизма жизни человека, мы сейчас показываем сущность гражданского общества и его отличие от государства. Решающим значением обладает вопрос накопительства². Все мы в процессе жизни что-то накапливаем для полноценной жизни и поддержки в трудной ситуации или старости. Дети, учась в школе, совершенно осознанно и мотивированно накапливают знания ради будущей профессии. Но этим они уже ориентированы на публичную сферу, совершенно не замечая, что они что-то теряют. За получение хороших оценок их хвалят, за плохую учебу - ругают. Современный человек осознает последнее в сугубо негативном плане, то есть когда ругают (за уклонения выполнять требования по интеграции в систему). Тогда как в действительности это не так. Если брать не усеченный пример школьников-лоботрясов, которые, как кажется, способны только на какие-то правонарушения, а всю картину

¹ См.: Павлов Д.Н., Зырянов М.Ю. Соотношение психиатрического и христианского подходов к психике (с использованием примера развития личности школьника) / Д.Н. Павлов, М.Ю. Зырянов // Актуальные проблемы развития человека в современном обществе: сб. научн. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. (26-27 ноября 2021 г.) / под ред. Н.В. Басалаевой, Ж.А. Левшуновой, Т.В. Шелкуновой [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. С. 17–23.

² См.: «Не только же золота, серебра и имущества подобает нам избегать, но и всех вещей сверх жизненной потребности» (полемика нестяжателей и иосифлян) / Очерки истории русской политической мысли: учеб. пособие для студентов / Д.Э. Летняков, С.Л. Чижков. М.: Летний сад, 2012 С. 13–19.

самостоятельной жизни вне полагательства на государственные институты, то мы обнаружим большие возможности самоорганизации, при этом эта самоорганизация будет полностью основываться на свободе. Верующий занимается накоплением Святого Духа, в этом смысл его жизни¹. В церкви как территориально-чиновнической организации многое происходит не так, ведь даже если назвать институт церковью, суть жизни в этом институте не переменится. Поэтому священство получает зарплату, ходит в отпуск, рассчитывает на пенсию и т. д.

Пока же мы видим безальтернативное укрепление публично-государственной жизни. Но здесь много тонкостей и не все так просто. Альтернативный образ жизни, не направленный на публично-государственную сферу, вероятно, будет больше цениться теми, кто настрадался, живя в системе. Трудно предлагать какие-то общие решения. Люди разные по своему душевному складу, кому-то будет очень интересной системно-публичная направленность жизни, для кого-то эта системно-публичная направленность с самого начала может представляться тюрьмой. Такие особенности и отличия можно объяснить с христианской точки зрения, однако в рамках данной статьи мы можем касаться этого лишь в очень ограниченной степени. Ясно одно: в обществе должен быть достаточно представлен альтернативный образ жизни, являющийся подлинной основой гражданского общества и частной сферы.

Настоящая осознанная свобода, основанный на ней образ жизни, будет действительной опорой государства. Такая религия – как самостоятельная разновидность власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной, только сильнее каждой из них. Так, автору представляется, что этимология слова «власть» происходит от слова «волос», «влас», то есть нечто в мировоззренческом смысле очень ненадежное, тонкое. Такой осознанной сильной «власти» для доказательства своей силы вовсе не обязательно побеждать государство, она ведь не от мира сего. Проблемами, поднятыми в данной статье, важно продолжать заниматься с целью выработки оптимального баланса государственной и частной сферы.

Обострение международной обстановки, негативное давление запада на наше Отечество делает необходимой выработку новых подходов к государственно-частной жизни. Ценности западного мира не являются венцом истории, совсем наоборот. Для сопротивления различным опасным учениям, вбрасываемым с запада, нам важно иметь собственное твердое представление о свободе. Именно церковь призвана выступать таким барьером. Автор может утверждать, что «теория» православной церкви является безупречной, но практика часто страдает.

¹ См.: Преподобный Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого / Сост. и примеч. А. Н. Стрижева / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 480 с.

Автор этой статьи является верующим по роду деятельности, занятости. Такая формулировка имеет глубокое обоснование. Ведь не похоже, что мы прячемся от системы, занимаемся отшельничеством. Само предоставление этой статьи свидетельствует об активной гражданской позиции, способности жить рядом с системой, но не полагаться на нее. Дело в том, что членство в Союзе писателей не предполагает тщательную регламентацию профессиональных обязанностей, что не нарушает духовной жизни.

Проблематика данной статьи, кроме того, дает правильные подходы для вывода профилактической деятельности на новый уровень, профилактики правонарушений, общественно-вредного поведения, болезней. Только в условиях отчаяния и полного непонимания обществом его проблем, кто-то может решиться на правонарушения.

Ибрагимов Олег Александрович,
адъюнкт Академии управления МВД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Завершение 2021 года ознаменовалось принятием нового федерального закона (далее – Закон об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ)¹, устанавливающего правовые основы организации органов государственной власти субъектов РФ. Многие новеллы этого нормативного акта связаны с конституционализацией принципа единства системы публичной власти, внесшего коррективы и в организацию региональных органов исполнительной власти. В частности, изменения коснулись правового статуса высшего должностного лица субъекта РФ (далее – ВДЛ), являющегося неотъемлемой частью региональной системы органов исполнительной власти.

До публично-правового реформирования организации системы органов государственной власти субъектов РФ прямого указания на то, что ВДЛ является органом власти, в нормативных правовых актах не содержалось. Однако из положений статей 18 и 22 Закона об общих принципах организации законодательных (представительных) и

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.12.2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

исполнительных органов государственной власти субъектов РФ¹ следует, что ВДЛ обладает собственной компетенцией, поэтому отнесение его к органам власти не противоречит ни юридической логике, ни реализации механизмов «реальной власти»² в отношении этой должности. Нормативному правовому регулированию конституционно-правового статуса ВДЛ как органа публичной власти посвящена отдельная глава в Законе об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ, что, с одной стороны, обособляет его положение от исполнительной власти. С другой стороны, высшее должностное лицо входит в состав региональной системы органов исполнительной власти и, следовательно, является самостоятельным органом исполнительной власти. Такой позиции придерживается и Конституционный суд РФ³. Подчеркнем, что теперь официально закреплено «дуалистическое» положение высшего должностного лица в системе органов государственной власти субъекта РФ. Из этого следует, что высшее должностное лицо субъекта РФ, по сути, обладает несколькими конституционно-правовыми статусами, что свидетельствует о различиях в компетенционных полномочиях. Общая компетенция ВДЛ как органа публичной власти предполагает наличие полномочий по выстраиванию имеющих общегосударственное значение отношений субординации с Президентом РФ и Правительством РФ, организации взаимодействия с органами государственной власти на федеральном и региональном уровнях, координации деятельности органов государственной власти субъекта РФ и т. д. К специальной компетенции ВДЛ как органа исполнительной власти относится определение системы и структуры органов исполнительной власти, формирование и руководство деятельностью высшего исполнительного органа, участие в исполнительном нормотворчестве, непосредственное осуществление отдельных исполнительно-распорядительных полномочий и т. д. Однако, такая дифференциация компетенции весьма условна по причине отсутствия четкого законодательного разграничения полномочий, относящихся к каждому из конституционно-правовых статусов ВДЛ.

¹ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.

² Раззоков Б.Х. Проблемы теории и практики организации исполнительной власти республики Таджикистан. Дисс. ... докт. юрид. наук. 12.00.14. М., 2014. С. 64.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2005 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 16.01.2006. № 3. Ст. 336.

Следует признать, что процессы реформирования правового ВДЛ, отразившиеся в значительном укреплении вертикали власти и централизации, привели к обострению как существовавших конституционно-правовых проблем организации региональных систем исполнительной власти, так и порождению новых, требующих научного осмысления. Остановимся на некоторых из них, по нашему мнению, наиболее значимых.

ВДЛ как орган публичной власти возглавляет исполнительную власть в субъекте РФ, но не осуществляет ее единолично¹. Также глава субъекта РФ фактически возглавляет систему органов исполнительной власти, хотя и является ее составной частью. Региональным законодательством может быть предусмотрено замещение им одновременно нескольких должностей. Например, глава Республики Алтай является ВДЛ республики и председателем правительства². Получается, что дуализм, или своеобразное «раздвоение» института главы исполнительной власти субъекта РФ³, характерен для ВДЛ как системообразующего органа исполнительной власти, что обуславливает существование ряда правовых коллизий. Во-первых, если ВДЛ непосредственно возглавляет высший исполнительный орган субъекта РФ, то это означает, что один орган исполнительной власти оказывается в составе другого органа этой ветви власти. Во-вторых, остается неясным, каким образом в связи с этим установить правовой статус главы субъекта РФ и необходимо ли совмещение должностей ВДЛ и председателя высшего исполнительного органа. В-третьих, наличие должности председателя высшего исполнительного органа субъекта РФ, который обязан организовать работу подчиненного ему органа, не ограничивает полномочия ВДЛ, связанные с организацией управления исполнительной властью. Напротив, отсутствие «рамочных» законодательных ограничений у главы субъекта РФ в выборе претендента, назначении и освобождении от должности председателя высшего исполнительного органа недвусмысленно указывает на отсутствие возможности у последнего действовать независимо при принятии важных управленческих решений. Выходит, что при наличии или отсутствии должности председателя

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2003 № 46-Г03-10 «Заявление о признании недействующими преамбулы и некоторых статей Устава (Основного закона) Самарской области удовлетворено правомерно, поскольку оспариваемые положения приняты с превышением полномочий субъекта РФ и противоречат федеральному законодательству». URL: <https://base.garant.ru/1777134/>.

² Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 07.06.1997 (в акт. ред.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/304200009>.

³ Овсепян Ж.И. «О совершенствовании федерального законодательного регулирования общих принципов организации исполнительных органов государственной власти субъектов РФ (предложения о законопроектной деятельности)» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 1. С. 17–18.

высшего исполнительного органа субъекта РФ ВДЛ возглавляет систему исполнительной власти. В-четвертых, ВДЛ одновременно замещает государственные должности как Российской Федерации, так и субъекта РФ. В соответствии со Сводным перечнем государственных должностей Российской Федерации¹ ВДЛ занимает «уникальную» должность «руководителя высшего государственного органа исполнительной власти субъекта РФ», которая не значится в Законе об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. Как известно, ВДЛ не всегда является руководителем высшего исполнительного органа субъекта РФ, поэтому замещение им государственной должности Российской Федерации в рамках этого «правового статуса» – некорректная формулировка законодателя, требующая исправления. Справедливее утверждать, что он замещает названную должность как руководитель единоличного органа публичной власти субъекта РФ. В этой же плоскости лежит проблема об определении правового статуса ВДЛ при замещении государственной должности субъекта РФ, упоминание о которой и вовсе отсутствует в утвержденном Президентом РФ перечне этих должностей². Федеральным законодателем игнорируется проблема «гармонизации» различных конституционно-правовых статусов ВДЛ, что приводит к «размыванию» границ его компетенции и ответственности.

В целом нормативные положения Закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ, определяющие существующий конституционно-правовой статус ВДЛ, затрагивают только общую компетенцию этого органа, что затрудняет отграничение сфер ведения и полномочий, касающихся исключительно исполнительной власти. На наш взгляд, включение ВДЛ в систему органов исполнительной власти субъекта РФ влечет за собой необходимость отдельного регулирования его правового статуса как органа исполнительной власти и как руководителя высшего исполнительного органа субъекта РФ. В связи с этим представляется, что четвертую главу вышеназванного нормативного правового акта целесообразно дополнить статьей «Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации как исполнительный орган субъекта Российской Федерации (председатель высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации)».

К сожалению, федеральный законодатель не только не в полной мере устранил и даже пролонгировал правовые коллизии, относящиеся к

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.01.1995 № 32 (ред. от 29.10.2021) «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. 17.01.1995. № 11-12.

² Указ Президента Российской Федерации от 04.12.2009 № 1381 (ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.12.2009. № 49 (2), ст. 5921.

осуществлению руководства высшим органом исполнительной власти субъекта РФ, но пополнил этот список еще одной. Напомним, что понятие «руководство», исходя из словарных его толкований, заключается в направлении деятельности, управлении чем-либо, ведении по какому-нибудь пути и т. д.¹ и по смыслу тождественно понятию «управление». Осуществление должностным лицом руководства органом исполнительной власти предполагает следование принципу единоначалия в принятии управленческих решений. Возглавляя высший орган исполнительной власти субъекта РФ, ВДЛ вправе единолично принимать решения, при этом оформляя их как собственными актами, так и актами от имени подчиненного ему органа. По этой причине коллегиальные решения органа исполнительной власти могут не приниматься во внимание его руководителем. В большинстве основных законов субъектов РФ, где высшие органы исполнительной власти коллегиальные, ВДЛ является руководителем или главой правительства². В тех региональных единицах, где конституцией или уставом предусмотрена должность председателя высшего исполнительного органа субъекта РФ, проблема может разрешиться, если не наделять его руководящими функциями по отношению к другим членам этого органа власти. Считаем, что должность председателя необходима в каждом высшем исполнительном органе субъекта РФ и ее введение потребует изменения отдельных положений Закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ВДЛ некорректно рассматривать как орган публичной или исполнительной власти по отношению к вопросам, касающимся управления исполнительной властью. Сам по себе орган власти «руководить» не может³, а реальный процесс руководства в данном случае связан с правами и обязанностями ВДЛ. Полагаем, что конституционно-правовые нормы, содержащие понятия «руководство» или «управление» по отношению к органам власти не отражают правовой реальности и имеют неопределенное значение, поэтому требуют юридического уточнения или пересмотра. Например, до конца остаются неясными принципы, порядок, формы и методы осуществления управленческих воздействий ВДЛ на высший орган исполнительной власти.

¹ Слово «руководить». Электронная база словарей. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/руководить>.

² Лексин И.В. Организация исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Государственное управление в XXI веке: матер. 13-й Междунар. конф. май 2015. Секция 9. Современная практика правового регулирования управленческих отношений / Коллектив авторов. М., 2016. С. 33.

³ Ибрагимов О.А. Актуальные конституционно-правовые проблемы руководства федеральными органами исполнительной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2021. № 2. С. 94.

Конечно, вышеперечисленные проблемы не оказывают прямого разрушающего воздействия на сложившуюся практику регионального государственно-правового строительства и текущие политические процессы как в субъекте РФ, так и в государстве. Публично-правовое реформирование организации исполнительной власти в субъектах РФ не привело к разрешению многих накопившихся конституционно-правовых проблем в этой области. В этой связи к научной дискуссии предлагаются следующие правовые меры для их разрешения обозначенных в статье проблем:

разграничить и уточнить общую компетенцию ВДЛ как главы субъекта РФ; руководителя высшего органа исполнительной власти; лица, занимающего государственную должность Российской Федерации; лица, занимающего государственную должность субъекта РФ;

завершить формирование соответствующих конституционно-правовых статусов ВДЛ, обязательно нормативно закрепив определенный набор функций, полномочий и виды ответственности;

исключить возможность включения главы субъекта РФ в состав коллегиального высшего исполнительного органа и, более того, запретить председательствовать в нем, так как процессы его формирования, назначения и отставки его членов зависят от воли ВДЛ;

строго установить пределы нормотворческой компетенции ВДЛ как главы субъекта РФ и как главы высшего исполнительного органа во избежание дублирования управленческих решений и излишнего тиражирования аналогичных региональных норм права.

Важно подчеркнуть, что названные меры не являются конкретными предложениями по совершенствованию отдельных положений того или иного нормативного правового акта, а рассматриваются автором как ориентиры для дальнейшей трансформации правового статуса высшего должностного лица в единой системе публичной власти.

Казаков Родион Алексеевич,
курсант Санкт-Петербургского университета МВД России

Бредихин Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И СТРУКТУРА

Политический сыск является сопутствующей функцией государства, которое должно охранять сложившийся политический строй, однако те или иные обстоятельства влекут создание специальных уполномоченных структур для борьбы с деструктивными явлениями¹. Предпосылками возникновения III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) является совокупность исторических событий, которые связаны с подрывом в той или иной степени общественных, государственных и политических устоев. В научной литературе² указано на следующие события, ставшие отправной точкой для появления названного органа политического сыска:

1. 1825 – восстание декабристов. Данное событие продемонстрировало представителям государственной власти то, что наблюдение за общественными течениями, настроениями было организовано недостаточно хорошо, необходима была реорганизация структур, в чьи полномочия входила данная функция³.

2. Увеличение чиновничьего аппарата в связи с образованием министерств. Данная система сформировала и укрепила такие явления, как: казнокрадство, ложные доносы на должностных лиц внутри одной структуры, рост коррупции в связи с активным взаимодействием разных ветвей власти, снижение контроля из-за роста штата чиновников⁴.

Стоит отметить изречение А.Х. Бенкендорфа, содержащегося в его записках: «Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из

¹ Бредихин А.Л. Становление российского политического сыска в XIX в. // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2020. № 1 (16). С. 5–10.

² Зайцева О.В. Возникновение III отделения собственной его императорского величества канцелярии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2003. № 12. С. 15–16.

³ Там же.

⁴ Там же.

внезапно открытого заговора, обagrившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие»¹.

Возникновение III отделения СЕИВКа обусловлено изданием Высочайшего указа от 3 июля 1826 году под номером 449. Возглавлял отделение А.Х. Бенкендорф, – инициатор создания этой структуры.

Необходимо отметить, что данный указ нес преобразовательный характер, так как до третьего отделения существовала Особая Канцелярия Министерства Внутренних Дел, которая впоследствии подверглась ликвидации². Также данный указ содержал в себе задачи, которые необходимо было реализовывать образованной организации:

«1. Переобразовать тотчас по вышеписанному Особенную Канцелярию Министерства Внутренних дел, в состав III Отделения Собственной Моей Канцелярии.

2. Распределить все производившиеся в сей Канцелярии дела, кои выше не обозначены и кои оставаться должны в заведывании Министерства Внутренних дел, по другим Департаментам сего Министерства.

3. Предписать всем Начальникам Губерний и сообщить другим лицам, до которых сие касаться может, дабы они о всех вышеизложенных предметах, входящих в состав III Отделения Собственной Моей Канцелярии, доносили прямо на имя Мое, с надписанием по 3 Отделению сей Моей Канцелярии.

4. Войти в надлежащее сношение с Генерал-Адъютантом Бенкендорфом о всех средствах, кои представляются успешнейшими к исполнению сего устройства»³.

Переходя к структуре III отделения СЕИВК, необходимо отметить, что всего было создано 4 экспедиции, но в ходе осуществления деятельности производились реформы, в ходе которых 3 экспедиция разветвлялась на несколько отделов и особое производство.

Первая экспедиция. В функции данной экспедиции входил надзор за делами общественными, выявление революционных течений, политический сыск, контроль за тюремной системой, за чиновничьими решениями. С 1866 года функции расширились: выявлялось и пресекалось злословие в отношении семьи императорской, контроль над иностранцами усилился, а также ужесточилась цензура.

¹ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Санкт-Петербург, типография министерства внутренних дел, 1901. С. 97–99.

² Бредихин А.Л. Становление российского политического сыска в XIX в. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. № 1 (16). С. 22.

³ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Санкт-Петербург, типография министерства внутренних дел, 1901. С. 97–99.

Вторая экспедиция. В их руках сосредоточилась деятельность по надзору над религиозными организациями, заведование тюрьмами по хозяйственной части, пресечение фальшивомонетничества. Также данная экспедиция занималась формированием кадров.

Третья экспедиция (1826–1880; 1866–1869 – структурно подразделялась на 2 отдела). Данной экспедиции было предписано осуществлять контроль за передвижением иностранцев из-за рубежа на территории Российской Империи, а также пресекали деятельность возможных шпионов, которых выявляли из числа иноземцев. В 1866 году переняли часть полномочий первой экспедиции – организация и обеспечение внутренней безопасности, производство дознаний по политическим делам. В 1873 году произошло очередное нововведение в подведомственность экспедиции – сбор сведений о происшествиях в России.

Четвертая экспедиция (1826–1873). Основная их задача – собирание информации по поводу нарастающих волнений со стороны крестьянства, в городах, о ходе торговли, ярмарках, снабжении населения провиантом, товарами первой необходимости. Также осуществлялся контроль за представителями власти (администрацией), об инцидентах на границах, пресечение контрабандистской деятельности, пожарах и д.р.

Пятая экспедиция (1842–1880). Осуществляли контроль за культурной сферой жизни общества. Проверялись типографии, книжные магазины. Также проверкам подлежали афиши, книги, привезенные из-за рубежа, давалось разрешение на перевод таких книг.

В состав отделения входили также архив, секретный (1-й и 2-й) архив и казначейская часть. К концу николаевского царствования в штате III отделения СЕИВК было только сорок чиновников на всю огромную империю.

Итак, необходимо отметить, что направления деятельности СЕИВКа соответствовали существующим в то время актуальным вопросам и задачам государственного управления. При всех недостатках, существующих в тот период времени в осуществлении деятельности III отделения, им было достаточно сделано для обеспечения мира в стране. Желаемая стабильность, безопасность – это предпосылки для полноценного развития государства. III отделение СЕИВКа по своим властным полномочиям являлось органом политического сыска, что позволяет его соотнести с системой ОВД и формально назвать политической полицией.

Казанцева Екатерина Валентиновна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Хаваджи Динара Ремзиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Крымского филиала
Российского государственного университета правосудия

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

К началу 2022 год в мире насчитывается 195 суверенных государств (193 государства-члена ООН и два наблюдателя (Ватикан и государство Палестина)), а также 251 страна. Разница в данных состоит в том, что, во-первых, стран в мире больше, чем государств, так как содержание термина «страна» шире, чем содержание термина «государство», к тому же на территории одной страны может быть несколько государств и, соответственно, несколько правовых систем. Во-вторых, существуют государства с «неопределенным статусом» (около 10, например, Республика Абхазия, Республика Косово); государства с независимыми территориями (35, например, Гонконг, остров Мэн (Великобритания), остров Рождества (Австралия), остров Кука (Новая Зеландия), остров Буве (Норвегия)), и так далее¹. На основании этих данных в научной литературе ученые выделяют около двухсот национальных правовых систем, например, в энциклопедическом справочнике под редакцией Сухарева А.Я., дана характеристика правовых систем 204 стран мира². Несомненно, что все существующие сегодня страны (порядка 251 стран), имеют «свою», присущую только им, правовую систему, и в каждой из этих правовых систем существуют нормы, регулирующие правоотношения по реализации и защите прав человека. Несомненно, что объем таких норм в каждой стране разный, и основан или на законе, или прецеденте, традициях или обычаях.

Общеизвестно, что права человека имеют древнюю историю своего становления и развития, несмотря на это вопросы закрепления, реализации

¹ URL: <https://mnogofactov.ru/goroda-i-strany/skolko-stran-v-mire.html> (дата обращения: 10.02.2022).

² Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / под ред. Сухарева А.Я. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003.

и гарантии прав и свобод человека остаются актуальными. Сегодня права человека, как институт права, занимает доминирующее положение во всех отраслях права. Имея многовековую историю становления и развития и, соответственно, множество научных трудов он (институт прав и свобод человека) остается самым актуальным и спорным в современном обществе не только России, но и во всем мире.

Анализируя научные труды, посвященные правам и свободам человека, следует указать на плюрализм таких понятий как «право индивида», «право гражданина», «право человека», «коллективное право», «правовой статус человека», «свобода человека» и так далее. На наш взгляд, все указанные понятия состоят из нескольких словосочетаний: «право» и(или) свобода и «человек» и(или) «гражданин» и(или) «личность» и(или) «индивид» и(или) «коллектив». Анализируя указанные понятия, отметим, что их толкование зависит от отрасли права и объекта правоотношений. Считаем, что свобода начинается с прав, а человек, гражданин, личность, коллектив начинается с индивидуума. Связь права и индивидуума, ее многообразие можно проанализировать через понятие «правовой статус», в котором отражаются все основные стороны юридического бытия индивида, непосредственно, его интересы, потребности, взаимоотношения с государственной деятельностью, социальные притязания и их удовлетворение. Мы согласны с утверждением, что индивидуум – это собирательная, аккумулирующая категория, а потому необходимо вести речь о «человеке».

Неоспорим тот факт, что во всех регулируемых правом отношениях в обществе, человек участвует в них как субъект, наделенный правами, свободой и обязанностью. Иными словами, правовой статус человека состоит из совокупности предоставленных ему прав, свобод и обязанностей. При этом, условия участия человека в правоотношениях зависят, прежде всего, от отрасли права, норм законодательства, которые регулируют данную отрасль права. Соответственно, совокупность приобретенных права, свобод и обязанностей характеризуют правовое положение человека (гражданина) в этих правоотношениях.

Права и свободы человека являются высшей ценностью нашей цивилизации, обладание которыми не зависит от признания их государствами и(или) странами. Ценность состоит в том, что в правах изначально заложены те основные начала (принципы) взаимодействия людей между собой и(или) человека и общества, которые позволяют обеспечить «нормальный» или необходимый уровень жизнедеятельности и людей и общества в целом, в том числе необходимо предусмотреть и обеспечить в государстве гарантии их реализации и защиты.

Институт «прав человека» проходил определенные этапы своего становления и развития, на которое влияло его естественное возникновение, принятие и реализация национального и международного

законодательства. Этапы, в теории государства и права, получили название «поколение прав и свобод человека». Сегодня ученые спорят о количестве существующих поколений прав и свобод человека, одни (их большинство) называют – три поколения¹, другие выделяют – четыре².

Следует отметить, что традиционно для классификации прав человека используют теорию разделения прав человека, которую разработал французский правовед Карел Васак. Основой этой концепции является генерационный подход, а именно, разделение прав на три поколения.³

Анализируя эту классификацию, отметим, что первое поколение начало формироваться в IV–IX столетии в период буржуазных революций, потому и закрепляло социально политические интересы буржуазии. Основой данного поколения является система негативных прав или невмешательство государств в сферу личных правоотношений, которые называли «гражданскими правами», а позже именовали «личными правами». Указанные права происходят от естественного права на жизнь, на свободу, которые принадлежат каждому человеку от рождения, и призваны были обеспечивать личную независимость и свободу, охранять человека от незаконных действий со стороны государства и других лиц. Вместе с гражданскими правами развивались правоотношения в сфере политического общества или «политические права».

С развитием первого поколения связывают возникновение, и развитие основных начал демократического государства.

Сегодня большинство стран закрепляя в Основном законе гражданские и политические права, объединяют их в одну группу, так как они содержат в своей основе негативный характер и направлены на соблюдение свободы человека.

В середине XX столетия, в процессе борьбы народов за улучшение своей жизни, в частности экономического уровня, начинает формирование второе поколение, ученые назвали эти права «позитивными». Основой второго поколения являются социальные реформы, которые направлены, во-первых, на сокращения социального неравенства граждан страны; во-

¹ Киричек Е.В. Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16). С. 13–23; Рудинский Ф.М. Права человека в современном мире / Ф.М. Рудинский // Марксизм и современность. 2000. № 1 (15). С. 124.

² Долин В.А. Четвертое поколение прав человека: опыт философско-антропологического обоснования // Антиномии. 2018. № 4. С. 7–15; Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

³ Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений «Прав человека» // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-pokoleniy-prav-cheloveka> (дата обращения: 10.02.2022).

вторых, введением социального обеспечения, например, таких как пенсионное, страховое на случай болезни и так далее; в-третьих, закрепление права на труд. Второму поколению, в том числе, характерно возникновение экологических и культурных прав.

Возникновение второго поколения потребовало от государств его правовой регламентации, закрепление в Основных законах (конституциях) стран.

Жестокости реалий Второй мировой войны, направленные не только на одного человека, а на группу лиц, народ, геноцид определенных слоев населения земли, послужили основой третьего поколения прав и свобод человека, характерной чертой которого являлся коллективный характер. Правовым закреплением третьего поколения, по мнению многих ученых, является Всеобщая декларация прав человека.¹ Этот уникальный правовой акт разработан при участии всех представителей нашей планеты, которые имеют разные традиции, культурные и религиозные основы, различные правовые системы, и направлен, прежде всего, на защиту основных прав и свобод человека во всем мире, при этом следует отметить, что она не обладает законодательной силой.

Всеобщая декларация прав человека явилась основой для создания многих других международных правовых актов, в том числе и Европейской конвенции о правах человека², Международном пакте о гражданских и политических правах³.

Следует отметить, что третье поколение прав послужило основой трансформации существующих в то время общественных отношений к более ярко выраженным демократическим и гуманистическим отношениям, к недопустимости осуществления коллективных прав в ущерб прав и свобод одного человека.

Третье поколение показало, что права человека – это не дар другого человека, общества или государства, это публично-правовая концепция, которая сложилась на протяжении всей истории существования человека. Свобода человека проявляется в реальных, свободных без умалений его чести и достоинства, какой-либо дискриминации возможности

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

реализовывать свои права, например, интеллектуальные, политические, культурные и так далее.

Последующее развитие прав и свобод человека характеризуется конкретизацией закрепленных положений прав и свобод, их углубление и расширение, закрепление их как юридически обязанных, обеспечение выполнения государствами всех взятых на себя обязательств по соблюдению прав и свобод человека, создание международного контроля за их защитой и выполнением.

Несмотря на то, что общепринятая концепция трех поколений прав человека, авторства Карела Васака, до сих пор считается фундаментальной базой для правозащитников (как сугубо научных сподвижников, так и практиков), есть веские основания выделять и качественно новую группу прав человека. Затрагивая дилеммы неизменности ключевых моральных и правовых постулатов (в подавляющем большинстве), можно утверждать, что права всех трех поколений в любом случае остаются ключевым объектом.

Родоначальником четвертого поколения является доктор юридических наук В.И. Крусс, который дал им название «соматические права», название поколения идет от греческого термина «soma» – тело, так как по мнению автора данную группу составляют права по самостоятельному распоряжению своим телом. К соматическим правам В.И. Крусс относит: право на смерть, трансплантацию органов, изменение пола, гомосексуальные контакты, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, клонирование, виртуальное моделирование и употребление наркотиков или психотропных средств¹. При этом, ученые поддерживающих мнение о существовании сегодня четвертого поколения прав человека, дают указанным В.И. Круссом правам человека, иное название, к примеру, право на смерть – эвтаназия; гомосексуальные контакты – однополые браки; аборт, клонирование – жизнь, свободную от государственного вмешательства собственными религиозными и моральными взглядами и так далее.

Соглашаясь с выделением четвертого поколения прав человека, предложенной В.И. Круссом, считаем необходимой к ней отнести также такие права как: право человека на использование виртуальной реальности и право на доступ к сети Интернет. Их выделение обосновано становлением и стремительным развитием современного цифрового пространства (основной причиной стремительным развитием цифрового

¹ Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

пространства называют вспышку коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» или «COVID-19»¹.

Анализируя труды ученых посвященных четвертому поколению прав человека, следует указать на неоднозначность отношения нашего современного общества к указанным соматическим правам, которое на наш взгляд, обусловлено: во-первых, их противоречивостью с точки зрения морально-этических и(или) религиозных и(или) политических убеждений; во-вторых, тем, что реализация и развитие соматических прав зависит от научно-технического прогресса; в-третьих, указанием на то, что соматические права – это, прежде всего, естественные (личные) права человека, которые закреплены в Основном законе страны и должны рассматривать как неотъемлемая часть «гражданских прав».

Поддерживая позиции о существовании сегодня четвертого поколения прав и свобод человека, считаем, что его появление связано с развитием наших правоотношений, с развитием и становлением нового поколения людей, общества, у которого появляется свой объект правового регулирования.

Несмотря на неоднозначность к четвертому поколению прав и свобод человека, некоторые учены выделяют и пятое поколение прав человека. К примеру, С.И. Ивентьев, анализируя научные труды своих коллег, относит к четвертому поколению прав человека право на: жизнь; уважение к духовному и нравственному достоинству человека; творчества; выбора; свободу совести и вероисповедания; духовного образования и воспитания, а также запрещение пыток и бесчеловечного обращения и другие. Пятое поколение ученых называет «божественными и духовно-нравственными правами и свободами человека и гражданина». И отмечает, что божественные и духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина должны защищать человека, его душу и дух, от разрушительной силы непредсказуемого и порой неконтролируемого научно-технического прогресса в области биологии, медицины и техники, а также негативных энергоинформационных воздействий и манипуляций². Поддерживая мнение исследователя о необходимости защиты человека от негативных последствий научно-технического прогресса, выделение их отдельным пятым поколением, на наш взгляд, является необоснованным.

Таким образом, неизменной основой становления и развития прав человека является три поколения прав человека: первое поколение – это

¹ Казанцева Е.В Правовое регулирование предоставление услуг дистанционным способом в эпоху цифровизации // В сбор.: Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества. Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2021. С. 38.

² Ивентьев С.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // Казанская наука. 2010. № 3. С. 200.

«права свободы», включающие в себя гражданские и политические права; второе – «права равенства», характеризующиеся экономическими, социальными и культурными правами; третье поколение – это «коллективные права», которые направлены на защиту групп лиц, или целой нации, при этом характеризуются недопустимостью осуществления коллективных права в ущерб прав и свобод одного человека.

Однако в условиях глобализационных изменений государство должно придерживаться таких принципов в регулировании прав нового поколения как: 1) обеспечение свободного доступа к сети Интернет и виртуальной реальности; 2) невмешательство в религиозные и моральные взгляды лица, пока они находятся в рамках закона и не угрожают государственной безопасности; 3) уважение к праву человека распоряжаться собственной жизнью и телом, в том числе и права на достойную смерть; 4) незыблемость права лица, в том числе еще не рожденного, на собственную уникальность и идентичность; 5) стимулирования научного прогресса к гуманизации исследований и их соответствия правилам биоэтики.

Следовательно, моральные и правовые нормы, регулирующие четвертое поколение прав человека, имеют разную степень согласованности. Государство должно прилагать усилия к развитию правового регулирования соответствующих прав, поскольку научно-технический прогресс и моральный трансформации глобализирующегося общества невозможно игнорировать из-за появления новых видов общественных отношений, требующих нормативной регламентации на уровне законов и конституции. При внедрении такой регламентации государство должно придерживаться определенных принципов, которые позволят учесть интересы, как индивидов, так и страны. Нужно стимулировать развитие теоретических исследований в сфере четвертого поколения прав человека, которые должны заложить фундамент под принятие новых правовых норм.

Казанцева Екатерина Валентиновна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В конце декабря 2019 года человечество столкнулось с новым инфекционным заболеванием «коронавирусная инфекция (2019-nCoV)» (далее – COVID-19), признанная Всемирной организацией здравоохранения пандемией. 2020 год стал сложным годом для всех, так как с марта этого года многие страны и государства, с целью предотвращения распространения COVID-19, вводили не только ограничения в передвижении граждан и иностранных лиц по территории своих стран (государств), но и закрывали свои внешние границы. Введение ограничений вызвали, во многих странах, протесты людей, которые считали, что это грубое, незаконное нарушение их права на передвижения. В России мнения людей и ученых разделились на две группы: первые – отмечают, что решение государственных органов и должностных лиц, об установлении ограничений в передвижении, является незаконным; вторые считают, что принятые решения (по основаниям и порядку введения ограничений) является законным¹. Следует отметить, что в декабре 2020 года Конституционный суд РФ принимает постановление № 49-П,² в котором признает законность введения субъектами России ограничений на передвижение в период распространения пандемии.

Уже два года человечество борется с распространением COVID-19 используя при этом, различные современные методы, которые вызывают все больше дискуссий о их законности и влиянии на правовое регулирование прав и свобод человека в период распространения пандемии как в мире, так и в России.

Человек, его, жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются высшей социальной ценностью. Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности любого государства, которое, в свою очередь, отвечает перед каждым человеком за свою деятельность.

¹ Казанцева Е.В. Правовое регулирование ограничения свободы передвижения в период распространения COVID-19. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 212–2013.

² Постановления Конституционного суда РФ от 25.12.2020г. № 49-П // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

Одной из главных обязанностей государства, является закрепление и обеспечение прав и свобод человека, в том числе применение эффективных мер по их защите, в частности, для защиты граждан и общества от угроз, связанных с распространением на территории России COVID-19.

Мы уже отмечали, что из-за распространения пандемии под угрозой оказалась жизнь и здоровье людей – фундаментальные ценности, которые связаны, наиболее тесно, с правом на здравоохранение.

Основной закон России закрепляет, что каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь (ст. 21), соответственно, каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). Анализируя указанные конституционные ценности (права), следует отметить их взаимосвязанность, так, к примеру, в случае недостаточных, несвоевременных и неэффективных мер, со стороны государства в сфере здравоохранения в условиях пандемии, позволяет рассматривать такие деяния как «непосредственное посягательство на право каждого человека на жизнь».

Реализуя закрепленное в Основном законе право на охрану здоровья и медицинской помощи, государство создает условия для эффективного и доступного для всех граждан медицинского обслуживания. При этом «эффективность» и «доступность» медицинского обслуживания в стране во время противодействия COVID-19 касается не только защиты от пандемии (распространения, противодействия), но и защиты нуждающихся в медицинской помощи по другим заболеваниям.

Защита права на жизнь и здоровье людей является фундаментальной для осуществления всех других прав и свобод, в том числе гражданских (медицинских, социальных и так далее) и политических прав, потому следует отметить оправданность ограничительных мер.

Путем взвешивания ценностей и прав человека следует признать, что угрозы жизни и здоровью превышают проблемы ограничения личной свободы в отношении передвижения, запрета на некоторые виды социальных контактов. Ввиду современных научных знаний, отказ от наложения таких ограничений существенно увеличивает риски заражения вирусом, заболеваний значительного количества людей, перегрузки медицинских учреждений при лечении серьезных случаев и, в худшем случае, роста смертности.

Следует отметить, что даже оправданность и серьезность цели, заключающейся в защите жизни и здоровья людей, для достижения которых осуществляются ограничения в реализации конституционных прав человека, не означает, что такие ограничения могут быть осуществлены произвольно и несовместимы с фундаментальными конституционными ценностями верховенства права, демократии, защиты прав человека

Во время тяжелых испытаний для граждан, связанных с борьбой с пандемией, государство действует таким же образом, как в обычный период, однако в сложные времена из него вытекают дополнительные положительные обязанности страны, призванные защитить человека и общество от угроз.

Ограничения прав и свобод человека – это, прежде всего, умаление ранее предоставленных государством прав и свобод, с обязательным установлением пределов юридически дозволенного поведения человека при реализации ограниченных прав и свобод. При этом они (ограничения) не могут быть произвольными и несправедливыми, а должны устанавливаться исключительно Конституцией России и федеральными законами. Вводя ограничения закрепленных в Конституции России прав и(или) свободы, законодатель обязан ввести такое правовое регулирование, которое позволит оптимально достичь легитимной цели с минимальным вмешательством в реализацию этого права или свободы и не нарушать сущностное содержание такого права.

Изучение ограничительных мер по осуществлению прав человека с целью препятствования распространению COVID-19 необходимо, прежде всего, потому, что впервые за три десятилетия развития страны как независимого государства речь идет о массовом ограничении прав человека, то есть такое, которое касается не отдельных лиц, а целых категорий и даже подавляющего большинства общества. Ограничения личной свободы, свободы передвижения и других сферах видоизменяют общество на структурном уровне.

По нашему мнению, государственное вмешательство по правам и свободам человека, которое касается не отдельных индивидов, а подавляющего большинства общества, не может быть осуществлено государством без введения особого правового режима (ограничительных мер), предусмотренного Конституцией РФ и федеральными законами. Такие меры были введены самостоятельно субъектами России. Следует отметить, что эти меры, принятые государственными органами с целью предотвращения пандемии и влияют на сферу защиты прав человека. Если права и свободы человека должны быть ограничены с целью защиты общества от угрозы последствий пандемии, то это следует делать незамедлительно, законно, четко с информированием граждан и общества в целом. Не стоит забывать, что даже в условиях чрезвычайных обстоятельств народ остается не только «единственным источником власти», но и «носителем суверенитета», субъектом, осуществляющим эту власть. Однако, анализ действий государственных органов, показывает, что некоторые субъекты «упускали» время, и потому введенные ограничения не приносили необходимого эффекта. Что касается информирования, то следует признать, что практически во всех субъектах

оно было на самом низком уровне, и многие граждане находились в неведении, а более всего граждане пожилого возраста.

При этом, меры по ограничению прав человека не могут быть бессрочными и подлежат периодическому пересмотру. Ведь ограничительные меры, осуществляемые в связи с распространением COVID-19, являются государственным вмешательством в фундаментальные конституционные права человека, с учетом динамического содержания мер «карантина», не могут быть неопределенными во времени (бессрочными) и потому в обязательном порядке подлежат периодическому пересмотру.

Особая защита пожилых людей и других уязвимых категорий населения должна быть осуществлена государством не только через установление более строгих ограничений для них, но путем предоставления им дополнительной поддержки. Речь идет, прежде всего, об обеспечении этих категорий лиц предметами первой необходимости. Опыт зарубежных стран свидетельствует о применении мер по поддержке уязвимых категорий лиц, в частности, выделения отдельных часов для посещения ими магазинов, аптек или парковых территорий.

С другой стороны, от непродуманных длительных ограничений – в частности, в доступе к здравоохранению или в возможности двигаться на свежем воздухе для уязвимых категорий лиц – угрозы для жизни граждан могут оказаться острее, чем непосредственно от COVID-19.

Анализируя законодательство субъектов России, следует отметить, что в 2020 году в законодательных актах появляется понятие «самоизоляция», «полная самоизоляция», однако до сегодняшнего дня нет его законодательного толкования, судебные органы по данному факту также молчат. Ученые изучая самоизоляцию как правовой режим приводят только его основные признаки¹. Также следует согласиться с учеными, что указанные понятия требуют законодательного закрепления, с учетом введения административной ответственности за его нарушение. Неоспорим тот факт, что содержание видов и средств ограничительных мероприятий, направленных на эффективное противодействие распространению COVID-19, должен определять законодатель на основании выверенных научных знаний в сфере медицины, однако соотношение применяемых средств и достигнутого результата (как ожидаемого решения общественной проблемы) может и должна быть оценена государственными органами, законодательством субъектов пропорциональности применяемых средств. В частности, подлежит юридической оценке корреляция между интенсивностью установленных

¹ Панкевич Н.В., Руденко В.В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. №2 (29). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoizolyatsiya-kak-pravovoy-rezhim-opyt-rossii> (дата обращения: 15.02.2022).

ограничений прав человека и динамикой распространения COVID-19 на территории России.

Таким образом, Основной закон нашей страны, гарантирует среди приоритетных конституционных ценностей жизнь и здоровье человека. При этом законодатель не исключает возможность установить ограничения при наличии угроз закрепленным ценностям. Однако в этой ситуации, безусловно, законодатель и государственные органы обеспечивают согласование между ценностью здравоохранения и уважением прав и свобод человека, которые гарантируются в России и во всем мире.

Кивилев Павел Сергеевич,
студент 1 курса юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета

ПОСТСОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В начале 1990-х г. в России наблюдались глубокие социально-политические трансформации. Это было связано со строительством нового государственного и общественного устройства взамен советского, что закономерно сопровождалось активизацией правотворчества, центральным элементом которого стала разработка и принятие основного закона страны – Конституции, взамен утратившей силу советской. Ситуация осложнялась спецификой российского транзитивного общества, в частности, политической среды. Десятилетия существования СССР привели к исчезновению конкурентной политики, а также к отчуждению широких масс народа от власти, отсутствию у них соответствующего опыта. В результате проблематикой создания основного закона занимались в основном политические элиты (которые, к тому же, не обладали навыками коммуникации и поиска компромиссов), а значительная часть населения воспринимала конституционное строительство весьма индифферентно. Ситуация для граждан осложнялась необходимостью поиска средств для выживания, что существенно снижало интерес к политике.

Исследователи выделяют два основных этапа конституционной реформы в Российской Федерации в начале 1990-х г. Как полагает Ф.В. Малхозова, «первый этап – с начала работы VI съезда народных депутатов в апреле 1992 г., до декабря 1992 г. Законодательная и исполнительная власти еще сотрудничали друг с другом, находились в поиске согласованного проекта новой Конституции. Второй этап – (январь – декабрь 1993 г.). Основное содержание этого этапа связано с обострением

конфронтации между Президентом РФ, с одной стороны, и Верховным Советом и съездом народных депутатов – с другой»¹.

Изначально, с 1991 г. процесс конституционной реформы в нашей стране принял весьма сложный характер. Основной проблемой стало то, что затягивалось принятие нового основного закона, что негативно отражалось как на процессе социально-политических и социально-экономических реформ, так и на настроениях наиболее активной части населения. Однако правящие элиты все больше втягивались в различного рода политические противоречия, постепенно утрачивая пути к компромиссу.

По мнению исследователей, «после распада СССР Конституционный процесс в России проходил по двум параллелям: вносились поправки в действующую Конституцию и одновременно разрабатывались, обсуждались, согласовывались проекты новой Конституции»². Построение демократического государства диктовало необходимость осуществления ряда государственно-политических преобразований, одним из которых выступает разделение властей. Однако одновременно стали нарастать серьезные проблемы – политические, социальные, экономические, которые не позволяли осуществлять плановые преобразования, а вели к вынужденным, ранее не запланированным действиям. Усиливалось значение и фактора и эмоциональности при принятии решений, что также ухудшало перспективы политического взаимодействия между ветвями власти. Начавшиеся экономические реформы (под руководством Е.Т. Гайдара) привели к серьезным негативным последствиям практически во всех сферах жизни российского общества. Парламентская оппозиция под воздействием негативных последствий реформ Гайдара стала все более радикализироваться – это нашло свое выражение не только во взаимоотношениях с президентской властью, но и на процессе конституционного строительства.

Нарастание политического конфликта между ветвями власти на фоне развивающегося социально-экономического кризиса оставляло все меньше шансов на нормализацию процесса конституционного строительства в стране. В этой связи Е.А. Тарасова справедливо отмечает, что «экономические преобразования, осуществленные в России в 1992 году, привели не только к еще большему упадку российской экономики, но и к глубокому размежеванию в структуре российской власти»³.

На этом фоне президент Б.Н. Ельцин стал стремиться расширить свои властные полномочия для управления кризисной ситуацией.

¹ Малхозова Ф.В. Конституционно-политический кризис в России 1992–1993 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. С. 12.

² Малхозова Ф.В. Указ соч.

³ Тарасова Е.А. Российские конституционные кризисы 1992–1993 гг.: дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2004. С. 90.

Президент регулярно издавал указы, зачастую подменяя парламент, вмешиваясь в его властные прерогативы. Сложившаяся ситуация способствовала обострению противоречий между различными ветвями власти.

К.Н. Штин полагает, что «в период с 1990 по 1993 г. был принят ряд законов, имевших целью создание Конституционного суда, введение института Президента, реформирование правительства. Пятый Съезд народных депутатов предоставил Президенту возможность издавать указы, приравненные по своей силе к законам. В итоге институциональные конфликты были неизбежны в рамках усложнившейся формы правления»¹. По сути проблемы конституционной реформы стали следствием объективно сложившихся глубоких противоречий в реформируемом российском обществе. Сложность состояла еще и в том, что ни опыта, ни дипломатических способностей, ни стратегического видения развития ситуации у противоборствующих сторон практически не было. Политический опыт российских элит был связан исключительно со временем существования СССР. Однако в условиях диктаторских политических режимов переговоры, компромиссы, нахождение консенсуса и т. п. были мало востребованы у политических авторов – здесь важны иные качества. Это осложняло взаимодействие ветвей власти друг с другом и, в целом, отрицательно отражалось на процессе конституционного строительства. Политические лидеры (Ельцин, Хасбулатов, Руцкой и др.) также не были склонны к компромиссам, учету позиций другой стороны.

По мере осуществления конституционной реформы достаточно быстро стал нарастать кризис в отношениях между законодательной и президентской властью в России. Эта ситуация, как полагает И.В. Меркулов, нашла свое отражение в «стремлении политических сил дать жизнь «своему» проекту Конституции России, что приводило к неоднократным конституционным кризисам (апрель 1992 года, декабрь 1992 года, весна 1993 года). Конфликт разрешался не через борьбу партий, не в формах традиционного политического процесса, а как лобовое столкновение исполнительной и законодательной ветвей власти, приведшее к гибели многих людей»².

События в 1993 г., непосредственно перед принятием российской Конституции, развивались стремительно. 25 апреля 1993 г. прошел общероссийский референдум, который должен был разрешить нарастающие противоречия между президентской и парламентской ветвями власти. Референдум не внес ясности в противоречия между

¹ Штин К.Н. Конституционно-политический кризис в России: 1990-1993 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2006. С. 52.

² Меркулов И.В. Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации: 1990–1993 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2006. С. 41.

ветвями власти, однако по его итогам Ельцин назначил работу Конституционного совещания – особый консультативный орган при президенте по подготовке основного закона страны.

А.Ф. Хубешты указывает, что «25 июня 1993 года парламент практически отказался сотрудничать с Конституционным совещанием, продолжая настаивать на том, что только Конституционная комиссия является единственным легитимным органом, который вправе заниматься вопросом подготовки новой Конституции РФ»¹.

Таким образом, начиная с июня 1993 г. обе конфликтующие ветви власти в России фактически прекратили сотрудничество по вопросу разработки основного закона страны. Каждая ветвь власти готовила свой собственный вариант, не учитывая позицию оппонентов. Такой неконструктивный подход вел к эскалации политического конфликта и оставлял все меньше шансов на его мирное разрешение.

В этой связи исследователи справедливо указывают, что «к осени 1993 г. в России в рамках одной политической системы образовались и функционировали раздельно два центра государственной власти, уже не имевшие ни возможности, ни желания проводить консолидированную политику. Рассматриваемый период характеризуется фундаментальным расколом элит, поразивший помимо прочего и систему публичной власти»².

Постепенно конституционный кризис в стране на первый план вывел не тактические, а стратегические вопросы осуществления государственной власти и системы управления в ней. Обе конкурирующие политические силы начали принципиально расходиться именно в стратегии развития страны, в понимании модели ее будущего, к которой необходимо стремиться при проведении реформ.

Е.А. Тарасова полагает, что «конституционный кризис весны 1993 года стал следствием как продолжения новым Правительством прежнего экономического курса, так и нерешенности вопроса о власти в высших государственных органах РФ»³. В результате вооруженных столкновений 3-4 октября 1993 г. в Москве победу в конфликте одержала президентская ветвь власти, а лидеры парламентской оппозиции были арестованы (правда, вскоре они были амнистированы). На референдуме 12 декабря 1993 года большинством голосов была принята Конституция РФ. С точки

¹ Хубешты А.Ф. Разработка и принятие Конституции Российской Федерации в условиях противостояния законодательной и президентской ветвей власти в 1993 г. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 1. С. 66–77.

² Хубешты А.Ф. Разработка и принятие Конституции Российской Федерации в условиях противостояния законодательной и президентской ветвей власти в 1993 г. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 1. С. 66–77.

³ Тарасова Е.А. Российские конституционные кризисы 1992–1993 гг.: дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2004. С. 81.

зрения И.В. Меркулова, «отныне Российская Федерация провозглашалась демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Конституция также содержала в себе нормы, исключающие противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти в будущем, закрепляя особый порядок защиты установленной системы государственной власти»¹.

Вполне закономерно, что в окончательном тексте основного закона нашли свое отражение те правовые конструкты, которые выражали политические интересы именно победившей президентской ветви власти. Именно президент России, согласно Конституции, существенно расширил свои полномочия, усилил политическую власть в стране. Кроме того, авторы проекта Конституции заложили в него множество сложных нормативно-правовых механизмов, которые существенно затрудняли противодействие президентской власти со стороны парламентской (с учетом того негативного опыта, который был в 1993 г.). Однако это имело и обратный эффект – система сдержек и противовесов оказалась неэффективной, а процедура политического воздействия других ветвей власти на президентскую стала сложной и дисбалансированной. Периодически в 1990-е г. возникали конфликты между парламентской ветвь власти (где большинство депутатских мест принадлежало носителям коммунистической и иных близких по содержанию идеологий). В результате транзит политической власти конца 1990-х – начала 2000-х г. президент Ельцин осуществлял в контексте перманентной угрозы импичмента со стороны парламентской ветви власти.

Принятием Конституции 1993 г. завершился активный процесс формирования российского конституционализма. Н.В. Мамитова полагает, что «российский конституционализм – это система, правовых традиций, идей, взглядов и институтов, определяющих общественный и государственный строй, об отношениях власти, государства и личности, порождаемых конституционным опытом различных исторических стадий развития государства и общества и выраженных в нормах, обычаях и правовом сознании этого общества»².

Как показывает анализ событий начала 1990-х г., становление российского конституционализма происходило в сложных условиях, на фоне обострившейся политической борьбы между ветвями государственной власти. Высшей точкой противостояния стал вооруженный конфликт – это наложило свой отпечаток на дальнейший процесс становления политической системы в стране. Эти события отразились, в том числе, и на политической культуре российского

¹ Меркулов И.В. Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации: 1990–1993 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2006. С. 164.

² Мамитова Н.В. Российский конституционализм: история и современность: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 162.

общества, воздействовали на менталитет, систему ценностей и соционормативные представления россиян.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что постсоветская Конституция 1993 г. стала отражением глубоких трансформационных процессов, охвативших не только политическую, но и экономическую, социальную и духовную подсистемы российского общества. На процесс принятия Конституции 1993 г. повлиял ряд объективных факторов, результатом чего стал нарастающий конфликт между ветвями государственной власти. Несмотря на то, что Конституция декларировала основные принципы построения в стране правового государства, гражданского общества и, в целом, демократического политического режима, многие ее положения не в полной мере соответствовали политической реальности того периода времени. Так было сконструировано противоречие между правовыми идеями, заложенными в основной закон и их последующей реализацией на практике. Конституция 1993 г. не стала компромиссом между стремлениями различных политических сил, неким консенсусом – напротив, она выступила олицетворением победы одной политической силы над другой. Подобная потенциальная конфликтность как атрибут политической жизни на долгие годы проникла в российское общество. Историческая ответственность за развитие событий лежит на двух сторонах политического конфликта начала 1990-х г., которые так и не смогли найти компромисс с учетом важности для будущего государства и общества. Более того, в этот период времени была заложена инерция доминирования политической целесообразности над нормативно-правовым устройством (что в корне противоречит основным постулатам демократического политического режима, введение которого декларировал основной закон), а президент Ельцин лишь «адаптировал» ряд конституционных положений под уже фактически сложившуюся политическую практику в стране того периода времени.

Кирнос Андрей Викторович,
кандидат политических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Воронежского института МВД России

Колесников Владимир Александрович,
кандидат политических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Воронежского института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВЕЩАНИИ НАЧАЛЬНИКОВ МИЛИЦЕЙСКИХ ШКОЛ 1928 Г.

Изучение разных аспектов профессиональной подготовки и обучения личного состава правоохранительных органов, в том числе и сотрудников отечественной полиции и милиции, в последние десятилетия вызывает все больший исследовательский интерес: количество публикаций, посвященных данной проблематике более чем удвоились, растет и число историографических работ¹. Вместе с тем, в данной сфере по-прежнему остается немалое число недостаточно изученных вопросов, к числу которых, по нашему мнению, относятся и предмет исследования данной статьи. Специфика его, по нашему мнению, требует некоторых предварительных замечаний.

Характерными особенностями эволюции милицейского образования в РСФСР в 1920-е годы стали его постепенная институционализация, унификация и централизация, определенные шаги по пути приобретения системного характера.

15 апреля 1921 г. руководством Главного управления милиции (ГУМ) были подписаны Положение и Программа курсов командного состава при губернских и областных управлениях рабоче-крестьянской милиции (РКМ)², а 17 апреля – приказ № 69, предписывавший открыть

¹ Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Рассмотрение проблем школьно-курсовой подготовки личного состава рабоче-крестьянской милиции в специализированной литературе 1920-х – начала 1930-х гг. как составная часть отечественной историографии истории советской милиции // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 1. С. 9-26; Рассказов Л.П., Кравец С.А. Историография органов охраны общественного порядка 1917–1920 годов // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 540–544; Токарева С.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция 1920-х – 1930-х годов: к историографии вопроса // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 116-136 и др.

² Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 330а. Л. 11 об.

соответствующие курсы во всех губерниях¹. Последующим Положением от 23 ноября 1921 г.² предусматривалось выделение трех типов школ: 1) резервов при губуправлениях РКМ, преимущественно – для первоначальной профподготовки; 2) «окружных» (по числу военных округов), готовивших в течение 8 месяцев отдельные категории младшего комсостава и насчитывавших до 150 обучавшихся³; 3) для высшего комсостава. В конце 1921 г. был подписан приказ Главмилиции № 314, в соответствии с которым курсы младшего комсостава, открытые по Приказу № 69, были преобразованы в губернские школы милиции. Их число к 1 июня 1922 г. достигло 48 и за первое полугодие 1922 г. было произведено 27 выпусков (1059 человек)⁴.

С 1922 г. началось функционирование трех школ среднего командного состава с двухлетним сроком обучения, 1-ой Ленинградской, 2-й Омской, 3-й Новочеркасской, сохранивших федеральное финансирование и после произошедшего в 1923 г. губительного для прочих ведомственных образовательных организаций перевода на местные бюджеты (к 1 апреля 1924 г. губернские школы сохранились лишь в пяти губерниях, резервы – в 21)⁵.

17 сентября 1925 г. приказом Центрального Административного Управления (ЦАУ) № 149 было объявлено о создании трех областных школ младшего командного (с 1926 г. – начальствующего) состава милиции со сроком обучения в один год: 1-й Свердловской, 2-й Саратовской, 3-й Воронежской⁶. 5 ноября 1927 г. в г. Новосибирске была открыта 4-я подобная школа.

Генеральный вектор нового реформирования милицейского образования в те годы определялся следующим образом: «надлежащая постановка обучения милицейского состава может быть осуществлена лишь путем... создания мощных школ областного или краевого характера, материально обеспеченных и при большем внимании мест к делу подготовки работников Милиции и Уголовного Розыска»⁷. Как нами уже

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 3306. Л. 55.

² Там же. Д. 328. Л. 138.

³ Там же. Д. 328. Л. 141; Власть Советов. 1922. № 1-2. С. 52.

⁴ Там же. Д. 3306. Л. 56; Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Создание областных школ младшего командного (начальствующего) состава в середине 20-х годов XX века в контексте формирования системы милицейского образования в Советской России // Научный портал МВД России. 2021. № 3(55). С. 9.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 37. Л. 34-37, 38. Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 98-99.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 51. Д. 6. Л. 28; Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-5. Оп. 2 доп. Д. 13. Л. 154; Сборник приказов Начальника ЦАУ НКВД – Начальника Милиции Республики. 1925. № 15. С. 241.

⁷ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 285. Л. 32.

отмечалось, именно с 1923–1925 гг. можно относительно уверенно утверждать о реальном начале системного совершенствования образовательного процесса в школах РКМ¹.

Все более важную роль в процессе унификации нормативных и организационных основ образовательного процесса в школах комсостава милиции, обмена положительным опытом начинали играть совещания (съезды) начальников школ и начальников учебно-строевых частей данных образовательных организаций. Подобные совещания созывались в целях «подведения итогов работы школ и ...разрешения целого ряда вопросов учебно-воспитательного; организационного и административно-хозяйственного характера»² Первое из таких мероприятий состоялось 5-9 января 1924 г.³ В документах Отдела Милиции НКВД РСФСР есть упоминания о ежегодном созыве этих совещаний⁴, но документальные подтверждения этого нами в полном объеме пока не выявлены.

В 1924 г. были обсуждены проблемы модификаций учебных программ, планов, и, соответственно, Положения о школах среднего комсостава. В частности, было указано, что учебный план по приказу № 46/с 1922 г. «не мог быть связан с жизненной практикой, центру пришлось идти ощупью, не имея ни опыта с мест, не преемственной связи с прошлым»⁵. Среди трудностей 1923/24 учебного года также выделялись проблемы материального снабжения, отсутствие «всех положений и инструкций», неоднородность базовой подготовки поступающих, «новизна программ» и «невыработанность методов преподавания»⁶. Были перераспределены учебные часы: за счет сокращения времени на общеобразовательные и военные предметы с 342 до 784 часов выросло количество часов по правовым и «милицейским» дисциплинам. Вводились новые курсы: «организация полиции важнейших государств Западной Европы, научная техника расследования преступлений»⁷.

В ходе совещания, состоявшегося 25-30 сентября 1926 г., был отмечен обусловленный развитием народного хозяйства, урбанизацией, повышением «благополучия страны и культурного уровня трудящихся» рост «потребности в квалифицированных командных кадрах милиции»⁸. Для повышения качественного уровня обучавшихся начальникам школ

¹ Третья школа младшего комсостава рабоче-крестьянской милиции в системе образовательных организаций НКВД РСФСР / А.П. Нахимов, А.В. Кирнос, В.А. Колесников, А.В. Артемченко. Воронеж, 2019. С. 176.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 51. Д. 12; Кожевина М. А. Указ.соч. С. 123.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 36. Л. 40.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 51. Д. 5. Л. 13.

⁷ Николаев П.Ф. Подготовка командных кадров милиции в СССР. (1917–1929 гг.) : краткий очерк. Омск, 1969. С. 36.

⁸ Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 80.

рекомендовалось: 1) обеспечить прием в школы только тех сотрудников РКМ, которые имели опыт работы в соответствующих органах не менее одного года, 2) усилить административное воздействие на нарушителей дисциплины вплоть до исключения, с отправкой соответствующей характеристики в комплекующий орган, 3) долю количество членов коммунистической партии среди «переменного состава» школ до 75%¹.

Значимое место среди подобных мероприятий заняло совещание, проведенное 18-22 апреля 1928 г. Отметим, что временные рамки его организации неоднократно переносились. Так, в предписании ЦАУ НКВД от 19 ноября 1927 г. № 25.4120.96 временем проведения совещания был объявлен январь 1928 г.², а в докладной записке и.о. Начальника Милиции Республики И.Ф. Киселева наркому внутренних дел от 25 января 1928 г., дата открытия была намечена на 25 марта, а общее время проведения совещания определялось в «4-5 дней»³.

При определении целесообразности нового мероприятия было отмечено, что, в отличие от совещания 1926 г., ставившего задачей «главным образом, разрешение вопросов хозяйственных, быта, жизни курсантов и организационных», теперь необходимо «подвести итоги работы школ», выявить «насколько существующая система обучения работников милиции отвечает своему назначению, насколько правильно взята линия в части подготовки работников, как и чему учить в дальнейшем», а также, выяснение «возможности проведения рационализации в школах Милиции, ...роли школ в работе местных адмотделов по подготовке личного состава Милиции»⁴.

Для совещания был характерен широкий спектр участников. Помимо руководителей ЦАУ НКВД, начальников как самих школ, так и их учебных частей присутствовали представители от ЦАУ НКВД Украинской ССР, от ЦАУ НКВД Казахской АССР, научно-исследовательской секции Осоавиахима, от Сибкрайадмотдела, Дальне-Восточного крайадмотдела, Вятского, Нижегородского, Иваново-Вознесенского адмотделов⁵. В «целях взаимной информации» был привлечен ряд начальников школ, находившихся на местном бюджете (Вятской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Самарской, Тверской). Характерной особенностью стало приглашение «преподавателей правовых предметов», а 3-я Воронежская

¹ Киселев И.Ф. Итоги совещания начальников милицейских школ // Административный вестник. 1926. № 11. С. 38.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 6.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 1; И. В. Итоги совещания начальников школ милиции // Административный вестник. 1928. № 6. С. 19.

⁵ Изначально также изъявляли готовность участвовать «представители союзных республик (...Крыма, Белоруссии, Азербайджана...)» ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 1-2, 27; И.В. Итоги совещания... С. 19.

школа в инициативном порядке оговорила прибытие за собственный счет «преподавателя по милицеским предметам» Черткова¹.

В докладе И.Ф. Киселева об итогах работы школ и о перспективах на 1928–1929 г., содокладах старшего инспектора отдела подготовки И.Ю. Цветопольского об организационных вопросах и построении школьного дела и начальника отдела уголовного розыска Н.А. Николаевского об организации школ Угрозыска был отмечен определенный прогресс в организации милицеского образования. В частности, количество госбюджетных школ доведено до 7, а общее количество переменного состава с 1032 до 1216 штатных единиц. Были организованы 6 уголовно-розыскных отделений с общим количеством обучавшихся в «20% к штатному составу». При Свердловской школе было организовано пенитенциарное отделение на 30 человек. При Новочеркасской школе – отделение младшего начсостава на 50 человек, а при Саратовской школе специально-немецкое отделение. В 1927–1929 учебном году школы среднего начсостава окончили 144, а школы младшего начсостава – 436 человек. Начала стабилизироваться и подготовка в местных школах, наметились тенденции к унификации образовательных программ².

Вместе с тем был фиксирован и ряд проблем, зачастую ставших уже традиционными. «Основным злом, срывающим подчас всю работу школ, является: необеспеченность школ, отсутствие правового положения школ, недостаточность зарплаты курсантов, так что работники милиции более высших категорий не идут в школу вследствие того, что получаемые ими оклады гораздо выше зарплаты курсантов, неопределенность положения окончивших школы»³.

В ходе прений по докладам и содокладам и работы специально сформированных временных комиссий на совещании был разработан комплекс задач, ставившихся перед вновь модернизируемой системой милицеских школ. Обобщая их, можно выделить следующие направления реформирования: 1) организационная работа; 2) учебно-воспитательная работа госбюджетных школ; 3) работа местных адмотделов по подготовке личного состава милиции.

Трансформировался концептуальный подход к самому милицескому образованию, «с обращением особого внимания на подготовку не только исполнителя советских законов, но и культурного советского администратора». Соответственно школы должны были «поставить себе задачу готовить не только специалистов того или другого дела, но, главным образом, администратора с широким политическим и культурным кругозором, общественника»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 47. Л. 15-16.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 30-31.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 28-32; И. В. Итоги совещания... С. 20.

⁴ И. В. Итоги совещания... С. 19–20.

В организационном плане это означало окончательный отказ от частично проявлявшегося в ходе содокладов и прений «увлечения в создании узко-специальных школ», в частности, для сотрудников уголовного розыска. Подготовка «работников милиции, угрозыска и мест заключения» должна была осуществляться «в единых школах НКВД, организовывая для важной группы работников лишь специальные отделения (милицейские., уголовно-розыскные, пенитенциарные)». Особое внимание в ближайшие годы следовало уделить подготовке не младшего, как ранее, а среднего начсостава. Положение о школах НКВД должно было проводиться в законодательном порядке. Предусматривались и первые шаги по организации при Отделе Милиции НКВД краткосрочных курсов для переподготовки работников старшего и высшего начсостава. С другой стороны, требовалось усилить взаимосвязи госбюджетных школ с местными адмотделами, они должны были стать «лабораторией по научной проработке административно-милицейской и уголовно-розыскной службы»¹.

Особое внимание в очередной раз уделялось проблемам комплектования. Мы уже подробно рассматривали данный вопрос в ранних публикациях² и, поэтому, обратим внимание лишь на важнейшие аспекты. Так, предполагались:

- законодательное оформление «обязательности обучения личного состава милиции с установлением такого порядка, чтобы все вновь назначенные лица младшего и среднего начсостава милиции (за исключением руководящего) утверждались в должности по окончании соответствующей школы или заочного прохождения курса», а к выпускникам школ местные адмотделы относились бы максимально внимательно, принимая меры дальнейшему их «продвижению и к созданию более благоприятной обстановки» для их работы;

- включение в рамки комплектования выездов ответственных работников школ в адмотделы закрепленных за школами краев и областей для отбора кандидатов;

- недопущение отказов руководства местных адмотделов кандидатам из лучших сотрудников в откомандировании для поступления в школы;

- активизация роли партийных и профсоюзных организаций в подборе кандидатов;

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 35-37; И. В. Итоги совещания... С. 20.

² Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Не которые особенности нормативного регулирования наборов на учебу в школы младшего и среднего командного (начальствующего) состава РКМ РСФСР в середине 20-х годов XX в. // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 9–24; Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А., Артемченко А.В. Третья школа младшего комсостава рабоче-крестьянской милиции в системе образовательных организаций НКВД РСФСР. Воронеж, 2019. 209 с.

– сохранение за курсантами школ ставки по последней занимаемой должности;

– концентрация на уголовно-разыскных отделениях лучших курсантов, в частности, за счет приема на них действующих агентов УГРО с практическим стажем не менее года¹.

В рамках учебно-воспитательной работы предусматривалось унификация учебных планов первого курса школ среднего начсостава милиции и школ младшего начсостава. Это должно было дать возможность выпускникам школ младшего начсостава сразу поступать на второй курс школ среднего начсостава. Этим обеспечивались сокращение сроков и удешевление стоимости обучения среднего начальствующего состава РКМ.

Очередной трансформации подверглись как распределение часов, так и содержание наборов учебных дисциплин:

– увеличивалось время, отводимое «на прохождение правовых и милицейских предметов за счет сокращения подсобных и общеобразовательных предметов»: на специальные предметы должно было отводиться не менее 50% общего количества часов, на общеобразовательные и политические – 30%, на военные – 11% и на «подсобные» – 9%²;

– были рассмотрены и частично одобрены отдельные новые программы по правовым и милицейским предметам; предусматривалось «комплексирование отдельных родственных дисциплин» вплоть до их полного слияния (изучения делопроизводства по дознанию и уголовно-процессуального кодекса, административного права и службы милиции и т. д.)³;

– указывалось на необходимость использования комбинированного метода обучения, «с обращением наибольшего внимания на развитие у курсантов активности и самостоятельности⁴»; при выборе его конкретных составляющих необходимо было ориентироваться на 1) методические навыки конкретного преподавателя и уровень подготовленности курсантской группы; 2) особенности преподаваемой дисциплины; 3) наличия учебной и учебно-методической литературы;

– работа по повышению общей грамотности отныне должна быть не только исключительной прерогативой уроков по русскому языку, но реализовываться в рамках обучения по всем предметам:

– повышалась практическая ориентированность обучения: на практику, проводимую при тех адм.отделах, откуда курсанты были

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 35-37; И. В. Итоги совещания... С. 20–22.

² На уголовно-разыскных отделениях вводились собственные планы. И. В. Итоги совещания... С. 21–22.

³ И. В. Итоги совещания... С. 21–24.

⁴ И. В. Итоги совещания... С. 21.

откомандированы, в школах младшего начсостава милиции должно было отводиться не менее 6 недель, а на 2-м курсе школ среднего начсостава – не менее 2 месяцев, с обязательным последующим разбором ее результатов; кроме того, в процессе изучения конкретных дисциплин, курсанты должны были периодически отправляться в местные отделения милиции для практической проработки конкретных программных тем;

- существенно усиливалась военизация милицеейских школ: с одной стороны, их внутренний распорядок полностью перестраивался по типу военных школ; с другой, обучение военному делу должно было осуществляться по единым программам, разработанным НКВД по согласованию с РККА; с третьей, устанавливалось специальное время для проведения военного обучения при местных адмтделах (не менее часа в неделю «сверх положенных 4-х часов, сверх рабочего времени и без особой платы»¹);

- акцентировалось внимание на усилении материального и кадрового обеспечения качественных занятий по физподготовке, с введением в штат должности инструктора физкультуры.

При определении перспектив работы местных адмтделов по подготовке личного состава милиции совещанием были намечены.

- перевод всех сохранившихся милицеейских школ, финансировавшихся из местных бюджетов, на годичный срок обучения, с распространением на них всех положений и программ соответствующих школ, состоящих на госбюджете;

- организация во всех губерниях и окружных центрах, где милицеейские школы отсутствовали, трехмесячных курсов для переподготовки работников;

- реорганизация всех имевшихся местных курсов в трехмесячные, с устранением случаев одновременных наборов на них городских, волостных милиционеров и начальников волостных милиций;

- обязательную месячную профподготовку всех вновь поступавших на службу в РКМ;

- обязательность выделения местными исполкомами фиксированного процента отпускаемых по бюджету сумм на снабжение личного состава учебными пособиями, оплату лекций повторных занятий, иную учебную деятельность местных школ и курсов по смете адмтделов.

Таким образом, на совещании начальников милицеейских школ 1928 г. был сделан новый важный шаг по пути модернизации и централизации милицеейского образования в Советской России, создавший организационные и дидактико-педагогические основы для последующего реформирования. Внимание было обращено и на необходимость унификации системы милицеейского образования в рамках всего СССР. В материалах Совещания отмечалось: «необходимо выработать единую

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 35–38; И. В. Итоги совещания... С. 20–22.

установку основных предметов работы, что требует выработки единых установок милиции всего Союза выработки единых руководящих указаний и единой системы обучения по всему Союзу ССР»¹.

И очередные инновации не заставили себя ждать. На основании Приказа НКВД РСФСР от 19 мая 1928 г. № 74 все школы среднего и младшего начальствующего состава милиции, находившиеся на госбюджетном финансировании, были переименованы в школы НКВД административно-милицейских работников с передачей их под управление соответствующих региональных административных отделов². Они сохранили прежнее финансирование, имели единые учебные планы и готовили средний начсостав с годичным сроком обучения³. Нумерация трех бывших школ среднего начсостава (Ленинградской, Омской и Новочеркасской) не изменилась, бывшие школы младшего начсостава (Свердловская, Саратовская, Воронежская и Новосибирская) получили номера с 4-й по 7-ю⁴. В развитии советского милицейского образования начинался новый этап.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 46. Л. 38.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 5. Л. 65.

³ Начальника районного адмотдела, его помощника, инспектора РАО, инспектора уголовного розыска, заведующего бюро принудительных работ, пом. нач. мест заключения и принудработ, инспектора ведомственной милиции и др. Власов В. Проблема кадров в административных органах // Административный вестник. 1930. № 7. С. 12, 17; Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888–1942 гг.). Воронеж, 2017. С. 279.

⁴ 29 августа 1929 года 7-ю школу переводят во Владимир, а с апреля 1930 г. – в Нижний Новгород. С 1930 г. добавились 8-я школа в Благовещенске и 9-я – в Смоленске (ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 74, 75).

Кирпа Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук, преподаватель
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ЭКСКУРС В РАЗВИТИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: 1802–1917 ГГ.

Наступивший год ознаменовывается 220-летием с момента образования министерской системы управления, законодательно закреплённой Манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 года¹.

Несмотря на обрушившую критику на реформу в системе государственных органов Российской империи, на его первые недостатки, нельзя недооценивать её роль для отечественной истории. Наблюдается устойчивый интерес к органам правопорядка, к его представителям и в настоящее время, в частности к министерству внутренних дел. Это обусловлено и современной реформой 2011 года, которая также как и реформа 1802 года была неизбежной в силу многих причин общественно-политического и социально-экономического характера.

Как известно история имеет циклический характер, поэтому мы все чаще обращаемся к её источникам для того, чтобы не повторять ошибок прошлых столетий. Каждый этап становления и развития Министерства внутренних дел напрямую связан с событиями, происходящими в стране. На примере периода Российской империи, т. е. с момента образования министерств и до образования рабочей милиции выделим и рассмотрим основные этапы его преобразований.

Первый период 1802–1819 гг. непосредственно связан с учреждением министерств и законодательными актами, на основании которых происходили соответствующие преобразования. Итак, на основании Манифеста 1802 года было образовано восемь министерств, в их числе собственно Министерство внутренних дел. Каждое министерство возглавил соответствующий министр. В виду большого объема полномочий в некоторых министерствах, в том числе в составе Министерства внутренних дел вводилась должность помощника министра. В этот же исторический период были приняты следующие нормативно-правовые акты: 1. Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению

¹ Полное Собрание законов Российской Империи. № 20.406. Т. 27 (1802–1803). С. 243.

принадлежащих» от 25 июля 1810 г.¹; 2. «Высочайше утвержденного разделения государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г.²; 3. «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.³

Исходя из наименования первого законодательного акта, определялся основной круг полномочий ведомств. В том числе были образованы новые учреждения, в их числе и Министерство полиции, которое было выделено из состава Министерства внутренних дел и на которое возлагались функции по обеспечению внутренней безопасности, за последнем же оставались функции административно-хозяйственного характера.

«Высочайше утвержденного разделения государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. более детально разграничило полномочия между министерствами, выделило ряд функций и передало их в ведение Министерства полиции. Речь идет о медицинском управлении. Таким образом, Министерство внутренних дел теряло свое монопольное положения в этом направлении.

Наконец «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. закрепило центральное положение министерств в государственной системе. Этот факт подтверждается объемом и характером полномочий, возлагаемых на министерства: внутренняя и внешняя безопасность и политика, социально-экономическая сфера, правоохранительная деятельность.

В состав Министерства полиции были введены департаменты: полиции хозяйственной; полиции исполнительной; полиции медицинский.

Возглавил Министерство генерал-лейтенант генерал-адъютант Балашов Александр Дмитриевич, который сохранил пост министра вплоть до его объединения с Министерством внутренних дел, то есть до 4 ноября 1819 года. Из состава Министерства полиции были выделены два Департамента – Торговли и Мануфактур. Министерство внутренних дел таким образом вновь претерпело структурные изменения. Как и Министерство юстиции оно относилось к числу учреждений, выполнявших правоохранительные функции.

Подводя итог, следует отметить, что именно в данный хронологический период были сформированы основные приемы организации министерской системы управления.

Второй период 1819–1855 гг. характеризуется устойчивостью развития тех начал, которые были заложены в предшествующий период.

¹ Полное Собрание законов Российской Империи. 24.307. Т. 31 (1810–1811). С. 278–280.

² Полное Собрание законов Российской Империи. 24.326. Т. 31 (1810–1811). С. 323–328.

³ Полное Собрание законов Российской Империи. 24.686. Т. 31 (1810–1811). С. 686–728.

На Министерства перестали смотреть как на что-то новое и неизвестное, общество приняло и признало, что данная система управления является эффективным административным механизмом.

С укреплением функциональной устойчивости Министерства внутренних дел, в оба в эти периода прослеживается «идеальная картина» развития народного продовольствия, городского и земского хозяйства, здравоохранения и других подведомственных сфер. Вместе с тем, централизация и стремление сосредоточить все в своих руках, полная подконтрольность сфер общественной жизни, привело к тому, что центральные и местные органы не справлялись с такой нагрузкой, возникла проблема делопроизводственного обеспечения. Центральные органы, принимая на себя всю нагрузку по подконтрольности местных органов, впоследствии обращались к ним же за помощью, вызывая тем самым противоречия в управлении.

В ноябре 1819 года Министерство вновь возглавил граф В.П. Кочубей. В этот же период принимаются Высочайшие указы, явившиеся дополнением к реформе 1819 года, касающиеся штатно-организационных изменений. Согласно Сенатскому Указу от 19 марта 1820 года «О производстве дел о ярмарках в хозяйственном Департаменте Министерства Внутренних дел» в ведение министерства соответственно передавались дела о ярмарках, ранее производившиеся в Департаменте Мануфактуры и Торговли Министерства Финансов¹. Указ от 30 мая 1822 года «О присоединении к Министерству внутренних дел Медицинской части, состоящей в ведомстве Министра Духовных и Народного Просвещения» был принят с целью прекращения затруднений, происходящих в разграничениях предметов ведения и для установления единства в производстве дел Судебной и Полицейской медицины².

При последующих министрах штатные преобразования продолжались. Отметим самые значимые из них. При министре В.С. Ланском в соответствии с именным Указом данным Министру внутренних дел «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» Канцелярия была упразднена, а ее дела передавались в ведение Третьего отделения Собственной Его Величества канцелярии под представительство Генерал-Адъютанта Бенкендорфа³.

При его последователе графе Арсении Андреевиче Закревском штат министерства продолжил увеличиваться вследствие передачи из Министерства Духовных дел и Народного просвещения типографий.

¹ Полное собрание законов Российской империи. 28.205. Т. 37 (1820–1821). С. 123.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. 38 (1822–1833). С. 218.

³ Полное собрание законов Российской империи. 449. Т. 1 (1825–1826). С. 665–666.

Именно при министре Закревском прослеживается тенденция ограничения полномочий провинциальных органов.

В 1834 году была основана статистическая часть, о необходимости введения которой еще говорил граф Кочубей. Статистическое отделение учреждалось при Совете министра, также открывались статистические отделения в губерниях.

В 1842 году при графе Л.А. Перовском указом от 27 марта «О учреждении при нем особенной канцелярии» вновь было воссоздана при министерстве Особая канцелярия, а Общая была переименована в Департамент Общих дел¹.

К 1850 годам штат Министерства внутренних дел продолжал расширяться, тем самым возрастала финансовая нагрузка на ведомство. В связи с этим было принято решение о создании Особого комитета, которым было принято Высочайшее утвержденное положение, на основании которого сокращалось делопроизводство и упразднялись ряд должностей.

Третий период 1855–1881 гг. непосредственно связан с непростыми событиями, происходившими в стране. Речь идет о решении затянувшегося крестьянского вопроса и росте неблагоприятных элементов населения, все это напрямую отразилось на деятельности Министерства внутренних дел, на его структурных преобразованиях.

Внимание министра С.С. Ланского было сосредоточено на крестьянской реформе. Для решения этого вопроса из Статистического Комитета 4 марта 1858 года было создано новое ведомство – Центральный Статистический Комитет, состоящий из двух отделов: Статистического и Земского. Его же приемник П.А. Валуев не разделял позицию Ланского, тем не менее продолжил организационные преобразования в этом направлении.

27 июля 1861 года было выделено в самостоятельное учреждение Земское отделение Центрального Статистического Комитета, в котором были сосредоточены крестьянские дела. Центральный комитет также был преобразован, он трансформировался в бюро, куда стекались все статистические данные.

6 апреля 1865 года в составе министерства был образован Техническо-Строительный Комитет, перешло руководство Строительным училищем в Санкт-Петербурге, а также в сентябре этого же года учреждалось Главное управление по делам печати.

В декабре 1867 года Почтово-телеграфное ведомство вновь перешло в ведение министерства, это было связано с назначением на должность министра внутренних дел А.Е. Тимашева, который ранее возглавлял Министерство Почты и Телеграфа. Внимание последнего также было

¹ Полное собрание законов Российской империи. 15431. Т. 17 (1825–1881). С. 242–243.

направлено на ветеринарное дело. Попытки реформирования Статистического отдела не венчались успехом. Среди реформ при министре Тимашеве следует отметить: принятие нового Городового положения, преобразование крестьянских учреждений, введение всеобщей воинской повинности, в том числе положительные преобразования в полицейской части.

Внимание следующего министра Льва Савича Макова было приковано на тюремную часть. Итогом его деятельности стало Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного Тюремного управления» от 27 февраля 1879 года, согласно которому ему велено было провести тюремное преобразование¹.

Рост террористической деятельности побудил на создание Верховной следственной комиссии, которую возглавил Генерал-Адъютант Граф М.Т. Лорис-Меликов. В задачи данного ведомства входило обеспечение охраны государственного спокойствия. Данное учреждение носило временный характер, после его упразднения дела были переданы в Министерство внутренних дел. Также в очередной раз было расформировано Третье отделение Его Величества Собственной Канцелярия, а дела переданы во вновь созданный Департамент Государственной Полиции (Указ от 15 ноября 1880 года «О соединении Департамента Государственной Полиции и Полиции Исполнительной в одно учреждение – Департамент Государственной Полиции»), в состав которого входил особый Судебный отдел, которому было подведомственны дела государственные².

Высочайшим Указом от 6 августа в ведение министерства также передавался Отдельный корпус жандармов.

После назначения в качестве министра М.Т. Лорис-Меликова из состава министерства вновь были исключены Почтовый и Телеграфный Департаменты. В качестве новшества новый министр предложил провести Сенаторскую ревизию с целью познания умов общества в различных губерниях страны. Идея была полностью поддержана Императором.

Как мы видим, все функциональные и организационные особенности министерства внутренних дел данного периода тесно связаны с реформаторской деятельностью Императора и имеют достаточно напряженный характер.

Четвертый период 1881–1902 гг. деятельности Министерства внутренних дел связан с началом вступления на престол императора Александра III и его реформаторской деятельностью. Особенностью

¹ Полное собрание законов Российской империи 59360. Т. 54 (1879 – 18 февраля 1880). С. 96–98.

² Полное собрание законов Российской империи 61550. Т. 55 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881). С. 652.

данного периода также было незначительное преобразование самого министерства, влияние самого министерства на административно-государственное устройство государства.

При министре Графе Н.П. Игнатьеве, в состав министерства вновь были включены Департаменты Духовных дел, Почтовый и Телеграфный. Приемник Лорис-Меликова продолжил его дело, касаемое сенаторских ревизий, а также решение крестьянского вопроса. С этой целью учреждалась Особая Комиссия для составления проекта местного управления. Идеей данного направления являлось слияние административных учреждений, налаживание связи между общественным управлением и администрацией, с разграничением их прав и обязанностей. Итоги работы выше указанной комиссии были переданы в министерство уже при следующем министре Графе Д.А. Толстом. В докладе министр делал упор, что при всяких преобразованиях должно учитываться мнение и культура русского народа, российского законодательства, а не модель европейских государств, под началом самого самодержца, так как он и есть основание государства. Также указывал, что проблемой всего является местное управление в лице крестьян. Однако не винил в этом крестьянскую реформу, а реформу судебную, которая отделила власть судебную и административную, тем самым разграничив власть между крестьянскими и уездными делами в лице различных должностных лиц. В такой ситуации крестьянство по сути не знало к кому из них обращаться с различного рода вопросами. Также Граф Толстой делает вывод о том, что Министерство внутренних дел при таком порядке остается вне управления над местными делами, так как городское, земское и крестьянское управление подчиняется верховному руководителю Сената¹.

В качестве основных выводов и предложений министр Д.А. Толстой предлагает в качестве основы местного управления заложить принцип единства власти. «Все местные учреждения должны быть учреждениями правительствующими, находящимися в связи с центральной представительной властью. Доверие и уважение к ним со стороны населения должно быть обеспечено привлечением на службу в эти учреждения лучших местных людей»². Доводы министра нашли одобрения и легли в основу местной реформы.

На основании Высочайшего указа от 25 июня 1882 года «О распределении прав и обязанностей по управлению Отдельным Корпусом Жандармов между Министром внутренних дел и одним из товарищей его, с присвоением последнему наименования Командира назначенного Корпуса»³, Министр внутренних дел стал верховным руководителем всех полицейских органов в сфере государственной

¹ Андриянов С.А. Министерство внутренних дел 1802–1902 гг. СПб., 1902. С. 171.

² Андриянов С.А. Указ. соч. С. 173.

³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 2 (1882 г.) 992. С. 343–344.

охраны. Товарищу министру непосредственно подчинялись Департамент Государственной полиции, Обер-Полицеймейстеры, Губернаторы и Градоначальники. Таким образом осуществлялся контроль за деятельностью по пресечению преступлений, полицейский надзор за деятельностью мест заключений преступников, усиленная охрана.

В 1884 году ветеринарное дело переходило в самостоятельное ведение. Сначала создавался Комитет, позже уже Ветеринарное Отделение в подчинении председателя Ветеринарного Комитета в лице директора.

Следующий министр И.Н. Дурново продолжил линию реформирования Толстова, что нашло свое законодательное закрепление: 12 июля 1889 год Положение об участковых земских начальниках¹; 12 июня 1890 год новое Положение о губернских и уездных земских учреждениях²; 11 июня 1892 год новое Городовое Положение³.

С целью осуществления контроля над страхованием земским и частным в составе министерства создавались специальные органы в лице Страхового Комитета и Отдела при Хозяйственном Департаменте.

При министре И.Л. Горемыкине Главное Тюремное Управление было передано Министерству Юстиции (13 декабря 1895г.). При его последователе в 1900 году Д.С. Сипягине учреждалось Управление по делам воинской повинности; начальник Ветеринарного отделения приравнивался Директору Департамента.

С назначением на должность министра Статс-Секретаря В.К. Плеве в 1902 году, в особую эпоху, изменилось местное управление. Это связано с активной деятельностью по административно-территориальному устройству.

Пятый период 1902–1917 гг. Заключительный этап в деятельности Министерства внутренних дел в рассматриваемый исторический экскурс, он знаменуется окончанием великой императорской эпохи и переходом из «полицию в милицию».

В связи с возрастанием в стране революционных волнений на министерство возлагаются задачи по подготовке выборов в Государственную думу.

При министре П.А. Столыпине издается Указ «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или в печати». С целью создания местных охранных отделений, а также использовании агентурного аппарата утверждено положение «О районных охранных отделениях». Во время заседания уже второй Государственной думы Столыпин заявил о необходимости реформирования полиции. 9 февраля 1907 года при Департаменте полиции создается Охранное отделение на основании вновь утвержденного положения. Продолжается

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 9 (1889 г.) 6196. С. 508–535.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. 10 (1890 г.) 6927. С. 493–511.

³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 12 (1892 г.) 8707. С. 430.

работа по развитию оперативно-разыскной деятельности, создается Агентурная часть. 6 июля 1908 года учреждается Сыскная часть.

В марте 1917 года Министерство внутренних дел прекращает свою деятельность как органа централизованной системы. В крупных городах создается рабочая милиция. Временное Правительство принимает решение о необходимости замены полицейских органов на народную милицию. Ликвидируется Отдельный корпус жандармов путем принятия в апреле 1917 года циркуляра «О порядке расформирования корпуса жандармов и его упразднении».

Официально прекращает свое существование полиция после опубликования в марте 1917 года постановления «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан».

17 апреля 1917 года временное правительство издает постановление «Об учреждении милиции». В июне 1917 года все бывшие полицейские и жандармы отправлены на фронт с лишением права занимать командные должности.

Временное управление по делам общественной полиции переименовывается в Главное управление по делам милиции.

Подводя итоги, следует отметить, что Министерство внутренних дел в системе органов государственного управления Российской империи заслуживает особый научный интерес в силу масштаба его деятельности, а также лиц, возглавлявших его. Ни одно министерство не выполняло такое количество работы по значению и объему как Министерство внутренних дел, при этом затрагивая важнейшие для населения и государства сферы жизнедеятельности.

Кожевникова Анастасия Михайловна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ НОВОРОССИЙСКОГО ОКРУГА

Процесс становления советской милиции не был простым и детерминировался рядом возникающих трудностей, одной из которых, к сожалению, актуальной во все времена, была кадровая проблема. Эту проблему пытались разрешить различными способами. С одной стороны – нормативно-правовое регулирование вопроса, с другой – то, что можно

назвать общественной реакцией. Кроме того, в период становления советской власти наблюдался поиск оптимальных форм организации административных органов вообще и милиции в частности.

Фонды управления архива МО г. Новороссийск достаточно наглядно отражают состояние милиции в первые годы советской власти. Характерно и то, что отдельного фонда, посвященного милиции и народному комиссариату внутренних дел, нет, материалы разрозненно размещены в различных делах самых разных фондов – от фондов Исполкома Черноморского окружного совета и волостных исполкомов, Черноморского Ревкома до материалов Рабоче-крестьянской инспекции. Представляется, что таким образом отражается то невятное положение двойного подчинения городской милиции (органы милиции находились в непосредственном ведении местных Советов и в то же время подчинялись общему руководству НКВД)¹. Документы о деятельности новороссийской милиции оказывались в различных отделах городской администрации и, соответственно, в итоге беспорядочно формировались в архивные дела. Тем не менее, даже разрозненные материалы позволяют сформулировать те проблемы, с которыми столкнулась вся милиция молодой советской республики, на примере местных материалов.

Первая и самая острая проблема – кадровая. Если говорить о правовом оформлении кадрового отбора в советскую милицию, то предъявляемые к кандидатам на службу требования – весьма скромные притом – были последовательно сформулированы следующими нормативно-правовыми актами: Постановление НКВД «О рабочей милиции» (1917 г.), Постановление НКВД и НКЮ «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции (Инструкция)» (1918 г.), декрет СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» (1919 г.), постановление «О предоставлении права красноармейцам, родившимся в 1891 г. и ранее, поступать на службу в милицию» и декрет ВЦИК СНК «О рабочей-крестьянской милиции» (1920 г.): «лица: достигшие 21 года; грамотные; пользующиеся избирательным правом в Советы; не состоящие под следствием и судом по обвинению в преступлениях; вполне здоровые и пригодные для службы; красноармейцы, согласно постановлению Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 13 февраля 1920 г.»². Но даже такие умеренные требования не решали проблему комплектования милиции.

По факту реальный кадровый состав представлял собой довольно удручающую картину: текучесть кадров, низкий уровень денежного и

¹ Колемасов В.Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции // Пробелы в юридическом законодательстве. 2012. № 2. С. 264.

² О рабочей-крестьянской милиции (положение) [Электронный ресурс] Декрет ВЦИК СНК от 10 июня 1920 года. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17629#zsddLxS0yrouc98A> (дата обращения: 10.02.2022)

вещевого довольствия привлекали зачастую на службу людей с отрицательной мотивацией. Так, в период Гражданской войны служба в милиции выступала возможностью избежать отправки на фронт. В итоге на службу в милицию поступали лица, лишь формально соответствующие предъявляемым требованиям. По факту, некоторые милиционеры не так далеко ушли от преступных элементов, деятельность которых должны были пресекать. Милиционеры могли находиться на службе в нетрезвом виде, неделями не являться на дежурства, участвовать в драках, присваивать чужое имущество и совершать иные поступки, порочащие честь и достоинство советского служащего. Такого рода проступки милиционеров нашли выражение в ряде публикаций в газете «Красное Черноморье»¹. Представляется, что исключением из правил милиционеры Новороссийского округа вовсе не являлись.

Кроме уже упоминавшихся неблагонадежных элементов, проблемой также стали сотрудники, отличавшиеся низким уровнем грамотности или вовсе безграмотные, а также склонные к нарушению дисциплины и субординации. Так, в соответствии с информационным докладом о работе отделов окружного исполкома за 1920 год в Новороссийской окружной милиции проходило службу 22 полностью безграмотных милиционера (5% от общего числа младших милиционеров), а главной культурно-просветительной задачей обозначена ликвидация безграмотности среди милиционеров. С этой целью были открыты милицейский клуб и изба-читальня при нем, а также школа старших милиционеров². В следующем году число малограмотных и неграмотных милиционеров не уменьшилось, однако в соответствии с отчетом комиссара Новороссийской отдельской милиции А.Г. Руттенберга все 22 человека «по демобилизации и при сокращении штата уволены со службы»³.

Приказы начальника милиции г. Новороссийска и его округа Тютеева за апрель-май 1920 г.⁴ содержат в себе следующие причины для увольнения милиционеров: «не соответствующий своему назначению», «не явившийся на службу без уважительных на то причин в течении _ дней», «не явившийся на службу со дня его зачисления», «за самовольную

¹ См. Кожевникова А.М. «На проделки милиционеров следует... обратить должное внимание...»: газета «Красное Черноморье» о милиции Новороссийска в 1920-е годы // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбил. Междунар. научн. конф., посвященной 300-летию российской полиции / под ред. Н.С. Нижник. 2018. С. 1663–1667; Кожевникова А.М. «Красная» милиция и «Красное Черноморье» (будни Новороссийской милиции на страницах городской прессы в 20-е гг. XX в.) // Право и государство : проблемы методологии, теории и истории: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.) / редкол.: Л.В. Карнаушенко, И.В. Яблонский, Г.П. Курдюк. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 224–227.

² УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

³ УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

⁴ УА МОГН. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 16.

отлучку с поста», «за отказ в исполнении своих обязанностей», «за спекуляцию табаком», «как находящийся под судом (следствием)», «за появление в пьяном виде в общественном месте и стрельбу», «как бывший офицер». Последнее отражало общереспубликанскую концепцию систематической политизации милицейских кадров. Если для армии ставка делалась на дореволюционных специалистов, так как речь шла об угрозе государству, то для милиции являлось недопустимым использование старых «спецов». Иными словами, результат работы милиции был не настолько важен, чтобы поступиться классовым подходом в кадровой политике. Главным для большевиков было сохранение власти любой ценой. Преступность же, как таковая, власти не угрожала¹.

Кроме того, ряд милиционеров подвергались дисциплинарному воздействию (выговор, арест на несколько суток) за неисполнение поручений старших милиционеров, неумение держать себя, распитие алкогольных напитков в общежитии милиционеров, неправильные действия по службе².

Немалое количество милиционеров увольнялись со службы по собственному желанию, кроме того, некоторых переводили по службе в другие участки и даже города, а также в другие советские учреждения.

Большой проблемой являлась быстрая сменяемость комсостава милиции. Поскольку начальствующий состав милиции, за редким исключением, комплектовался из комсостава армии, он имел надлежащую строевую и боевую подготовку, но к службе в органах охраны общественного порядка и борьбы с преступностью был не подготовлен, что влекло за собой частую ротацию кадров. Так, по материалам Государственного архива Краснодарского края с 31 марта по 31 декабря 1920 г. в Новороссийске сменилось 4 начальника милиции³. Материалы же городского архива показывают, что еще более часто сменялся средний начальствующий состав – начальники участков и их помощники. Все тот же отчет за 1921 год сообщает: «Работа Милиции за отчетный годовой период происходила при весьма тяжелых и подчас не возможных условиях, отчего страдало дело, происходила частая смена Начальников Окружной Милиции и всевозможные реорганизации пагубно отражались на общем ходе работ, но все же не смотря на это Милиция вполне справлялась с возложенными на нее обязанностями»⁴.

¹ Нечепуренко В.В. Формирование милиции Кубани и Черноморья и ее деятельность по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук В.В. Нечепуренко. М., 2003. С. 14.

² УА МОГН. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 4В, 18, 20 А, 38.

³ Кравец С.А. Организация Кубано-Черноморской областной милиции в 1920 году // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VI Всерос. научно-практ. конф. (Краснодар, 20 мая 2016 г.). Краснодар, 2017. С. 285.

⁴ УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

Структура городской и окружной милиции и ее отделов, а также административное деление города и округа постоянно менялось, что влияло на отношения подчиненности. Так, в мае 1922 года начальник Новороссийской отдельной городской РКМ с возмущением пишет председателю волисполкома станции Тоннельной: «Сообщаю что 2-й район новороссийской милиции волисполкому Тонельской волости не подчинен, а посему давать мне предписания таковой не в правах»¹. К сожалению, суть решаемого вопроса неизвестна, однако сам факт показателен.

Милиция Новороссийска и округа сталкивалась еще и с такими трудностями, как несвоевременное материальное – денежное, продуктовое и вещевое – довольствие, не обустроенность общежития для милиционеров, рабочих мест.

В уже упоминавшемся отчете за 1921 год сообщается, что главными причинами, тормозящими деятельность милиции, являются минимальный оклад содержания, плохое питание и несвоевременная выдача его об устранении этих недостатков возбуждался вопрос в Исполкоме но безрезультатно².

Еще одной немаловажной проблемой являлась полифункциональность милиции. Функциональная неопределенность вела к тому, что органы милиции занимались выполнением самых разнообразных задач, среди которых преступность отходила на задний план³. Так, в отчете о деятельности отдела управления милиции г. Новороссийска за апрель 1920 года сообщается, что подведомственная милиция была занята главным образом уборкой города от мусора и нечистот и также трупов павших во всех частях города лошадей, что и было в возможной мере закончено за исключением выплывающих с моря трупов лошадей, каковые по мере их прибоя волнами к берегу продолжают убираться⁴. В том же архивном деле хранится объявление заведующего отделом управления милиции о проведении субботника, а также доклад заведующего отделом управления милиции Новороссийского округа Романенко о проделанной милиционерами санитарной очистке города⁵.

Анализ литературы и источников позволяет сделать вывод о том, что в первые годы советской власти милиция была инструментом выполнения любых неприятных поручений местной власти⁶. При этом, выполняя самые разнообразные функции, сталкиваясь с внутренними проблемами (кадровые и структурные) и внешними (высокий уровень криминализации

¹ УА МОГН. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 77.

² УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

³ Нечепуренко В.В. Указ. соч. С. 15.

⁴ УА МОГН. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 12, 38.

⁶ Нечепуренко В.В. Указ. соч. С. 16.

общества и преступности), милиция постоянно оказывалась «за бортом» в части финансирования и материального обеспечения ее деятельности, но под пристальным вниманием как органов власти, так и общественности.

Колесникова Ирина Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

РЕШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

В судебно-экспертной практике возникла необходимость в разработке отдельных методик в области исследования продуктов речевой деятельности с целью решения задач по установлению наличия (или отсутствия) высказываний оскорбительного характера, или тех, которые содержат призывы, угрозы и тому подобное.

Актуальность решения этих задач обусловлена активизацией явлений, которые раньше были мало востребованы как предмет расследования и судебного рассмотрения дел, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации определенного лица в связи с клеветой и оскорблением, различными толкованиями текстов, их фрагментов, отдельных слов, словосочетаний; предвыборными технологиями и т. д.

В судебных и следственных органах все чаще возникает необходимость в решении спорных вопросов семантики и содержания в устной и письменной речи.

Возможность проведения лингвистических исследований в этом направлении изложены в работах российских ученых, в которых прослеживается неоднозначное решение указанных вопросов в аспекте их экспертного применения¹.

Экспертом исследуется не только логико-содержательная сторона высказывания, но и лексическая, грамматическая его формы, которые можно установить только экспертным путем.

Для проведения судебной экспертизы об установлении наличия угроз в высказываниях определенного лица, следовательно необходимо предоставить прямые доказательства (на носителях информации).

¹ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Наряду с этим следует отметить, что решения вопросов относительно угроз убийства или насилия не относятся к компетенции эксперта в области исследования письменной речи, поскольку их решение имеет правовой характер. Также вопросы (например: является ли негативная информация порочащей честь, достоинство и деловую репутацию определенного лица, есть ли в тексте призывы, направлены на разжигание национальной розни, насильственную смену или свержение конституционного строя), принадлежащие к сфере компетенции юриста, и не входят в пределы специальных знаний эксперта в области лингвистики. Ведь он не знает, может ли определенная негативная информация порочить честь, достоинство и деловую репутацию определенного лица, или есть ли определенные высказывания угрозами убийства или насилия, или могут ли определенные призывы вызвать действия, направленные на разжигание национальной розни и тому подобное.

Более того, эксперту запрещается решать вопросы, которые выходят за пределы его специальных знаний и выяснения вопросов права.

В компетенцию эксперта-лингвиста не входит установление реальных (некоммуникативных) намерений говорящего, поскольку этот вопрос связан с установлением формы вины¹.

Исследуя указанную проблему, необходимо обратить внимание на работу, подготовленную коллективом авторов, в которой рассмотрены вопросы комплексной психолого-лингвистической экспертизы².

В этой работе рассматриваются такие категории, как «пропаганда», «призыв», «угроза», «разжигание розни, ненависти», «оскорбление» и тому подобное, которые предлагается исследовать в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Авторами предоставляется четкое определение границ компетенции экспертов и отмечается, что в компетенцию экспертов не входит юридическая (правовая) квалификация деяния, установления формы вины, умысла, мотивов правонарушения. Эксперты не устанавливают тех обстоятельств, которые не нашли отражения в тексте, а устанавливают лишь выраженную в тексте цель автора, не устанавливая реальной цели и мотивов деятельности субъектов правонарушения. При проведении психолого-лингвистической экспертизы текста в компетенцию экспертов входит установление значения текста, где филологами исследуется то, что сказано, а психологами – направленность того, что сказано.

¹ Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. канд юрид. наук. М., 2012. 26 с.

² Теоретические и методические основы психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму: методическое издание Министерство юстиции Российской Федерации, Гос. учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Изд-во: ЭКОМ Паблшерз, 2011. 326 с.

Исходя из лексических толкований номинаций, исследование которых предполагается поставленными на решение экспертизы вопросами, экспертом определяемыми лингвистическими компоненты, необходимые для квалификации определенного речевого акта (оскорбление, угроза, призыв и т. п). Например, устанавливая в тексте высказывания в виде призыва, экспертом выделяется иллокутивная составляющая призыва, которая выражена в его лексической и грамматической формах.

Следует отметить, что распространенные формы призывов (призыв, призыв-апелляция, призыв-обращение, призыв-провозглашение) одновременно являются и формами побуждения других типов, и установить призыв только с грамматической стороны является проблематичным, поскольку призыв является видом речевого акта побуждения. Поэтому дифференцирование призыва и побуждения в случае совпадения их грамматических форм требует прежде всего анализа лексического состава призыва и изучения ситуации его употребления¹.

При определении в тексте такого речевого акта как угроза в экспертной практике выделяются лингвистические компоненты определенных фрагментов в исследуемом тексте, которые содержат составляющие речевого акта угрозы. К ним относятся: предмет речи, отношение (модальность), коммуникативная цель.

В случае выявления в тексте высказываний, которые совпадают по всем параметрам с коммуникативным актом угрозы, экспертом указывается наличие в тексте определенных высказываний, выраженных в форме угрозы в отношении любой лица (лиц).

Сложности в практике проведения лингвистических исследований вызывает установление в тексте высказываний, выраженных в форме обиды. Как правило, экспертное исследование базируется на наличии/отсутствии в тексте негативной информации (негативных высказываний), из-за которой приходится наличие в тексте высказываний, выраженных в форме обиды. Позитивная или негативная маркировка в тексте распознается при наличии определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, модальных, в значении которых можно выделить элементы «хороший»/«плохой» или их конкретные разновидности (добрый, злой и т. п). При наличии положительной оценки может речь идти о положительной информации, а в случае наличия негативной оценки – о негативной информации.

На основании чего экспертом устанавливается, соответствует форма высказываний с учетом языковых средств, которые употреблял

¹ Особенности призыва в судебно-лингвистической экспертизе текста // Сб. тр. науч.-практ. конф. для студентов и молодых ученых. Симферополь. Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал» (Симферополь), 2019, С. 284–285.

определенный автор, нравственным нормам общения, то есть использовал ли он слова и выражения, которые вообще не употребляются в литературном языке и нарушают нормы общественной морали.

Рассмотренные актуальные на сегодня вопросы в области лингвистических исследований требуют четкой регламентации и единого методического подхода в исследовании текстов, поскольку на практике возникает ряд вопросов, которые при отсутствии в настоящее время методик лингвистических исследований будут вызывать дискуссии среди филологов и юристов.

Косых Алексей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

ВОЛЯ, СОЗНАНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТ В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ПРАВА

Советская правовая доктрина, опираясь во многом на идеи марксизма-ленинизма, весьма прочно закрепила понимание права как выражение государственной воли. А.Я. Вышинский одним из первых определил право как «совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных советским социалистическим государством, выражающих волю советского народа, обеспечиваемых в своем применении принудительной силой советского социалистического государства...»¹. А.И. Денисов рассматривал право как «возведенную в закон волю рабочего класса, осуществляющего государственное руководство советским обществом в условиях внешнего капиталистического окружения»². Д.А. Керимов утверждал, что право – это «государственная воля руководимого рабочим классом всего трудящегося народа, выраженная в системе общеобязательных норм, направленных на охрану устоев и принципов социализма, регулирование общественных отношений в интересах строительства коммунизма и обеспеченных в своем осуществлении деятельностью государства...»³.

Утверждение о том, что советская правовая доктрина *во многом* опиралась на идеи марксизма-ленинизма использовано не случайно,

¹ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го Совещания научных работников права 16-19 июля 1938 г. М.: Госюриздат, 1938. С. 183.

² Денисов А.И. Теория государства и права. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 376.

³ Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 195.

поскольку, передаваемая из поколения в поколение, она представляла собой неточную и зачастую выборочную интерпретацию идей К. Маркса и Ф. Энгельса. В результате совершенно закономерно подверглась критике современным научным сообществом. Так, профессор В.М. Сырых называет материалистическую концепцию понимания права фальсифицированной советской правовой наукой по ряду вопросов. В частности ученый пишет, что «К. Маркс и Ф. Энгельс вопреки утверждениям советских авторов не говорили и не писали о том, что государственная воля экономически и политически господствующего класса составляет сущность права, а государственное принуждение его главный отличительный признак»¹. И действительно, если обратиться к тексту знаменитого «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, то можно обнаружить, что право в нем определялось как «возведенная в закон воля *вашего класса* (*курсив мой – А.К.*), воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни *вашего класса*»². Здесь знаменитые философы речь вели о праве буржуазном, то есть о том праве, которое должно было рассматриваться в советской правовой доктрине эксплуататорским по своей сущности, праве буржуазном, с которым нужно бороться и которому необходимо противостоять. Однако подобный подход к определению сущности права стал определяющим на многие годы.

Данный пример наглядно демонстрирует то, как неправильная интерпретация идеи, обусловленная изъятием всего одного слова или словосочетания из контекста предложения, может привести к непоправимым для юридической науки последствиям.

Несмотря на существующие в современной доктрине права неразрешенные вопросы не только методологического, но и социологического, функционального, ценностно-ориентационного характера относительно разных сторон права, понимание сущности права через призму волевого начала сохраняет свою актуальность. М.И. Байтин справедливо обосновал, что «сущность права, т. е. главное, устойчивое, закономерное, в данном явлении состоит в том, что она есть обусловленная всей реальной жизнью государственная воля...»³. В.А. Толстик и Н.А. Трусков отмечают, что сущность права заключается в его производном характере от государства, как представляется, отождествляя государство и государственную волю [«государство

¹ Сырых В.М. Материалистическая теория права: избр. М.: РАП, 2011. С. 14.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 42. [Электронный ресурс] URL: <https://socialist.news/pic/truestory/marx-permanent-revolution/communist-manifesto.pdf> (дата обращения: 04.03.2021).

³ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 64.

(государственная воля»)]¹. При этом ученые делают поправку, что подобное понимание возможно при условии абстрагирования от механизма детерминации волевого содержания.

Вместе с тем, абстрагироваться от механизмов, детерминирующих волевое содержание права, его формирование и развитие в сознании общества, равно как и действие права, его реализацию в повседневных юридически значимых действиях отдельного человека, государства в лице государственного органа или должностного лица, представляется неразумным. Ведь, как отмечает профессор В.В. Лазарев в своей монографии «Социально-психологические аспекты применения права», «творческая работа по установлению правовой и фактической основы дела, равно как и само его решение, включает в себя весь спектр психических процессов: познавательных, эмоциональных и волевых»². Поэтому методологически обоснованным в вопросе определения сущности права видится необходимость дифференциации или «разведения» таких понятий, как «интеллект», «сознание» и «воля».

В научных словарях понятие «сознание» определяется как «высшая, свойственная лишь человеку форма отражения действительности, представляющая собой совокупность психических процессов, позволяющих ему ориентироваться в окружающем мире, времени, собственной личности, обеспечивающих преемственность опыта, единство и многообразие поведения»³. В педагогике сознание рассматривают как одну из душевных способностей человека. Применительно к праву сознание представляет собой своего рода «правовой банк данных» человека, содержащий информацию материального (знания, умения, навыки) и эмоционального (чувства, переживания, эмоции) характера о явлениях правовой действительности. Неслучайно правосознание есть совокупность взглядов, идей, мыслей, чувств по поводу существующего, существовавшего или возможного права.

Понятие «воля» в учебных и научных изданиях определяется как способность человека принимать решения и руководить своими действиями на основе выработанного в результате мыслительной деятельности решения. Один из основоположников отечественной научной педагогики К.Д. Ушинский писал: «Замечая, что акт воли проявляется после того, как в душе составится идея действий, человеку весьма естественно видеть в воле не что иное, как необходимое последствие

¹ Толстик В.А., Трусов Н.А. Понятие содержания права // Государство и право. 2014. № 6. С. 6.

² Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 18.

³ Медицинская энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/29428/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 05.12.2021).

идеи...»¹. Таким образом, воля является следствием деятельности сознания. Вместе с тем, не совсем верно отождествлять волю с желанием или стремлением, поскольку данные свойства характерны и для растительного, и для животного мира. Воля же имеет психическую природу, которая выражается в осознанности или неосознанности совершаемых действий. В уголовном праве воля рассматривается как способность лица руководить своим поведением. В учебнике «Уголовное право России» под редакцией В.П. Ревина воля определяется как «сознательное регулирование индивидом своей практической деятельности, направление им умственных и физических усилий на достижение цели или удержание от активности»². Наука уголовного права большое внимание уделяет вопросам наступления юридической ответственности в ситуациях, когда человек лишен возможности проявить свою волю. Подобные ситуации могут возникнуть в результате физического или психического принуждения или в результате непреодолимой силы. В таких ситуациях человек лишен возможности руководить своими действиями (или бездействием), в том числе осознавать общественную опасность, а, следовательно, воздержаться от совершения общественно опасного деяния.

В качестве другого примера можно привести случаи, когда человек обладает устойчивой системой знаний, но при этом имеет слабые волевые качества. Скорее всего, сформированная в сознании правовая цель в подобной ситуации не будет достигнута. Но еще более абсурдной видятся случаи, когда необоснованное проявление волевых качеств не имеет интеллектуально-разумного основания. Подобные крайние проявления преобладания сознательного или волевого начала в человеке можно выразить в известных пословицах: «горе от ума» или «горбатого исправит могила, а упрямого – дубина».

Право неразрывно связано с интеллектуальной по своей природе, мыслительной деятельностью человека. Если рассудок выступает начальным звеном мыслительного процесса и позволяет трансформировать или выражать правовые идеи в языковой форме, связывать существующие понятия и умозаключения, то разум и интеллект – более сложные формы мыслительной деятельности, способствующие не только уяснению смысла правовых норм, их целевого предназначения, негативных последствий, наступающих в случае нарушения правовых норм, факторов, способствующих эффективному правоприменению, но и позволяющие создавать правовые понятия, правовые идеи, принципы права, формировать в сознании новые формы правовой действительности.

¹ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 6. / сост. С.Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1990. С. 241–242.

² Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. С. 197.

Таким образом, интеллект выступает инструментом или специальным средством, рационально соединяющим сознательное и волевое начало в человеке. Роль интеллекта в понимании сущности права определяется процессами непрерывного взаимодействия с сознанием и волей и состоит в обеспечении процессов взаимодополняющего и интегрирующего воздействия сознания и воли, выражающегося в совершении юридически значимых действий или воздержании от совершения таковых, направленных на реализацию человеком биосоциальных функций.

В заключении хотелось бы отметить, что утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 Стратегия национальной безопасности в рамках одного из стратегических национальных приоритетов «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» установила, что особое внимание в Российской Федерации уделяется всестороннему духовному, нравственному, физическому и интеллектуальному развитию детей. Кроме того, развитие системы образования, направленной на духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие граждан Российской Федерации, закреплено в качестве одной из задач, направленных на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. Данные положения должны стать прочной основой развития всех сфер жизнедеятельности российского общества в современных условиях и в ближайшей перспективе, в том числе и в сфере правотворчества и правоприменения.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

Кужевская Елена Борисовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Хвостова Анастасия Вячеславовна,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАБОТЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Термин «забота» первоначально ассоциируется, как правило, с социально-философским, педагогическим категориальным аппаратом науки. Однако, усилиями органов отечественного и зарубежного правотворчества это слово было еще и юридизировано¹. Данный подход обуславливается тем, что, помимо традиционного морально-этического, нравственного значения, данный термин получил сугубо нормативную окраску. Понятие «забота» встречается в законодательстве многих стран, в том числе и на конституционном уровне. Рассматриваемое понятие чаще всего связывают с осуществлением обязанностей государства перед гражданами, связанными с гарантированием и обеспечением всех конституционных норм и законов, которые защищают каждого гражданина, его свободу и права. Согласно более узкому подходу «забота» состоит в проведении социальной политики государства в области социального обеспечения и социального развития.

Разработка и реализация социальной политики любого государства осуществляются в рамках определенной модели, которая предусматривает с одной стороны, стратегические ориентиры развития социальной сферы, а с другой, соответствующую систему мероприятий по достижению социально-экономических целей общества². Представляется интересным рассмотреть уже существующий опыт по этому вопросу, а именно, как проявляется «забота» в американском публичном праве.

Когда подсчет голосов оказался в его пользу, Байден, на тот момент вице-президент, появился в Уилмингтоне, штат Делавэр, чтобы обратиться к встревоженной, разобщенной и страдающей стране. Он описал свою предстоящую «ответственность Президента» как «обязанность заботиться

¹ Репьев А.Г. Забота о человеке в контексте социальной функции права и государства: доктрина, практика, техника // Вестник СГЮА. 2021. № 4 (141). С. 17.

² Лозовова Л.А., Немашкалова К.Г. Анализ зарубежных моделей социальной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. С. 120.

о всех американцах». Это был короткий момент в короткой речи, но важный. Призыв Байдена к «заботе» нашел отклик в некоторых характерных особенностях американского конституционного строя, а также в современных кризисах. Концепция заботы признана в Конституции, которая предусматривает, что Президент «заботится о добросовестном исполнении законов». Он должен гарантировать, чтобы должностные лица и органы исполняли законы усердно и ответственно, но Байден говорил о долге перед самими людьми, перед «всеми американцами». Здесь его понимание заботы выходит за рамки внимания к требованиям правовых норм и к тем, чьи интересы этот закон защищает.

Такое понимание президентства как выполнения роли обеспечения заботой, было центральной темой кампании Байдена, которая не только изображала Байдена как лично заботящегося о благе, но также была сосредоточена на политических реформах в области здравоохранения, ухода за детьми и престарелыми. Телеканалы возлагали надежду на выборах на Байдена, но президент Трамп не уступил, Байден сказал, что «пора исцелять» – исцелять от агрессии и разногласий последних четырех лет, но также и исцелять в буквальном смысле от смертельной пандемии, которая месяцами поражала и парализовала нацию¹.

В этом последнем аспекте риторика заботы Байдена пересекалась с тем, что Эми Капчински и Грегг Гонсалвес назвали «политикой заботы» смелое предложение отреагировать на пандемию и восстановить государство всеобщего благосостояния по модели взаимопомощи и поддержки². В этой связи, справедливо мнение А.Г. Репьева о том, что забота (с государственно-правовой точки зрения) должна проявляться в двух формах деятельности соответствующих органов и субъектов помощи и поддержки³. Гонсалвес и Капчинский утверждают, что федеральное правительство должно нанимать социальных работников, инструкторов по санпросвет работе, помощников по уходу на дому и других лиц, обеспечивающих уход, для решения проблемы пандемии, а также более широких кризисов общественного здравоохранения, вызванных безработицей и разрушением системы социальной защиты. Их политическая программа является ответом на то, что Нэнси Фрейзер, Эмма Даулинг и другие назвали «кризисом заботы», вызванным старением населения, увеличением количества женщин, участвующих в качестве рабочей силы, постоянно гендерно неравномерным распределением

¹ Amber Phillip, Joe Biden's Victory Speech, Annotated, WASH. POST (Nov. 7, 2020), <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/11/07/annotated-biden-victory-speech/> [<https://perma.cc/D7GG-SK8U>].

² Amy Kapczynski & Gregg Gonsalves, The New Politics of Care, BOS. REV. (Apr. 27, 2020), <http://bostonreview.net/politics/gregg-gonsalves-amy-kapczynski-new-politics-care> [<https://perma.cc/Y33L-R5Q9>].

³ Репьев А.Г. Там же. С. 19.

обязанностей по уходу за детьми, приватизацией функций государства в сфере социального обеспечения и глобальной капиталистической экономикой, которая привлекает низкооплачиваемых рабочих к низкооплачиваемым услугам по обеспечению ухода.

Предложения Байденской заботы предполагают более типовую, хотя и довольно обширную программу, включающую такие пункты как универсальные дошкольные учреждения, финансирование детских учреждений и налоговые льготы для ухода за детьми и престарелыми. Значительно расширенные налоговые льготы по уходу за детьми в Законе «Об американском плане спасения»¹ начали претворять эту программу в жизнь. Такая программа основана на десятилетиях усилий по теоретическому обоснованию заботы как «общественной ценности» и, таким образом, справедливой компенсации и справедливого распределения тех услуг поддержки, которые позволяют людям выживать, расти и процветать.

Политика заботы также выходит далеко за рамки непосредственного контекста здравоохранения и ухода за детьми. Она служит признаком нереформистской уголовно-правовой реформы. Забота также формирует платформу партий для борьбы с системным расизмом, для перестроения общественной инфраструктуры, обеспечения хороших рабочих мест и всеобщего здравоохранения и в целом удовлетворения требований социальной солидарности. В этих различных контекстах теория и практика заботы признают социальную взаимозависимость и коллективную ответственность за индивидуальное благополучие.

Концепция заботы была развернута таким образом, чтобы диагностировать и исправить некоторые недуги и несправедливость нашего времени. Этот термин использовался для описания различных видов отношений и программ, начиная от буквально услуг здравоохранения или ухода за детьми до образной поддержки учреждений и ценностей. Эта статья о прогрессивном административном государстве, развивает правовой принцип общественной заботы, который отвечает этим различным социальным и политическим представлениям и пересекается с ними. Этот принцип должен позволить дискурсу заботы перейти в рамки управления в Соединенных Штатах и трансформировать их.

По мнению ряда ученых принцип государственной заботы уже существует, но должен быть более глубоко институционализирован – в рамках американского административного государства. Он регулирует поведение должностных лиц, исполняющих закон, от президента до других исполнительных и административных должностных лиц.

¹ Закон США «Об американском плане спасения» от 2021 года (в ред. от 08.06.2021). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7e159159-6210baa7-761f7d5b-74722d776562/https/www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-16472/pdf/COMPS-16472.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

Государственная забота требует, чтобы эти должностные лица действовали таким образом, чтобы учитывать и продвигать потребности, ценности и точки зрения тех, кто заинтересован в исполнении закона¹. Государственная забота исключает чисто иерархические, односторонние или инструментальные формы действий, в которых один лидер диктует своим последователям или подчиненным, что они должны делать. Вместо этого она требует, чтобы президент и административные должностные лица прислушивались друг к другу и отвечали интересам частных лиц, которых затрагивают их действия и политика. Однако государственная забота – это больше, чем структурный и процедурный принцип. Забота – это цель, которую выдвигает статутное право, мотивируя это свободой действий при принятии официального решения. В качестве регулирующей цели забота требует, чтобы государство инвестировало в благосостояние людей. Она предписывает государству предоставлять те институты, услуги и защиту, которые необходимы людям для нравственной и политической воли, но которых они не могут получить по собственной инициативе. В данном контексте речь идет о проведении социальной политики, которая, пожалуй, в большей мере, чем другие направления политики государства затрагивает каждого гражданина независимо от особенностей его материального, социально-профессионального и демографического положения. Поэтому от политиков обычно ожидается, что они должны уделять особенно повышенное внимание запросам и мнению населения в этой сфере².

Признанный в ключевых аспектах американского публичного права, принцип государственной заботы отличается от некоторых доминирующих в настоящее время практик администрирования. Во-первых, современный период судья Елена Каган, как известно, назвала «администрацией президента». Близкий родственник «унитарной теории» исполнительной власти, президентская администрация утверждает, что президент обычно может и должен руководить исполнительными органами, брать на себя ответственность за их регулирующие решения и нести политическую ответственность за эти решения. Вместо этого государственная забота настаивает на диалоге внутри исполнительной власти между президентом и подчиненными ему должностными лицами, вместо того, чтобы подчинять этих должностных лиц политическому диктату президента.

Во-вторых, можно наблюдать эпицентр консервативной реакции, которая отдает предпочтение правам определенных лиц, корпораций и религиозных групп в противовес вмешательству государства. Эта негативная концепция прав как сферы независимости от политического

¹ Blake Emerson. Public Care in Public Law: Structure, Procedure, and Purpose // Harvard Law & Policy Review, Forthcoming. 2021. P. 4.

² Салмина А.А. Общественное мнение и формирование государственной социальной политики: опыт Соединенных штатов // ЖИСП. 2010. № 4. С. 486.

сообщества игнорирует тот факт, что многие, если не большинство, личных интересов могут быть удовлетворены только с помощью системы социальной поддержки. В США исторически сложилось две системы социального обеспечения с распределением функций – частная и государственная. Причем государство отвечает главным образом за поддержание минимального уровня помощи и ее широкую доступность, а сфера бизнеса чаще предоставляет услуги на более высоком уровне, в большем объеме и более высокого качества¹. Государственная забота признает, что граждане США могут только стать и оставаться эффективными носителями прав только постольку, поскольку гражданское общество и государство обеспечивают их возможностью осуществления таких прав.

В-третьих, можно наблюдать ситуацию, когда программы регулирования оцениваются в первую очередь по показателю экономической эффективности. В практике исполнительной власти такой подход часто искажал нормативный анализ в сторону рассмотрения денежной оценки, которая не учитывала не только чистую полезность, но и отдельные ценности справедливого распределения, общественного обсуждения и социальной солидарности. Государственная забота концентрируется преимущественно на интересах и голосе обездоленных и наименее обеспеченных также, как и на многочисленных социальных и моральных проблемах, связанных с регулированием, нежели на чисто экономической выгоде.

Государственная забота строго не противоречит утилитарным рассуждениям, или языку права, или использованию исполнительной власти в общественных интересах. Государственная забота, скорее, обеспечивает способ и причину для административных действий, которые стоят особняком от взвешивания затрат и выгод, от защиты частной свободы усмотрения от государственного вмешательства, и от полномочий президента по выработке политики. Государственная забота в целом требует, чтобы государственные служащие содействовали деятельности других людей – как других государственных служащих, так и частных лиц, а не командовали ими. Это обязательство имеет формальные аспекты – забота как «способ действия – который направляет и ограничивает основную озабоченность путем предоставления услуг по уходу, – уход как «причина» действовать. Как способ действия, государственная забота требует, чтобы должностные лица занимали и учитывали позицию и ценности тех лиц, на которых влияют их действия. В качестве политической причины, определяющей официальные действия, государственная забота требует, чтобы правительство материально

¹ Бейдина Т.Е., Бейдина А.Р. Новые подходы к социальной политике в США // Вестник ЗабГУ. 2017. № 6. С. 68.

поддерживало моральные и политические способности людей, находящиеся в его юрисдикции. Как по форме, так и по существу, практика оказания государственной помощи неизменно признает взаимозависимость участников и необходимость совместных действий при реализации общих проектов.

Следует учитывать, что государственная забота признается конкретными правовыми органами, включая статью II Конституции¹, Закон об административных процедурах 1946 г.² и его прецедентное право, а также различные программные нормативные акты Американского государства всеобщего благосостояния, такие как Защита пациентов и Закон о доступном медицинском обслуживании³. Связи между этими отдельными правовыми положениями было бы трудно определить, если бы не идеи социальной и политической теории. В частности, неявный правовой принцип государственной заботы становится видимым в свете прогрессивной политической мысли и ее пересечений с феминистской теорией. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века прогрессисты выдвинули четкое понимание роли правительства в общественной жизни. Они были сосредоточены не на защите отдельных частных прав, а, скорее, на поддержке способности людей стать равными и активными членами демократического сообщества. Прогрессисты построили «матерналистское государство всеобщего благосостояния», которое распространило понятие попечительской роли семьи на общественную жизнь, потребовав от правительства обеспечивать образование, здравоохранение и другие основные материальные потребности. Этот исторический фон предусматривает многообещающие модели – и некоторые предостережения – для восстановления государства всеобщего благосостояния в настоящее время.

Хотя государственная забота является общим юридическим обязательством, применимым к должностным лицам независимо от их пола, она основана на идеях феминистской теории. Феминистки по-разному понимают «заботу» как принцип морали, сосредоточенный на социальной взаимозависимости, а не на правах личности, как политическое обязательство обеспечивать основные человеческие потребности и развитие, как социальную ответственность за обеспечение

¹ Конституция США 1787 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 10.02.2022).

² Об административных процедурах: закон США 1946 года. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7aa4a29b-6210beb8-23f615f0-74722d776562/https/www.justice.gov/sites/default/files/jmd/legacy/2014/05/01/act-pl79-404.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

³ О защите пациентов и доступной медицинской помощи: закон США 2010 года. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.41cd0c41-6210c002-e03c5580-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Affordable_Health_Care_for_America_Act (дата обращения: 10.02.2022).

как незащищенных, так и их непосредственных опекунов, как компонент демократического равенства и как неоплачиваемый или недостаточно оплачиваемый труд, лежащий в основе капиталистической экономики. Эти различные точки зрения разделяют понимание того, что зависимость является определяющей чертой социальной жизни и что правильная структура и распределение отношений между лицами, обеспечивающими уход, теми, о ком заботятся, и политическим сообществом в целом ставят центральные вопросы справедливости.

Эта феминистская точка зрения полезна для концептуализации и критики административного государства сегодня. Органы власти, осуществляющие властные полномочия, предоставляют услуги и распределяют блага от имени людей в тех случаях, когда частной инициативы недостаточно для обеспечения индивидуальных прав или общих интересов. Они заботятся об общественности. Однако, как и во многих других попечительских институтах, способность правительственной бюрократии продвигать интересы тех, кто находится в их подчинении, сопровождается риском произвола, принуждения и злоупотреблений. И тем не менее, в области административного права не теоретизируются регулирующие действия с точки зрения осторожности, обычно вместо этого они сосредотачиваются на формальных вопросах, касающихся законодательных разрешений, процедурной справедливости или конституционных проблем, таких как разделение властей. Неспособность теоретизировать и выполнить обязанность государственной заботы в рамках административного права может быть признаком ложной, возможно, патриархальной дихотомии между предположительно рациональным языком закона, права и власти, с одной стороны, и просто аффективными способностями сочувствовать беспокоится и испытывать привязанность, с другой стороны. Эту двойственность можно отвергнуть, определяя уже существующие, но недооцененные обязательства по предоставлению заботы в рамках обоснованных требований административного права¹. Американский ученый Иван Дж. Криддл обосновывает утверждение и приводит ряд аргументов в защиту того, что взаимность, сотрудничество и заинтересованность являются по крайней мере такими же важными составляющими хорошего управления, как иерархия, эффективность и беспристрастность.

Эти аргументы, можно сказать, состоят из трех частей. Во-первых, забота описывается как регулирующая цель, стимулирующее американское государство всеобщего благоденствия, в частности, в законодательстве о здравоохранении. Данная цель должна стимулировать выполнение администрацией Байдена Закона «о доступном медицинском

¹ See Evan J. Criddle, *Fiduciary Administration: Rethinking Popular Representation in Agency Rulemaking*, 88 TEX. L. REV. 441, 470 (2010).

обслуживании» и связанных с ним федеральных служб здравоохранения. Во-вторых, концепция заботы возлагает на органы власти обязанность разумно осуществлять свои полномочия. Основные требования административного права, касающиеся объяснения причин, уважения интересов доверия, а также предоставления уведомлений и возможностей для комментариев, организационно закрепляют административно-процессуальную помощь (заботу). Однако, подход к административному праву, основанный на государственной заботе, предохраняет от исключительной зависимости от анализа затрат и выгод и вместо этого будет способствовать равенству общественного участия и влияния в административном процессе. В-третьих, большое значение имеют структурно-конституционные нормы, вытекающие из обязанности президента добросовестно исполнять свои обязанности. Вопреки унитарной теории исполнительной власти, можно утверждать, что обязанность «заботиться» подразумевает, что исполнительная роль президента носит скорее косвенный и совещательный характер, чем является иерархическим управлением. Этот аргумент имеет значение для будущего независимости органов власти и государственной службы. Он требует большего уважения со стороны законодательных, исполнительных и судебных органов к профессиональному суждению государственных служащих, включая сохранение защиты от увольнения по уважительной причине и расширение процессуальных прав для кадровых сотрудников на участие в принятии решений.

Лукашов Марк Николаевич,
курсант
Краснодарского университета МВД России

Пушкарёв Евгений Александрович,
профессор кафедры теории
и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
доктор политических наук

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РОЛЬ А.Г. БЕЛОБОРОДОВА В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГИБЕЛИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Белобородов Александр Георгиевич был одним из активных революционных политических деятелей регионального масштаба в период гражданской войны на территории бывшей Российской империи в начале XX века. В историю он вошел прежде всего как один из тех, кто поставил точку на существовании монархического строя в России, формально разделив за это ответственность.

Разумеется, это было не единственной заслугой Белобородова. В период новой экономической политики он возглавлял многофункциональный народный комиссариат внутренних дел РСФСР, был активным сторонником подавления остатков контрреволюции и укрепления советской власти. Впрочем, трудовая деятельность, как и сама жизнь Белобородова закончилась также, как и у многих первых революционеров – не вписались единую партийную линию И.В. Сталина.

Современные историки изучают и спорят о событиях, активным участником которых являлся Белобородов. Расстрел царской семьи, который произошел более ста лет назад до сих пор остается и вспоминается как одна из самых трагичных страниц в нашей истории.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге в особняке военного инженера Николая Ипатьева Николай II и его ближайшие родственники были расстреляны.

Ко всей этой печальной истории был причастен политический и партийный деятель советского союза Александр Георгиевич Белобородов. Он родился 14 октября 1891 года в поселке Александровский завод. Был из семьи обыкновенных рабочих. Закончил начальное училище. В 1907 году вступил в РСДРП и с тех пор стал профессиональным революционером. На момент расстрела царской семьи он был председателем Уральского областного совета.

Долго не было известно о том, кто же все-таки отдал приказ о ликвидации царской семьи. Однако исторический факт гласит, что 12 июля

1918 года А.Г. Белобородов подписал решение Уральского областного Совета о расстреле императора Николая II. Официального приказа из центра по сути не поступало. В ходе работы органов исполнительной власти появляются даже сведения о том, что центр хотел уклониться от подозрений в свой адрес, ссылаясь на самодеятельность Уральского областного Совета. Однако показания свидетелей и очевидцев говорят на этот счет совсем обратное, что политбюро СССР знало об этом приказе.

17 июля 1918 года во всех газетах были только одни заголовки: «Расстрел семьи Николая Романова! Николай II расстрелян рабочим Белобородовым».

А. Г. Белобородов не раз проявлял свои недюжинные лидерские способности, выполняя различные поручения партии и непосредственно самого В.И. Ленина. Он настолько хорошо себя зарекомендовал, что ему поручали очень ответственные задания от партии. Именно Белобородова Ленин отправляет на подавление Вешенского восстания в качестве уполномоченного Совета труда и обороны. В марте 1919 становится председателем Исполнительного комитета Вятского губернского Совета. В этом же месяце был избран членом ЦК. Как мы можем убедиться, Белобородов был довольно видной и важной фигурой в те времена.

Дальнейшие расследования по делу о гибели семьи царя, да и сама советская пресса окрестили именно Белобородова как главного участника убийства.

Существует несколько точек зрения на то, кто же на самом деле является цареубийцей. Но история выбрала именно его. Как видится, советскому правительству было выгодно сделать так, чтобы Белобородов был причастен к этому делу. Ведь если порассуждать, то, во-первых, он был русским, а во-вторых, он был простым советским рабочим из обычной рабочей семьи. С точки зрения пропаганды это было все выгодно советским властям, мол сам рабочий народ и убил своего царя.

То, что А.Г. Белобородов был причастен, в этом нет сомнения. В качестве доказательства, помимо того, что писали журналисты и говорили следователи, следует вспомнить, что русский поэт и историк Владислав Ходасевич приводил рассказ сына Горького, который служил в ЧК, о том, что Белобородов приезжал в Москву и делал отчет в виде доклада об убийстве Николая II.

Более того, свидетели-охранники утверждают, что Белобородов приезжал в Ипатьевский дом в день убийства, и он же на следующий день участвовал в грабеже царских вещей.

Если говорить в общем обо всем этом загадочном деле, то можно сказать с определенностью, что в деле об убийстве царя и его родственников приняли участие пять человек, которые являлись членами Уральского областного Совета. Белобородов был одним из них. Только один из этих участников был убит на войне, а остальных, в том числе

Белобородова постигла участь сталинских репрессий, в следствии чего они были расстреляны и после смерти оправданы, как репрессированные жертвы.

Следует отметить еще пару фактов о Белобородове. Еще до совершеннолетнего возраста за издание прокламации, или чтобы точнее выразиться за агитацию литературы революционного характера, он попадает в тюрьму, так как, по его словам, места в приюте не оказалось. Представляется, что наказание в виде заключения в тюрьму юноши за прокламацию – это довольно жестокое наказание. Но все же дальнейшее отбывание в местах заключения свободы Белобородов решает провести, занимаясь своим образованием. Он очень много ходил в тюремную библиотеку и целыми днями читал книги, и даже пробовал написать какие-то научные статьи, опираясь на свой литературный опыт.

Именно с таким «кладезем» знаний и опыта не только в сфере образования, но и в жизни, зашел Александр Белобородов в Ипатьевский дом в 1918 году, перед этим подписав приказ о расстреле царской семьи. Без сомнения, Белобородов понимал на что он идет, и какова будет участь Николая II и всех его родственников, включая жену и детей. Но, судя по всему, он не испытывал никаких чувств жалости и сострадания. Наверное, он вспоминал про то самое знаменитое «кровавое воскресенье» и весь свой жестокий жизненный опыт.

Стоит также отметить, что большое участие в переводе царских слуг в Екатеринбург из Тобольска принял непосредственно Белобородов. Этот факт говорим нам о том, что уже во время этого перевода замыслилось и готовилось злодеяние против царской семьи.

После жестокой расправы над Царской семьей, их вещи, включая имущество приехавших из Тобольска слуг царя, оказались в руках Александра Белобородова и других членов Уральского областного Совета. Большая часть имущества была роздана доверенным людям Белобородова.

Нельзя с точностью утверждать, была бы другая участь у Николая II и его семьи, если бы Александр Белобородов не отдал приказ о расстреле. Ведь то самое подрастающее и молодое поколение, к которому относился сам Белобородов, было сильно вдохновлено идеями революции. Можно сказать, только одно, что история предписала Белобородову клеймо цареубийцы.

История жизни Александра Белобородова после ликвидации царской семьи заслуживает совсем отдельного внимания. Он стремительно подымается по карьерной лестнице и добивается больших успехов, находясь у власти. Но все же его постигнет большое падение и бесславная гибель в ходе сталинских репрессий. Однако не будем забывать, что сначала это был обычный человек из рабочей семьи со своими взглядами и мнениями.

Многие специалисты в области истории заявляют, что расстрел царской семьи был произведен именно по инициативе депутатов Уральского областного Совета. В приказе Совета говорилось, что ликвидация династии Романовых вынуждена, так как в то время банды Чехословацкого корпуса создавали угрозу для населения Екатеринбурга, а также могли похитить императора. Именно поэтому Президиум Верховного Совета вынес смертный приговор Царской семье. Войскам Белой гвардии все же получилось проникнуть в Екатеринбург, но с опозданием на неделю после расстрела.

Возможно, что на такое решение Совета повлияла совсем нелегкая ситуация в стране: это проводимая и внешняя политика, проявляющаяся в затягивании Первой Мировой войны, и внутренняя политика, и всевозможные недовольства народа, ну и само собой падение уровня жизни.

Существует информация о том, что в столице хотели вершить справедливый суд над Николаем II, но депутаты Уральского Совета принимают решение о расстреле и без всякого суда. Некоторые считают, что данное решение было принято опираясь на тяжелую обстановку в стране.

Имеется мнение, что якобы дочь императора, которую звали Анастасия, выжила и бежала из страны. Но расследования, проводимые следственным комитетом, показали, что в той жестокой бойне никто не выжил, и в дальнейшем все жертвы были захоронены недалеко от Ганиной Ямы, предположительно в Поросенковом Лугу.

В плане сокрытия тел у большевиков не было продуманных действий, они будто думали наобум. Сначала они хотели сбросить тела в Ганину Яму, но не получилось, так как была отличная видимость. Также не удалось скрыть тела возле дороги из-за появления свидетеля, и в дальнейшем тоже все шло не по плану, а спешить им нужно было до рассвета, иначе они бы никак не смогли объяснить свои действия. В итоге большевики после неудачных попыток захоронения приняли на скорую руку решение поместить тела в карьер на Поросенковом Лугу. Что примечательно, несмотря на то, что большевики делали это захоронение довольно поспешно, следователи белой гвардии не смогли отыскать останки и расследовать это загадочное дело. Детали преступления начали проясняться только спустя сто лет благодаря четкой и грамотной работе следственного комитета.

Нельзя сказать точно является ли правдой мнение о том, что Ленин отдал приказ о ликвидации, потому что официального документа из центра не поступало. Но одно можно утверждать с определенностью то, что политический деятель и профессиональный революционер Александр Белобородов, издав указ о расстреле, был одним из тех, кто был причастен

к убийству Николая II и его родственников, о чем свидетельствуют вышеприведенные факты.

Таким образом, можно сделать вывод, что действия А.Г. Белобородова по ликвидации царской семьи являлись одной из точек невозврата старого монархического и опоры зарождающегося нового советского строя. Российские монархи гибли и раньше в ходе бунтов и заговоров, в XIX веке активно выстраивали внутреннюю политику по сдерживаемому реформированию. И это сдерживание оказалось последним для Николая II, обрушив вместе с ним и само самодержавие, и империю. Интерес современников к тем событиям продиктован поиском и выработкой преемственных ценностей будущего российского общества, его примирения и объединения.

Макарова Кристина Викторовна,
старший помощник прокурора
Ипатовского района Ставропольского края,
аспирант 3 курса заочной формы обучения
факультета подготовки научных кадров
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Общая трансформация взглядов ученых, в большей степени юристов из профессиональной отрасли, представляет собой крайне негативное отношение к общему взгляду на государство и право. Ставится под сомнение лидерство между учебными дисциплинами «теории и истории государства и права», ее главенствующая роль, а также уровень фундаментальной науки в области права.

Эта склонность отказывается от ведущей роли в общественном мнении теории и истории государства и права в силу наличия склонности к близким причинам. Главные из них наблюдаются с тем, что воспринимается как когнитивно-мировоззренческие представления, они не воспринимают представление о наблюдаемом состоянии системы в целом.

На сегодняшний день, создание экстраординарных возможностей для отечественной судебной науки, поиск идей, а также пересмотр главным образом устоявшихся представлений сегмента научного сообщества, а не только закономерные результаты изменения ценностно-сегментарного наблюдения за российским обществом и в той мере, в какой это необходимо для достижений реконструкции правовых идей.

По незначительным наблюдениям удастся остановить развитие депрессивных очагов. В связи с чем, некоторые расчетные суммы

превращаются в предсказания и права в теории прав и ценностей или, на западный манер, в теологической точке зрения. Другая часть научного сообщества обсуждает вопрос организационной реформы, после которой государственно-правовые взгляды могут быть поделены на «государственные взгляды» и «правовые взгляды», при этом «государственные взгляды» должны быть подчинены конституционным, а судьба «правовое видение» не уточняется¹.

Ряд ученых последовательно меняли местами «государство» и «право» в соответствии с духом современного мира. Дело в том, что предпочтение идеи относится к основному правовому государству, а не к важному, что представляет особе значение, основанное на праве и его гуманитарных ценностях, устанавливающее государственные границы и ограничивающее рамки на нарушение высших прав, а не власть, силу и принуждение.

Объяснение комплексного характера науки, Ф.М. Раянов считает, что изучение государственно-правовых разработок «должно быть достойно оценено по результатам незаконных расследований». Ряд ученых разработали широкое приложение науки к праву. Нетрудно представить, к чему это может привести: к практическому расширению науки, к сужению ее границ в отдельных науках, проявлениям наук, антропологии и т. п., эффективности изучения дисциплин.

Ряд ученых считает, что общее положение теории и права не имеет собственного предмета, а заимствует вопросы исследования из других учебных дисциплин, в первую очередь конституционного права. В частности, К.Н. Княгинина указывает, что региональная правовая проблематика «по определению опережает решения» над определением основных положений конституционного права, что, по мнению автора, необходимо для фиксации и выделения аспектов предмета конституционно-правового и государственного исследования.

Между тем, эти ученые поспешили с выводами. Во-первых, в условиях юридического позитивизма, согласно его постулатам, вся современная государственно-правовая система России формировалась на основе невозможности установления границ структуры «регионального права», поскольку государство выступает как субъект публичного права.

Во-вторых, конституционалисты не получают таких компонентов, как «правительство», «форма собственности», «сущность собственности» и т. п., поскольку все это сохраняется из теории государства и права. Они рассматривают лишь конкретное определение сущности государства. А сущность такого сложного явления, как «управление ресурсами»,

¹ Бугаев К.В., Сысенко А.Р. Современное состояние исследований в области теории и истории права и государства // Вестник СИБИТа. 2019. № 2. С. 93–99.

многогранна, даже различна¹. Эти обязательные соображения, в том числе в силу своих особенностей и географических границ, затрагивают предмет конституционного права Российской Федерации и конституционного права зарубежных стран.

Кроме того, взгляды ученых на государство и право, их мнения включают и анализируют не только конституцию, но и гражданское и уголовное право с целью рассмотрения развития правоведения в подразделениях юридической науки.

Общее видение – это принцип, объединяющий все юридические науки, а именно частоту и практику, следовательно и право, логику и аналитику. Если эти требования не выполняются, то юридическое впечатление часто ограничивается описанием ожидаемых правовых систем и устойчивым состоянием оценок.

Несмотря на серьезные теоретические причины и процессы в частной юриспруденции, сформулировать однозначную фактуру невозможно.

С философской точки зрения, это имеет свои истоки. Во-первых, ряд теоретических вопросов не имеет достаточного согласованного обоснования, например исходные вопросы управления и права, природа управления и права и т. п. определяет суеверное поведение.

Во-вторых, сама теория, общее представление о государстве, в т. ч. правовом, проявляются идеологически, а не нейтральны с точки зрения управления и правового государства. В частности, вопросы типологии и применимых прав, изложения теорий и правопонимания рассматриваются с точки зрения марксизма-ленинизма, а в Новое время они заключаются с точки зрения однозначно центральных идей западноевропейского либерализма.

Так, некоторые исследователи критикуют общий взгляд на государство и право с развитием утопических идей, например, о социализме, человеколюбии, возможности достижения преступности и т. д.

Конечно же, оно возможно как реальный объект познания общества, не способное полностью приблизиться к той аппроксимации, которая является концепцией научного познания².

Эти проблемы в развитии юриспруденции свидетельствуют о том, что изменения в картине мировоззрения были вызваны резкой активизацией способов, соответствующих новым чувствам и эмоциям нарушения правовых свойств в государствах. И перед возникновением сообщества есть два очень важных и до сих пор неразрешенных вопроса: взять на себя правовую ситуацию или ввести новую правовую доктрину.

¹ Кожевников В.В. Общая теория государства и права: в защиту базовой, методологической юридической науки // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. № 4. С. 72–79.

² Тюменева Н.В. Современные проблемы развития общей теории государства и права // Эпоха науки. 2017. № 10. С. 72–79.

На сегодняшний день еще рано предсказывать путь, поскольку деструктивные датчики все еще являются наркотиками как в государственно-правовой экспертизе, так и в отраслевой науке. Ясно одно: теория и история государства и права как наука и как учебная дисциплина существует с 1990-х годов, поскольку в XX веке подозрений на систему было достаточно с точки зрения юридического позитивизма. Поэтому, пока позитивизм права является высшим учением, правовая система не будет ликвидирована.

В этой системе следующей фундаментальной наукой будет предмет познания, призванный изучать особенности отдельных сторон, развития и функционирования государства и права, правовых функций и первичных государственных процедур. В России система познания принимается во всем нематериальном познании предмета познания в исследованиях теории и истории государства и права, которое определено как форма, синтезирующая практические направления и теории, дающая философское обоснование юридические проблемы.

В ходе реализации наложение разработки осуществляется не только общей лексикой, юридическими понятиями и аксиомами, но и философскими исследованиями и обоснованиями.

Считаю, что «золотой век российского права» дает много поводов для пересмотра, иногда задерживает сомнение в «вечных» истинах, хотя в обосновании теории и истории государства и права нет строгих оценок и правовых понятий, нет ограничений на выбор темы и методов исследования, и реальность самого государственного права. Однако было бы интересно сосредоточиться на осмыслении новых фактов, а не на согласовании их с уже имеющимися.

Мартынова Ольга Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия

Дякун Антон Александрович,
студент 3 курса
факультета подготовки специалистов для судебной системы
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия

**ДОКАЗЫВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ,
КВАЛИФИЦИРУЕМОГО КАК ПЫТКА
ИЛИ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ**

*«Когда ты наконец сдашься, то сделаешь это добровольно»
Джордж Оруэлл, роман «1984»*

Принудительное влияние на человеческую психику – тонкий психологический инструмент, позволяющий присвоить индивиду выгодную для исполнителя модель поведения. Понуждение к определенным действиям проявляет себя тем более эффективно, чем контрастнее становится расхождение в иерархии между субъектами в конкретно выделенной системе межличностных отношений. Стороне агрессору необходимо внушить жертве чувство страха, стыда и бессилия, продемонстрировать ее физическую и моральную слабость, заставить быть покорной. Подобное состояние унижает достоинство личности, доставляя глубокие морально-нравственные страдания. Выделение в науке психологического аспекта пытки и жестокого обращения направлено на установление ряда обстоятельств, доставляющих страдания без причинения механических повреждений и фактически нарушающих права человека.

В отличие от психических страданий, за чувство физиологической боли отвечают специальные нервные волокна, называемые ноцицепторами. При переходе порога генетически заложенного уровня допустимого восприятия, они направляют сигнал в центральную нервную систему, который квалифицируется мозгом в качестве болезненного ощущения. Таким образом, для причинения чувства боли необходимо непосредственно воздействовать на структурную целостность организма, что оставляет конкретные следы, поддающиеся описанию, также благодаря им возможно делать выводы о полученной мере страданий. Природа психологического шока шире, она основывается на избыточных

переживаниях, нарушающих нормальную психическую активность индивида. Доказывание такого рода воздействий – крайне непростая задача, требующая индивидуального подхода для каждого случая. Также следует различать психологическую пытку и психические последствия физического насилия. Последние носят характер последствий применения методов физиологического воздействия.

Существует также давление, находящиеся на стыке психического и физического, когда страдания причиняются «без следов» и «без прикосновений», что позволяет достигать нужного болевого эффекта с незаметными для неспециалиста повреждениями. Лучшее всего данную методологию отражают так называемые «Пять методов» – это обобщенное название 5 способов дознания с применением сильного психоэмоционального воздействия на человека, признаваемых в мировом сообществе бесчеловечными, но не являющимися пыткой¹. Данная методика дознания была описана и активно распространялась в Британском Содружестве во 2 половине XX века, хотя официально не была закреплена ни в одном документе. Способ допроса состоял из 5 специальных факторов давления, применяющихся отдельно, либо в совокупности. Первый способ – пытка положением: человек обязан находиться в неудобной, болезненной позе под страхом физического наказания или насильно в ней закрепленный. Второй способ – лишение сенсорных чувств, например, допрашиваемому надевают плотный мешок на голову и снимают только во время допросов. Третий метод – шумовой: воздействие громких и раздражающих звуков, например, гул серены или белый шум. Четвертый метод – лишение сна накануне допроса. Пятый метод – ограничение в пище и жидкости. Позиция ЕСПЧ по данному вопросу дана в деле Ирландия против Соединенного Королевства № 5310/71 (1978 год)². Суд пояснил, что при применении данных методов не достигается та степень интенсивности и жестокости страдания, которой было бы достаточно для классификации их в качестве пытки. Также Суд отметил, что, в отличие от других видов жестокого обращения, психологическая пытка, зачастую, требует доказательств ее направленности на достижение конкретной цели. Доказывается такого воздействия через медицинскую экспертизу, путем исследования организма на предмет скрытых повреждений.

Гораздо сложнее дело обстоит с сугубо психологическим насилием. При отсутствии механических повреждений, специалисты вынуждены

¹ См., напр.: Основные источники и методы анализа судебной практики в сфере применения уголовного закона: учебно-методическое пособие / Н.В. Артеменко, А.М. Разогреева; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2020.

² Информация ЕСПЧ от 22.03.2016 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства (Ireland v. United Kingdom)» (жалоба № 5310/71) Ходатайство о пересмотре Постановления Европейского Суда от 18 января 1978 г. // СПС Консультант ПЛЮС.

доказывать, что определенные действия, при конкретных обстоятельствах, вызывали у индивида сильные морально-нравственные страдания и доставляли душевную боль. Одним из самых тривиальных способов причинения подобных травм является устрашение, которое достигается самыми разнообразными способами, например, инсталляцией казни, демонстрацией акта физических пыток или насилия, а также угроза их применения, манипуляция фобиями человека и угроза причинения вреда его родственникам. Часто процесс ожидания и чувство неотвратимости причиняет лицу огромные страдания, вызывающие долговременные психические муки. Чрезмерность полученных страданий приводит к появлению посттравматического стрессового расстройства, также последствия могут выражаться в соматических (физических) реакциях организма, например, кожная сыпь или появление частых головных болей.

Следующий способ психологического влияния – лишение контроля человека над собственными действиями и посягательства на его самооценку. Данный вид насилия направлен на разобщения всех аспектов жизни человека. Непредсказуемая обстановка, хаотичные графики приема пищи, сна и проведения допросов, лишение доступа к свету, воздуху и информации, навязывание противоречивых правил, их постоянное изменение, постоянное наблюдение, принудительное обнажение и домогательства, а также принуждение к участию в собственных пытках подрывает моральное здоровье человека, вызывая эмоциональную и психическую зависимость от мучителя. После подобного влияния, человек становится подавленным и не способным самостоятельному принятию решений, благодаря чему и доказывается оказанное на него воздействие.

Применение кибернетических технологий как средства для дистанционного психологического и физического давления на сегодняшний день является острой проблемой. С развитием техники прогрессируют и методы осуществления бесконтактного воздействия, позволяющее мучителю находиться за множество километров от объекта бесчеловечного обращения или пытки. Манипуляция с информацией (т. е. собирание, хранение, передача, трансляция и удаление) часто служит для распространения материалов, преследуемых по закону, а также запугивания жертв через анонимные телефонные звонки или интернет. Наибольшую угрозу данный вид влияния представляет способностью носить массовый характер и оказывать влияние как на конкретный, так и на неопределенный круг лиц. Доказывание в таком случае основывается на расшифровке телефонных переговоров, данных из чатов, материалов групп в социальных сетях. Помимо этого, кибернетические технологии используются для удаленного управления поясами с электрошоком, поясами смертников, медицинскими имплантатами и т. п., вынуждая человека действовать по воле обладателя передатчика для управления данными вещами. Доказать причастность виновного к данным

преступлениям очень тяжело, сложнее этого только обнаружить данного человека, который может находиться в любой точке земного шара.

Рассмотрев данные виды психологического влияния на человека, можно сделать вывод о том, что социальная природа человека, при определенных обстоятельствах, является его главным врагом. Современные технологии пыток больше направлены на уничтожение личности, унижение ее достоинства и взятие под контроль. Доказывание данного воздействия, в большинстве случаев, сводится к нахождению реакции тела на пережитый стресс и приобретенные психические расстройства. Кроме того, применение дистанционных технологий крайне затрудняет поиск виновного, который может находиться в любой точке мира, осуществляя скрытое давление на конкретную личность или неопределенную группу лиц. Последний вопрос требует наиболее детального изучения, ведь полная анонимность в сети и отсутствие контроля в сфере распространения информации приводит к систематическому нарушению прав человека, позволяя виновному разрушать жизни граждан, оставаясь при этом безнаказанным.

Марьина Надежда Николаевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

ФОРМЫ (ИСТОЧНИКИ) ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Термин «источник права» является очень многозначным и в силу этого и очень обсуждаемым в юридической сфере. Общепринятого значения данного термина нет.

Источник права может существовать в материальной, идеальной и юридической формах. Также источники права встречаются в социальной и политической сферах.

В начале 20 века свое мнение высказал русский ученый Шершеневич относительно определения источника права. Он утверждал, что данный термин носит полисемичный характер и предложил заменить его на «форму»¹.

По прошествии времени термин получил широкое развитие в отечественной юриспруденции. Во второй половине 20 века было предпринято множество попыток убрать из терминологии значение «источники права», сменив на «форму». Однако, в конечном итоге, оба значения имели злободневный темперамент².

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 2018. С. 5.

² Муромцев Г.И. Правоведение. 2018. М., С. 4

На сегодняшний день многие ученые сводятся к тому, что данные постулаты имеют некоторое соответствие относительно друг друга.

Все же, юридическая наука не определяет точного значения источникам права. Некоторая часть ученых-правоведов считает, что источники права выступают как законотворческая деятельность, направленная на выражение воли власти. Другая часть аргументирует тот факт, что источники права являются последствием законотворческой деятельности.

Следовательно, источники права – это общепринятые нормы поведения, закрепленные в стандарте, приемлемом для государства

Попробуем определить виды источников права в России:

- 1) правовой обычай;
- 2) юридический прецедент;
- 3) нормативно-правовой акт;
- 4) нормативный договор.

Юридические порядки во многих странах имеют разнородную особенность, а именно в том какой вид источников права доминирует в суверенитете той или иной страны.

Различают англо-саксонскую, римскую, романо-германскую, а также религиозные правовые семьи.

Что касается юридического порядка в Российской Федерации, то его существенно склоняют к романо-германской правовой семье, на условиях бюрократического порядка. Хотя в правовой культуре российского общества право принято считать не по формалистским нормам, а по общепонятным меркам.

В XVII в. в эпоху правления российского императора Петра I сложилось так, что российское общество приняло традиции романо-германской правовой семьи. Однако этот процесс не имел духовного и культурного течения, а только демократическое направление.

В отечественной юриспруденции преобладает значимость нормативно-правового акта в системе национального права. Советские ученые – правоведы в своих научных исследованиях выдвигали нормативно-правовой акт как основу в системе права. С.Л. Зивс в своих работах «Источники права» утверждает: «Ни административная, ни судебная практика не признаются формами права. Правовой обычай, пожалуй, самый малозначимый источник права в нашей стране, учитывая нынешние обстоятельства»¹.

Нормативно-правовой акт играет немаловажную роль в развитии элементов источников права в Российской Федерации. Сущность нормативно-правового акта неопределимо велика. Однако следует выделить, что судебный прецедент оказывает сильное воздействие при регулировании взаимоотношений в обществе.

¹ Зивс С.Л. Источники права. М., 2018. С. 10.

Любые изменения, связанные с экономикой, политикой, социального порядка в государстве, нуждается точного регламентирования. Однако закон не в силах оказывать реакцию на все изменения, происходящие внутри страны, исходом которого становится снижение уровня развития правовых элементов. В этот момент можно задуматься над вопросом отклонения адидеации в праве, поскольку ее постоянное применение приведет к нарушению системы права, и смены права на судебный прецедент.

Частичное введение судебного прецедента в источники права российской юрисдикции поможет органам судебной власти заполучить важную роль в системе законотворческой деятельности, а власть страны при этом сможет вовремя повлиять на текущие изменения внутри страны.

Ранее было процитировано утверждение С.Л. Зивса о том, что правовой обычай не входит в состав источника права. В самом деле, органы отечественной власти декларировала опровержение всех правовых обычаев и традиций.

Сегодня правовой обычай используется очень редко в системе законодательства.

Подобная ситуация и у следующего вида источника российского права, который знаменуется как нормативный договор. В отечественную эпоху ценность нормативного договора была незначительной, в силу того, что при антикоммунистическом строе и по сложившимся в тот период обстоятельствам, невозможно найти было оппонента для заключения этого договора.

Время от времени значимость нормативного договора растет. Это связано с поэтапным прогрессом государства.

За последний период наиболее обсуждаемой темой в политической власти является привнесение в источники права правовых принципов и юридической доктрины. Принципы права, юридическая доктрина имеют сильное влияние на процесс развития юридической науки в целом, способствуют искоренению возникших острых вопросов, находят четкую формулировку их решения в системе права.

Далее рассмотрим Конституцию Российской Федерации как источник права. Конституция Российской Федерации является основным источником права и занимает важное место в системе правового регулирования государства.

Конституция Российской Федерации является главным механизмом, регулирующим развитием страны, общественных отношений. Она формирует базис в законотворческой деятельности.

Конституция России была принята в 1993 г., впоследствии чего сразу же была внесена в элементы источников права, поскольку является высшей юридической силой.

Конституции республик, из состава Российской Федерации также входят в элементы источников права и обладают юридической властью на своих территориях.

Однако, Конституция Российской Федерации является главенствующей формой и Конституции республик должны гармонизировать с ней, не опровергая при этом свои.

Соответствующую мощь в определенной местности в юрисдикции имеет регламент субъектов государства.

Регламенты и Конституции субъектов государства иметь аналогичность по отношению к Конституции Российской Федерации. Подобное гармоническое единство существовало не всегда. В отечественный период господствовало несоответствие между этими источниками права. Чтобы решить этот вопрос понадобилось вмешательство власти государства и глав регионов страны.

Конституция Российской Федерации включает в себя огромный спектр прав человека. А именно:

- право на жизнь;
- право на свободу слова;
- право на образование;
- право на отдых;
- право на медицинскую помощь;
- право на участие в выборах;
- право выбора вероисповедания и т. д.

Основные функции Конституции Российской Федерации:

1. Учредительная функция – способствует формированию новой власти, со всей ее структурой.
2. Организационная функция – регулирует взаимоотношения, возникающие между аппаратом управления.
3. Идеологическая функция – включает в себя формирование новых возможных взаимоотношений в обществе.
4. Информационная функция – направлена на сбор, хранение данных о государстве, об экономике и политике страны в целом.
5. Стабилизирующая функция – является прототипом идеологической функции и способствует утверждению сложившихся взаимоотношений в обществе.

Конституция утверждается посредством всенародного голосования. Это основной государственный закон, управляющий взаимоотношениями народа и власти.

Свойства Конституции Российской Федерации:

1. Главенство Конституции Российской Федерации;
2. Открытый процесс. Конституция действует на территории всего государства, ее влияние распространяется на всех граждан, проживающих на территории Российской Федерации;

3. Устойчивость. Утверждается и обновляется путем определенного уклада.

4. Лидер Конституции – Президент Российской Федерации, взявший на себя ответственность за соблюдение и защиту Конституции гражданами, проживающими на территории данного государства.

Процесс введения Конституции:

– дарование. Главенствующая власть передает конституцию своим подданным;

– референдум – это демократичный процесс. Граждане данной страны имеют право голоса, выбора. Процесс протекает путем голосования;

– парламент. Самый распространенный процесс принятия Конституции. Участники парламента проводят голосование, обладают равными правами и полномочиями.

Подводя итоги статьи отметим что, система источников права играет основополагающую роль в формировании всей системы государственного права.

Рассматривая состояние источников права в Российской Федерации. Отдельное внимание уделяется на принятие Конституции как источника права. Важно учесть тот факт, что Конституция Российского государства является главным элементом источника российского права, обладает высшей юридической властью.

Конституция – это документ, содержащий в себе все обязанности и права гражданина. Соблюдая Конституцию, тем самым мы предотвращаем угрозу деградации общества, способствуем стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации.

Михайлова Лариса Васильевна,
доцент, кандидат юридических наук
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД
Дальневосточного юридического института МВД России

ЗАРОЖДЕНИЕ КРИМИНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Преступность на объектах водного транспорта – это не современное явление. Как социальный феномен она появилась в глубокой древности. Можно с уверенностью утверждать, что преступность на водном транспорте появилась вместе с первыми судами. Еще у Гомера можно встретить описание воровства на судне и его последствий: одолеваемые завистью спутники крадут у спящего Одиссея мешок Эола с ветрами.

«Также теперь и Эол одарил его дружески щедро. Ну-ка, давайте, скорее, посмотримте, что там такое, сколько в мешке серебра и золота ценного скрыто. Верх одержало средь них предложенье злосчастное это»¹.

Уже в 258 г. нашей эры мы встречаем исторические описания нападений на суда, перевозящие груз, разбойничьих кораблей с целью хищения с других судов груза и иных ценностей, что в дальнейшем войдет в обиход под понятием пиратства².

В античный период финикийцы, иллирийцы и тирренцы были известны как пираты. В доклассическую эпоху древние греки потворствовали пиратству как жизнеспособной профессии; по-видимому, оно было широко распространено и «считалось вполне достойным способом зарабатывать на жизнь»³.

В средневековом периоде наиболее часто упоминаются викинги занимающиеся пиратством VIII –XII вв. по всей Западной Европе, у берегов Африки и Италии. Помимо этого, они занимались разбоями и грабежами на реках Восточной Европы. В дальнейшем, атаки на суда совершались не только с целью захвата груза, но и для пленения членов команды и продажи их в рабство. Наиболее часто данную деятельность осуществляли арабские и китайские судовладельцы. Россия также не является в данном случае исключением. Славянское пиратство в Балтийском море закончилось датским завоеванием цитадели славянского племени рани в Арконе в 1168 г. Примерно до 1440 года морская торговля в Северном и Балтийском морях подвергалась серьезной опасности со стороны ушкуйников, новгородских пиратов.

При этом, правовая основа борьбы с «водными» разбойниками была не развита. Лишь отдельные документы затрагивают правила, касающиеся водной торговли и защиты товара от пиратов. Это договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. Этими документами определялся порядок оказания взаимной помощи при кораблекрушении, в рамках своих правовых систем меры по обеспечению сохранности грузов от пиратов и меры наказания к лицам, совершающих преступлений⁴. Эти положения были прогрессивными для того времени, так как содействовали сохранению имущества судовладельца и купца.

В середине XI в. постоянная забота о защите судов от грабителей обусловила необходимость применения тайных, скрытых форм сбора разведывательно-поисковой информации, применение агентурного метода

¹ Гомер. Одиссея / пер. В. Вересаева. Песнь десятая. М.: Худож. лит. 1953.

² Журавлев С.Ю., Пигаев А.М. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 5–23.

³ Аллен М. Уорд, Фриц М. Хейхельхайм, Седрик А. Йео. История римского народа. Рутледж, 2016.

⁴ Бодровцева Н.Ю. История возникновения торгового мореплавания на Руси // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 336–342.

обеспечения безопасности судов. Эти задачи выполнялись владельцами и капитанами судов по указанию князей, одновременно эта деятельность была направлена на внешнеполитические и военные функции. Непосредственно негласную работу выполняли специально отобранные лица: согладатаи из числа судовой команды, послы, люди, выдававшие себя за купцов. Эти начинания можно считать зарождением или истоками оперативно-розыскной деятельности на объектах водного транспорта.

Одним из первых документальных упоминаний о возможности использования негласных средств защиты интересов страны можно назвать договор Киевской Руси, заключенный Олегом с греками в 944 г. и направленный на защиту личного имущества его представителей. Выделенные в нем правила обращения с ворами и пиратами допускали применение негласного наблюдения за их поведением и поступками. Дальнейшее развитие правоотношений в сфере водных объектов наблюдается в XVI в. В это время начали составляться так называемые «дорожники», в которых поверстно приводились все основные сведения о реках страны. При этом учета перевозимых товаров, их количества и качества не существовало, что привело к новому виду преступности – мошенничеству, помимо ранее существовавших краж и грабежей. С целью борьбы с мошенничеством в Русскую Правду была внесена статья, в которую были включены положения материально-правового характера, в соответствии с которыми предусмотрен механизм по ответственности купца и перевозчика в зависимости от обстоятельств причинения вреда. Позднее в Судебнике 1497 г. включена статья регулирующая виды ответственности за растрату при перевозке груза водным транспортом.

В XVIII в. в связи с ростом преступлений, направленных против свободы судоходства, издаются нормативные акты, направленные на охрану судоходных рек. Так, п. 17 гл. IX Уложения 1649 г. содержал правило, согласно которому на судоходных реках запрещалось делать новые пруды, плотины и мельницы, которые мешали бы судовому ходу¹. Однако указанные нормативные акты, запрещая деяние, не устанавливали ответственности за их нарушение. Позже были внесены дополнения, отражающие меры, в том числе и с использованием агентурного метода направленные на розыск виновных и установление обстоятельств причинения вреда.

В этот же период отмечается рост числа пиратских нападений в море на русские суда. Для борьбы с пиратством и охраны своей торговли на море Россией наделяет правом командующего флотилией Карстена Роде вести борьбу с пиратством. С этой целью ему была выдана жалованная грамота, в которой заявлялось «защищать морскую торговлю от каперов,

¹ Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собр. 1. Т. 1. // Руниверс [сайт]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9813>.

которые разбойным обычаем корабли разбивают, товары грабят и из многих земель в наше государство дорогу торговым людям затворяют»¹, что позволило уменьшить число нападений на русские суда.

Строительство порта Архангельск, увеличение захода в порт иностранных кораблей и своеобразная внутренняя политика (торговые указы 1653, 1667 гг. ограничивали права иностранных купцов на осуществление торговли в России.), а также закрепление Уложением 1649 г. внутренних таможенных платежей сдерживали развитие торгового оборота. Это повлияло на развитие такой преступной деятельности, как контрабанда. Наиболее активны в тот момент были транснациональные преступные группы, занимающиеся поставкой морем спирта. При этом, в данную противоправную деятельность были активно вовлечены как владельцы товаров, так и вся судовая команда. Не последнюю роль играло и высшее российское чиновничество, «кормясь» с контрабандистов.

Активизация внешнеторговой деятельности повлекло появление преступности, связанной с военным шпионажем. Для борьбы с данными преступлениями активно развивается агентурная деятельность. Был издан Наказ о вменении в обязанность купцам сбора конфиденциальной информации о неприятельских кораблях, укладе жизни той страны, из которой прибыли иностранные суда. При этом царским указом в 1665 г. предписывалось «про воров и разбойников проведать тайно всякими мерами»².

В целом, деятельность государства направленная на борьбу с общеуголовной преступностью, была малоуспешной. Вся правоохранительная деятельность в России, ориентировалась на обеспечение безопасности власти. Так, в Соборном Уложении подрыв царской власти квалифицировался как государственное преступление, за совершение которого устанавливалась смертная казнь. Агентурный метод обеспечения раскрытия таких преступлений регулировался приказом тайных дел.

Преступления, совершаемые на объектах водного транспорта, не связанные с внешнеполитической и внутренней безопасностью Российского государства, описывались в Новоторговом уставе 1667 г., где определялся порядок функционирования объектов водного транспорта и деятельность взаимосвязанных с ними лиц. Помимо этого, в нем оговаривались меры ответственности, как правило, гражданской, за нарушение установленных правил.

Активная законотворческая деятельность, направленная на регулирование функционирования объектов водного транспорта наблюдается в России в период реформ XVIII в., начало которым было

¹ Москобенко Л.В. Государство Российское и флот. СПб., 2006. С. 11–14.

² Белозер В.Н. Военно-морская разведка России: история создания, становления и развития (1696–1917): дис ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 43.

положено Петром I. Помимо изменений в законодательство, создаются специализированные учреждения в сферу деятельности которых входит борьба с общеуголовной преступностью, в том числе и на водных объектах, учреждается для ведения «татийных, разбойных и убийственных дел» Сыскной приказ¹.

В этот же период, для поддержания инфраструктуры объектов водного транспорта, их строительства в том числе строительства морских и речных судов, задействуются все больше и больше лиц, одновременно происходит рост числа различного рода противоправных деяний, в основном связанных с мошенническими действиями при заключении подряда, коррупционных действий, среди которых особо выделялись злоупотребления чиновников и должностных лиц государственных, частных и общественных организаций: подлоги и неправомерные действия при выдаче и получении ссуд на строительство и перевозку, взятки, вымогательство. Так, например, в 1714 г. была получена информация о присвоении и растрате денежных средств выделенных на строительство морских судов в Санкт-Петербурге, было присвоено 1163026 руб. (сумма, равняющаяся примерно 1/3 годового бюджета всей Российской империи). Субъектами преступной деятельности были названы наиболее доверенные приближенные Петра I – А.Д. Меншиков (губернатор Санкт-Петербурга, президент Военной коллегии и пр.), Ф.М. Апраксин (генерал-адмирал, главнокомандующий российским флотом), Г.И. Головкин (государственный канцлер) и другие. Полученная информация подтвердилась, Петр I потребовал вернуть государству 615 608 руб., но реально взыскать удалось лишь четверть этой суммы, остальное «простили». Можно констатировать, что не смотря на организацию и развитие сыских институтов, деятельность по борьбе с общеуголовной преступностью, в том числе появившимися новыми формами преступности на объектах водного транспорта, была непоследовательной и не эффективной.

После Петра в России наступает период стагнации. Общая слабость и противоречивость в политике в целом отразилась и на развитии водного транспорта, а также на развитии сыской деятельности. В 1726 году создается Верховный тайный совет, в полномочие которого были переданы управление сыской и разведывательной деятельностью на объектах транспорта, что привело к снижению выявления лиц причастных к совершению не только общеуголовных преступлений на водных объектах но преступлений связанных с безопасностью государства.

При правлении императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) кроме уже известной преступной деятельности в виде хищений, присвоений и растрат, растет количество деяний, связанных с варварской добычей рыбы.

¹ Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1973–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4. С. 13–15.

Для снижения хищнического лова и охраны судоходства, был принят Устав сельского хозяйства. Новеллой данного документа было разделение промысла в море и на реке. При этом добыча в море биоресурсов была разрешена без ограничений (ст. 486 и 487 Устава). На реках предписывалось осуществлять лов только с письменного согласия владельца берега. Развитию судоходства также способствовало предписание запрещающие употребление неводов, длина которых превышала половину ширины реки, а также запрещалось закидывать их с противоположных берегов в одно и то же время (ст. 495). Также, Устав содержал правила направленные на защиту биоресурсов и вводил специальные правила для отдельных рыбохозяйственных районов во время нереста. Этот принцип применяется и в современном нормативно-правовом регулировании.

Но принятие новых нормативных документов в целом не повлияло на уровень преступности. По-прежнему, на водных путях совершаются разбойные нападения на грузовые и рыбопромысловые суда, при этом группы, совершающие преступления, становятся все более организованными и многочисленными, нападения происходят не только на частных лиц, но и на государственные учреждения. Так, например, «... в Тамбовском крае группа из ста человек весной 1732 года разгромила купеческую пристань и таможеню...»¹.

В 1781 г. был принят Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям², который представлял собой систематизированный закон, включающий в себя нормы: позволяющие регулировать перевозку грузов, фрахт судов, в нем оговаривалась ответственность сторон как гражданско-правовая, так и уголовная³. Принятие Устава купеческого водоходства по рекам, водам и морям, способствовало развитию международной торговли. Если в 1760 г. торговый оборот Санкт-Петербурга (импорт плюс экспорт) составлял 7,8 млн руб., то через десять лет он достиг уже 14,5 млн руб., в 1780 г. – 19,5 млн руб., а в 1790 г. – 44,5 млн руб.⁴.

С увеличением торгового оборота, возросло число грабежей и разбоев в отношении российских судов в море, при этом разбойные нападения совершали и военные суда. С целью снижения числа нападений, 28 февраля 1780 г. Екатерина II объявила свою Декларацию о вооруженном нейтралитете поддержанную странами Европы, обеспечивающую коммерческому флоту России защиту от нападения

¹ Курукин И.В. Полиция старой России: будочники, жандармы, «фараоны» // Отечественные записки. 2013. № 2 (53). С. 122–135.

² Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям. Ч. 1. М.: Книга по требованию, 2012. С. 307.

³ Там же.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). М.: Спарк, 1994. С. 307.

военных кораблей. Но, несмотря на объявление декларации, в десятки раз увеличились нападения пиратских не военных кораблей, на российские торговые суда. В результате было принято решение, осуществлять охрану торговых судов силами военно-морского флота. Если проводить аналогию с нашим временем, то похожее решение было принято ООН в 2015 году, для охраны торговых судов от пиратов в открытом море¹.

Дальнейшее развитие водного транспорта связано с модернизацией морских и речных судов, и созданием различных добровольных акционерных обществ, что с одной стороны, способствовало развитию перевозок водным транспортом, но с другой стороны, это породило преступность, связанную с мошенническими действиями, которые чаще всего заключались в недоставке грузов. Для пассажирских перевозок была характерна продажа двойных или тройных билетов. Также, участились случаи хищений государственных средств, направленных на строительство судов. С учетом того, что строительство судов велось как на российских, так и на иностранных верфях, то хищения осуществлялись преступными группами, действующими на территории двух государств. При этом, использовались различные способы сокрытия преступлений, такие как, применение более дешевых материалов, изменения в конструкции, невыполнение работ в полном объеме и т. п.²

К 1862 г. деятельностью по раскрытию хищений и мошенничеств, совершаемых частными лицами на водных объектах, занималась речная полиция, но сыскная деятельность сотрудников речной полиции была крайне ограничена, в основном она была направлена на недопущение преступности на водных объектах. Полиция занималась регистрацией преступников, установлением их личности, систематизацией всех сведений о них, выдачей справок о судимости и розыске скрывающихся лиц. Создавались и «летучие отряды» для дежурств на пристанях, вокзалах, для облав на бродяг и для несения патрульной службы на водных объектах. При совершении же преступлений в дело вступала сыскная полиция, в которой уже существовала специализация как сотрудников, так и агентуры в зависимости от видов преступлений. Сотрудники сыскной полиции специализировались по видам профессиональной преступности: 1) убийства, разбои, грабежи и поджоги; 2) кражи и профессиональные воровские шайки; 3) фальшивомонетничество, мошенничество, подлоги, подделка документов и прочие аферы.

Помимо усовершенствования деятельности полиции, была продолжена деятельность по изданию нормативных актов,

¹ Подробнее см.: IMO Global Integrated Shipping Information System, 2018 // Официальный сайт Международной морской организации. URL: [https://gis.imo.org/Public/PAAR/Reports.aspx?Name= RegionalAnalysis](https://gis.imo.org/Public/PAAR/Reports.aspx?Name=RegionalAnalysis).

² Белозер В.Н. Военно-морская разведка России: история создания, становления и развития (1696–1917): дис ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 85–88.

регламентирующих торговую деятельность на водных объектах. Так, принятый Торговый устав 1887 г., в книге второй «О морской торговле» содержал нормы регламентирующие торговое мореплавание, основы безопасности в море, устанавливал правила эксплуатации и использования судов, поведения в случае помощи судну терпящему кораблекрушение. В 1903 г. этот нормативный акт был дополнен еще четырьмя разделами регламентирующими деятельность портов, налоговых сборов, деятельность судовладельцев и др.¹ Все эти нормы в конечном итоге легли в основу Кодекса торгового мореплавания России XX в.

Важно отметить, что деятельность, связанная с морской и речной торговлей, а также работой портов осуществлялась под строгим правительственным контролем. Все государственные и акционерные судоходные компании действовали на основе утвержденного правительством устава, строго определявшего круг их деятельности и порядок ведения отчетности, на них была возложена ответственность периодически публиковать в правительственных и других наиболее распространенных газетах сведения о состоянии счетов и результатов годовой деятельности².

Несмотря на развитие водного законодательства, во второй половине XIX в. практика того времени свидетельствовала о росте преступлений связанных с контрабандой и незаконной добычей водных биологических ресурсов³. Иностранцы и Российские рыбопромышленники не привлекались к уголовной ответственности за незаконный вылов биоресурсов не смотря на нормы содержащиеся в уголовном законодательстве. Так, в частности, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в издании 1885 г. устанавливало наказание за: устройство рыболовных заводов внутри станиц войска Донского (ст. 916); самовольное на Псковском и Чудском озерах распечатывание или открытие ранее положенного срока снетковой сушильни или амбара, где хранятся мелкочейные сети (ст. 917); предъявление при ловле рыбы в Каспийском море фальшивых билетов (ст. 921); ловлю моржей, тюленей и вообще животных этого вида ранее 23 марта каждого года (ст. 921); морской промысел котиков, а также за самовольный промысел котиков на суше (ст. 921)⁴. Незаконному обороту биоресурсов способствовало то, что

¹ Ланцева В.Ю. Формы правового регулирования морской торговли в Российской империи // Евраз. юрид. журн. 2014. № 3 (70). С. 118–120.

² Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства Л.: Наука, 1991. С. 23.

³ Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой морских биоресурсов на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. № 2 (47). С. 105–116.

⁴ Новое Уголовное уложение, Высочайше утв. 22 марта 1903 г. (с приложением предметного алфавитного указателя). СПб., 1903.

борьба с данным видом преступности носила факультативный характер т.к. в море правоохранительная деятельность была возложена на военные суда, численность которых была очень мала. А на реках и озерах допускались попустительство и многочисленные нарушения порядка оформления документов, а также, неэффективностью санкций за допускаемые нарушения (штраф и конфискация) способствовала росту преступности. Аналогично выглядела борьба с контрабандой, административные постановления российских властей, направленные на борьбу с контрабандой, не достигали успеха. Низшие чины полиции, а порой и полицмейстеры саботировали борьбу с административными правонарушениями, пользуясь недостатками процессуального законодательства, отпускали контрабандистов. Лишь в 1914–1915 гг. появилась законодательная база, позволявшая привлекать контрабандистов и их пособников к уголовной ответственности.

Сыскная деятельность по противодействию хищениям и иной преступности на объектах водного транспорта возлагалась на общую полицию, а раскрытием преступлений, совершенных иностранцами, поручалось заниматься полицейским подразделениям Министерства финансов – корчемная стража и таможня. Отметим к тому же, что борьба с таким видом экономических правонарушений, как контрабанда, в приграничной зоне была возложена и на казачьи команды, которые также находились в двойном подчинении – генерал-губернатору и военному ведомству.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к выводу, что период становления водного транспорта, характеризуется правовой и организационной неурегулированностью. Указанное обстоятельство определило особенности криминальных проявлений:

во-первых, появление правонарушений на объектах водного транспорта совпало с развитием торговых перевозок;

во-вторых, они совершались транснациональными преступными группами;

в-третьих, в числе наиболее распространенных, можно назвать преступления против собственности (кражи, грабежи, разбои, мошенничества, подлоги), контрабанду, а также различного рода злоупотребления чиновников, в первую очередь присвоение и растрата вверенного имущества.

в-четвертых, с появлением новых форм и видов водного транспорта возникли и новые виды преступных деяний: злоупотребления при постройке судов, участие судовладельцев в спекулятивных махинациях за счет чужого товара; привлечение денежных средств населения (чаще всего на постройку судов) путем введения в заблуждение относительно будущих доходов.

Наряду с этим, развитие частных коммерческих предприятий (рыбопромысловых, судоходных), деятельность которых должным образом не была законодательно регламентирована, обусловило рост числа правонарушений, связанных с проведением запрещенных законом сделок, мошенничеством в сфере страхования.

Мухаметов Павел Алексеевич,
кандидат исторических наук,
заместитель начальника кафедры истории
и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России

УФИМСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В советской историографии вопросы деятельности дореволюционных спецслужб рассматривались односторонне, исключительно с позиций борьбы революционного движения с карательными органами царизма. Таким образом, на сегодняшний день остаются малоизученными вопросы кадрового комплектования, материально-технического оснащения, нормативно-организационного обеспечения государственных органов России по противодействию политическим преступлениям. История Первой мировой войны в отечественной историографии советского периода также содержит множество «белых пятен». Сама война была не популярной темой для советских историков, о ней старались забыть или в лучшем случае умолчать. Замалчивание войны, на одном из своих выступлений Президент России В.В. Путин прямо связал с тем, что Россия проиграла ее проигравшей стороне, назвав это «уникальной ситуацией в истории человечества»¹.

В условиях усложнения внешнеполитической ситуации проблемы обеспечения государственной безопасности, борьбы с терроризмом, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации актуальны как никогда. В этой связи, нам представляется необходимым изучить региональный опыт деятельности царских жандармов (губернских жандармских управлений) в сложный для нашей страны период – мировая война, рост революционного и рабочего движения, разгул политического терроризма и экстремизма и т. д.

Описание, каких бы то ни было аспектов деятельности губернских жандармских управлений (далее ГЖУ) не будет полным без подробного

¹ URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/96_nz_4_2014/article/11063 (дата обращения: 13.02.2022).

изучения ее структуры и персонального состава. Только поняв принципы подбора, расстановки и подготовки кадров, их социальный и национальный состав, изучив биографические характеристики ответственных сотрудников, можно будет полностью достоверно реконструировать и проводившуюся жандармскими офицерами работу, какого бы направления она ни касалась. Автор стремится выявить роль как личного состава в целом, так и отдельных личностей в функционировании жандармских учреждений в годы Первой мировой войны. Одна из задач, поставленных автором, – вытащить из забвения имена сотрудников ГЖУ, «надевших темно-синий китель» в Уфимской губернии. У каждого из них по-разному сложилась судьба после 4 (17) марта 1917 г., когда Временное правительство приняло решение об упразднении охранных отделений и Отдельного корпуса жандармов, включая и жандармских полицейских управлений железных дорог. Огромное количество офицеров по всей стране были арестованы, а в лучшем случае отправлены на фронт в строевые части. Как справедливо отметил доктор исторических наук М.И. Роднов, – «за годы советской власти на зданиях Уфы появилось немало мемориальных досок, рассказывающих о живших здесь и творивших свои славные дела революционерах (большевиках)»¹. В то же время, практически ничего не известно о тех патриотах своей родины, офицерах отдельного корпуса жандармов, до последнего верных данной ими присяге российскому государству.

Источниковой базой исследования послужили как опубликованные документы по истории Уфимского ГЖУ в исследуемый период², так и архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. В государственном архиве Российской Федерации в фонде № 110 «Штаб отдельного корпуса жандармов» отложились послужные списки начальников ГЖУ, их помощников (по городам и уездам губерний), адъютантов управлений, а также начальников отделений жандармских полицейских управлений железных дорог. Послужные списки содержат информацию о должности по службе, полученных орденах и знаках

¹ После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов). Сборник документов / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2002. С. 13.

² Хакимов С.Х. История органов внутренних дел России и Башкортостана в до-революционный период (1718–1917 гг.) : хрестоматия / С.Х. Хакимов, Р.Р. Каримов, И.А. Асеев. Уфа, 2020; Башкирия в 1917 году. Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. : Электронный ресурс. Уфа, 2017; Уфимское губернское жандармское управление 1873-1917. Документы и материалы. Авт.-сост. Т.В. Исмагилов и др. Уфа, 2012; Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894-1922): сборник документов и материалов. В трех частях / Г.В. Мордвинцев (руков) и др. Уфа, 2016; После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов). Сборник документов / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2002.

отличия, дате и месте рождения, социальном происхождении, вероисповедании, уровне полученного образования, размере получаемого на службе содержания (жалования).

Офицерский состав жандармов комплектовался из числа армейских офицеров, обладавших высоким интеллектом, безупречных в моральном отношении, прослуживших в строю не менее 3 лет или окончивших юнкерские училища по 1 классу (с отличием). Унтер-офицеры подбирались из военнослужащих всех родов войск, преимущественно из уволенных в запас или в отставку. Нижние чины назначались на тех же основаниях, что и в войсках¹.

Нами пофамильно установлены следующие сотрудники Уфимского ГЖУ, проходившие службу в годы Первой мировой войны: начальник – генерал-майор В.С. Устинов; помощники начальника ГЖУ в г. Уфе – ротмистр И.Г. Игнатьев, подполковник В.М. Щегловский; помощник начальника ГЖУ в Златоустовском уезде (г. Златоуст) – ротмистр Л.А. Трофимов, подполковник Б.Н. Лисинский; адъютанты управления – поручик А.М. Баланчивадзе. Всего 6 офицеров управления. Кроме того, имеются сведения о начальниках Уфимского и Ашанского отделений Самарского жандармского полицейского управления железных дорог: ротмистре И.В. Бородине и подполковнике А.А. Кирсанове.

Если биографические данные о служебных заслугах начальника Уфимского ГЖУ генерал-майора Владимира Семеновича Устинова уже публиковались², то о его подчиненных до последнего времени имелись только самые обрывочные сведения. На наш взгляд, отдельного внимания, как представителя классического жандармского офицерства, заслуживает личность помощника начальника Уфимского ГЖУ в г. Уфе подполковника Василия Михайловича Щегловского. Василий Михайлович родился 28 мая 1870 г. в православной семье потомственных дворян в Петроградской губернии. Окончил курс в Псковском кадетском корпусе (1888 г.), Александровское военное училище по 1 разряду (1890 г.) и, что вызывает удивление, но подчеркивает разносторонность развития, Московский Археологический институт со званием ученого археолога. Начал службу нижним чином в 1888 г., в феврале 1912 г. получил звание подполковника, а в декабре того же году удостоился награждения орденом Святого Станислава 2-й степени. С 20 октября 1915 г. назначен на должность помощника начальника Уфимского ГЖУ в г. Уфе, на которой находился до самого ареста в марте 1917 г. После освобождения из-под ареста, осенью 1917 г. убыл в запасный артиллерийский дивизион в г. Киеве. В годы Гражданской войны участвовал на стороне белогвардейцев в

¹ МВД России. Энциклопедия. М., 2002. С. 189.

² После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов). Сборник документов / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2002. С. 75–81.

составе Якутского 42-го пехотного полка Вооруженных Сил Юга России. В начале 1920 г. принимал участие в Бредовском походе белогвардейских частей из района Одессы в Польшу. Весной 1920 г. был эвакуирован в Югославию, но летом того же года вернулся из Варны в Русскую Армию в Севастополь. В Русской Армии служил на должности штаб-офицера для поручений гражданской части штаба главного командования. В ноябре 1920 г. на борту крейсера «Генерал Корнилов», совместно с П.Н. Врангелем покинул Крым. После прибытия в оккупированный Антантой Константинополь след Василия Михайловича Щегловского теряется. Судьбу жандармского подполковника В.М. Щегловского повторили тысячи сотрудников отдельного корпуса жандармов, царской полиции и охранных отделений. Кто не смог, не успел или не захотел эмигрировать, были лишены всех прав и в большей части репрессированы в 1930-х гг.

События февраля 1917 г. показали, что сохранение правящего режима, одними силовыми и карательными методами невозможно. В ночь на 6 марта 1917 г. по постановлению Президиума Уфимского губернского Комитета общественных организаций в своих квартирах были арестованы чины жандармского управления – генерал-майор В.С. Устинов, подполковник В.М. Щегловский, подполковник А.А. Кирсанов, ротмистр И.Г. Бородин. Аресты производились членами Уфимского военного комитета в присутствии комиссаров общественного Комитета: А.А. Кийкова, К.Ф. Вячкилева, А.С. Косулина, И.Б. Мизерского. Все документы, дела, архивы жандармских отделений были опечатаны и сданы под охрану военным караулам. Все офицеры, кроме генерал-майора В.С. Устинова, были помещены в арестном доме, Владимира Семеновича, в дань уважения его чину и возрасту подвергли только домашнему аресту¹. Впоследствии, 26 марта 1917 г. на заседании Исполнительного комитета Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов был рассмотрен вопрос об ужесточении режима содержания арестованных жандармских офицеров. Президиуму было поручено настаивать перед губернским Комитетом общественных организаций о переводе из арестного дома в тюрьму всех жандармских офицеров и унтер-офицеров².

Находясь в арестном доме, 25 марта 1917 г. все жандармские офицеры, предвидя единственный шанс избежать приближающего наказания, написали заявления в адрес Исполнительного комитета Уфимского Совета Рабочих и Солдатских депутатов с просьбой отправить их в действующую армию. Подполковник В.М. Щегловский очень эмоционально, с яркой выраженным патриотическим подтекстом, аргументировал свою просьбу, – «Я считаю, что в настоящий момент на первом плане должна быть защита родной земли от внешнего врага –

¹ Уфимское губернное жандармское управление 1873–1917. Документы и материалы / авт.-сост. Т.В. Исмагилов и др. Уфа, 2012. С. 412.

² Там же. С. 414.

германца. ...По образованию я – артиллерист и артиллерийское дело люблю и знаю его и сейчас хорошо и, во всяком случае, в действующей армии буду не лишним. ...Прошу дать мне возможность приложить и мои усилия, а может быть и жизнь, в защите родной земли и тем выполнить святой долг воина перед Родиной и загладить мою деятельность как бывшего жандармского офицера»¹.

28 марта 1917 г. в газете «Уфимский вестник» в разделе «Хроника» была опубликована заметка, под громким названием «Присяга жандармов», в которой сообщалось, что «находящиеся под арестом жандармские офицеры Бородин, Кирсанов и Щегловский, по собственному желанию, дали присягу на верность новому правительству и подписали 20 марта присяжный лист»².

Вскоре после февральской революции 1917 г. в результате разбора архивных дел Уфимского ГЖУ широкой огласке были преданы фамилии граждан, сотрудничавших с жандармами, чаще всего на коммерческой основе. Так в годы Первой мировой войны некий Б. Зорин (до принятия православия Янбулатов) освещал панисламистское движение, П.С. Вотинов (кличка «Букин») освещал деятельность социал-демократов в регионе, крестьянин Белебеевского уезда Д. Попов освещал настроение рабочих Алафузовской фабрики³. На общем заседании Уфимского губернского комитета общественных организаций, состоявшемся 30 апреля 1917 г. были обнародованы фамилии и многих других.

Таким образом, февральская революция разрушила кадровый состав государственных органов по защите государственного строя, общественной безопасности и поддержанию правопорядка. Однако с первых дней своего существования, новой советской власти потребовались идентичные органы, но уже новые по классовому составу. Существование подобных структур в современности позволяет государству эффективно управлять обществом, обеспечивать национальную безопасность и обороноспособность.

¹ Уфимское губернское жандармское управление 1873–1917. Документы и материалы / авт.-сост. Т.В. Исмагилов и др. Уфа, 2012. С. 416.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 420–421.

Олейник Руфина Рушановна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории
и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ

Всю историю человечества такие категории как право и религия движутся в одном направлении. Об этом свидетельствуют первые источники права, в которых нормы права закреплены как образ жизни и пронизаны смыслом существования каждого индивида больших и малых групп. Безусловно, являясь наиболее универсальными социальными регуляторами, нормы права и религиозные ценностные ориентации способствуют созданию комфортных условий жизнедеятельности каждого гражданина, объясняют смысл каждого действия, бездействия, взаимоотношения соответственно.

Взаимодействие права и религии может быть позитивным и деструктивным, противоборствующим и созидющим. В качестве актуального примера взаимодействия религии и права можно привести растущие антисемитские настроения в конце XIX века, способствующие невинному осуждению евреев по национальному и религиозному признаку в преступлениях, карающихся смертной казнью или пожизненным заключением, на основе лжесвидетельства и подложных документов¹. Впоследствии это лишь усилило межнациональные конфликты в Европе и на Ближнем Востоке, отдельные случаи преследования по признакам вероисповедания случались в США.

Другим примером взаимодействия религии и права является выражение образа и смысла жизни мусульман в Законах Шариата, когда привычный уклад жизнедеятельности, взаимоотношений, ценностных ориентаций пронизаны религиозными правилами и канонами, становящимися нормами права.

Несомненно, религия и право являются не только социальными регуляторами, но и инструментами государственного аппарата контроля и принуждения. Поэтому отклонение уклада жизни граждан, предписанного религией, от правовой системы государства, в котором эти граждане проживают, является для политической элиты слабым местом. К примеру, до I века н. э. во многих государствах был распространен политеизм.

¹ Дело Дрейфуса: [Электронный ресурс]: Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2631802 (дата обращения: 02.02.2022); Дамаское дело: [Электронный ресурс]: Еврейская электронная энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/judeophobia-anti-semitism/11362> (дата обращения: 02.02.2022).

Требования религий, различные религиозные обряды, праздники, правила жизнедеятельности были созвучны с нормами права, закрепленными в источниках права, например, в обычаях и сводах законов древних египтян, Законах Хаммурапи, Законах Драконта, Институции Юстиниана.

Таким образом, являясь неотъемлемой частью культуры государства, религия позволяла регулировать практически все аспекты жизнедеятельности общества и индивида, в частности. Однако, невозможность обращения в свою религию некоторых завоеванных, переселенных или оккупированных племен, ставило под угрозу авторитет правовой системы государства. Соответственно, иудеи, история существования которых начинается в Древнем мире, всегда представляли угрозу действующим государственным режимам, исходя из своего монотеизма и своего собственного источника обычаев Танах.

Современное взаимодействие государства и права представляет собой особенную актуальность в связи с современными процессами миграции и ассимиляции, которые позволяют человечеству реализовать право на свободу передвижения и вероисповедания¹.

Важным является теистический подход к пониманию права, когда религиозные нормы, правила, обычаи ложатся в основу норм права, становятся правовыми источниками религиозных систем права. Традиционные системы права используют религию как непоколебимый первичный источник социального регулирования, т. к. сферы регулирования религии и права совпадают – это общественные отношения граждан между собой и с окружающей средой, в том числе, с государством².

Феноменом права, на наш взгляд, является его принудительный характер – субъект может жить, никогда не преступая нормы права, т. е. исполнять роль правомерного поведения, но верить в незыблемость и справедливость этих норм для субъекта необязательно. Религиозные нормы и правила, обычаи и праздники напротив являют собой ориентирование именно на первоизданную истину, незыблемость, неотвратимую веру, страх божьей кары и принятие этого образа жизни.

Должное поведение, являющееся для общества правомерным, фундаментализирует принципы права в общественных отношениях с учетом высших ценностей и моральных качеств, присущих верующему человеку. Таким образом, достигается с одной стороны обеспечение прав и свобод индивида, с другой – социальная стабильность, мировой закон и правопорядок.

¹ Бабошина Е.В. Право и религия: теоретико-правовые аспекты взаимодействия // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-religiya-teoretiko-pravovye-aspekty-vzaimodeystviya> (дата обращения: 11.02.2022).

² Измайлов В.С., Олейник Р.Р. Закон и его роль в правовой системе государства // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. Т. 12. № 1. 2020. С. 133.

В частности, мировой порядок после Второй мировой войны провозгласил человека, его жизнь, здоровье, права и свободы высшей ценностью в мире. В связи с этим возникли новые возможности у мирового сообщества для эмиграции, ассимиляции, миграции. Соответственно, стихийным образом происходило смешивание культур и религий через браки, наследование, рождение детей, развития новых производств и других, в первую очередь, гражданско-правовых отношений. Современное смешивание западной культуры и христианской цивилизации с мусульманским укладом жизни отражается и на развитии права.

Падение многих тоталитарных режимов XX века, отрицающих религию и божественное происхождение государства, правителя и права, послужило постаментом для заполнения созданного религиозного, вернее, идеологического вакуума псевдорелигиозными обществами, что особенно опасно для современного миропорядка, и воссоздания присущих для данной нации религиозных течений.

Указывается и на такую проблему постсоветского пространства, как взаимодействие государства и церкви, есть ли у церкви права вмешиваться во внешне- и внутривнутриполитическую жизнь общества, права на получение государственной поддержки, в том числе денежными ассигнованиями, есть ли у церкви обязанности по привитию правомерного поведения через институты церкви. В Российской империи, например, особенно на рубеже XIX–XX веков канонический свод правил являлся неотделимым элементом общей правовой системы страны, что в последствии разрушалось большевиками, т. к. оппонентов у советской политической системы не должно было быть.

Таким образом, правоведы выделяют несколько тенденций, характерных для современного взаимодействия норм права и религиозных норм. Религия оказывает большее влияние на право, тогда как право может лишь ограничить влияние религии на общество с помощью самих же норм права. Такая мировоззренческая форма, как религия в достаточной степени оказывает воздействие на развитие правовой системы в каждом конкретном государстве, их конгломератах и во всем мировом сообществе.

Саидов Фархад Зирофович,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных и
научно-педагогических кадров)
Академии управления МВД России

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОМБУДСМЕНА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Конституционно-правовые основы взаимодействия Омбудсмена Кыргызской Республики с органами публичной власти по защите прав и свобод человека и гражданина в настоящее время занимает одно из важных направлений деятельности.

Так, по мнению Чайки А.Б. под взаимодействием необходимо понимать совместную деятельность органов государственной власти в пределах своей компетенции, основанную на законах и подзаконных нормативных актах, с целью решения задач по охране прав и свобод человека и гражданина¹.

Семенова А.Ю. в своих научных трудах отметила, что для омбудсмена присуще четыре сферы взаимодействия: 1) восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина; 2) совершенствование национального законодательства о правах и свободах человека и гражданина; 3) правовое просвещение; 4) развитие международного сотрудничества.

Корабельникова Ю.Л. в своем научном труде согласилась со мнением Семеновой А.Ю. и подчеркнула, что именно данные четыре сферы взаимодействия являются важными и требуют дальнейшего развития².

Взаимодействие омбудсмена с органами публичной власти в восстановлении нарушенных прав и свобод человека и гражданина – это яркий пример внутреннего и внешнего взаимодействия³. Например, когда омбудсмен рассматривает жалобы на действия должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления это внутреннее взаимодействие. Внешним взаимодействием является случаи,

¹ Чайка А.Б. Обеспечение прав человека в процессе взаимодействия правоохранительных органов // Соблюдение прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел. Материалы научно-практического семинара. М., 2001. С. 129–134.

² Корабельникова Ю.Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов исполнительной власти в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. кан. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

³ Семенова А.Ю. Уполномоченные по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: автореф. дис. кан. юрид. наук. Тюмень, 2006. 19 с.

когда омбудсмен во взаимодействии с должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления, восстанавливает нарушенные права и свободы человека и гражданина.

В настоящее время в органы государственной власти поступают значительное число жалоб, потому что граждане сами предпочитают обращаться в государственные органы, так как это наиболее привычный способ. Отметим, что такой порядок рассмотрения обращений граждан имеет преимущества. Уполномоченный орган может рассмотреть жалобу граждан оперативнее, после чего устранить нарушение прав человека и применить меры взыскания в отношении должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления. Но есть и отрицательные моменты, заключающиеся в том, что органы государственной власти не удовлетворяют жалобу граждан¹.

Сейчас взаимодействие по защите прав и свобод человека и гражданина между омбудсменом и органами публичной власти строится на соглашениях и меморандумах, по нашему мнению, этого недостаточно для эффективного сотрудничества.

С целью совершенствования методов работы омбудсмена необходимо наделить его полномочием проводить координационные совещания и получать аналитическую информацию для разработки рекомендаций органам публичной власти.

Деятельность Омбудсмена КР отражает, что основной формой взаимодействия с субъектами права законодательной инициативы в области совершенствования законодательства являются: получение проектов законов, представленных в Жогорку Кенеш КР, участие в деятельности рабочих групп, которые занимаются подготовкой законодательства, подготовка предложений о пересмотре действующего законодательства в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, внесение предложений о заключении международных договоров, подготовка рекомендаций в Жогорку Кенеш КР о прекращении или приостановлении международных договоров, которые противоречат положениям Конституции КР и законам.

В настоящее время в своей деятельности Омбудсмен КР активно использует предоставленные ему законодательством средства по совершенствованию законодательства в области прав и свобод человека и гражданина.

Правовое просвещение в области прав и свобод человека и гражданина. По нашему мнению, недостаточное знание граждан своих прав и свобод, нежелание отстаивать их перед государственными органами являются характерной особенностью гражданского общества. Такое

¹ Доклад Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики 2015–2020. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. Режим доступа: <https://ombudsman.kg/images/files/Ombudsman'sAnnualReportru.pdf>.

положение в обществе порождает безответственность и предпосылки для нарушения прав и свобод человека со стороны должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления¹. Преодоление правового нигилизма в обществе, распространение знаний о правах и свободах человека и гражданина является ключевой задачей Омбудсмена КР.

Корабельникова Ю.Л. в своем научном труде отметила, что преодолеть правовой нигилизм общества можно реализовав две функции: консультационную и информационно-воспитательную².

Омбудсмен КР в правоприменительной деятельности реализует обе функции, например, в результате анализа жалоб граждан о нарушении прав и свобод человека и гражданина, может направить предложения в органы государственной власти и органы местного самоуправления по совершенствованию административных процедур. (Закон КР «Об Омбудсмене (Акыйкатчы) п. 23, ст. 8»). Повышение правовой культуры населения в настоящее время аппаратом Омбудсмена КР осуществляется посредством сбора, подготовки и распространения материалов, содержащихся в ежегодных и специальных докладах Омбудсмена КР, сборниках нормативно-правовых актов и литературе просветительского характера. Доклады Омбудсмена КР должны быть рассмотрены компетентными органами государственной власти и местного самоуправления, с целью принятия исчерпывающих мер для решения проблем, отраженных в докладе и недопущению их возникновения в будущем.

На сегодняшний день в Кыргызской Республике назрела необходимость обучения граждан правам и свободам человека и гражданина во всех образовательных учреждениях. В высших учебных заведениях целесообразно создавать кафедры, которые будут координировать занятия с последующим обобщением полученных знаний в процессе обучения.

Таким образом проведенный анализ подтверждает, что поставленные перед Омбудсменом КР задачи по правому просвещению граждан могут быть реализованы совместными усилиями государственных и общественных структур. Омбудсмен КР нуждается в научно-аналитической поддержке своей деятельности, а именно в проведении

¹ Корабельникова Ю.Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов исполнительной власти в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис.кан. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

² Корабельникова Ю.Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов исполнительной власти в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина: дис. канд. юрид. наук. М., 2007. 222 с.

исследований в области прав и свобод человека и гражданина, координации и разработке государственных правозащитных программ и проектов, подготовке специалистов, учебных программ, обучении сотрудников аппарата омбудсмента, организации публичных форумов для общества по вопросам прав человека.

Международное сотрудничество в деятельности Омбудсмента КР занимает одно из ключевых направлений. В настоящее время в целях повышения эффективности взаимодействия Омбудсмен КР заключает с национальными правозащитными институтами зарубежных стран двухсторонние соглашения о сотрудничестве. Например, в 2009 году Омбудсмен КР подписал Соглашение о сотрудничестве с Уполномоченным по правам человека Калужской области, в этом же году подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере прав и свобод человека с Уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека.

В 2016 году подписано Соглашение о двухстороннем сотрудничестве между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой в рамках Международной конференции «Защита персональных данных». Заключение данного Соглашения придало импульс развитию взаимодействия с Уполномоченным по правам человека РФ и Уполномоченными по правам человека субъектов РФ. На основании этого Соглашения¹ в России появились представители Омбудсмента КР по Уральскому федеральному округу, по Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам, по г. Курган и Курганской области; по г. Екатеринбург и Свердловской области; по г. Челябинск и Челябинской области РФ.

С 5 декабря 2017 года Омбудсмен КР – член Евразийского альянса Омбудсменов². В рамках Евразийского альянса Омбудсменов, Омбудсмен КР в настоящее время проводит плодотворную работу по защите прав трудовых мигрантов и его деятельность приносит пользу гражданам КР. В связи с эпидемиологической обстановкой «COVID – 19» под руководством Уполномоченного по правам человека РФ члены Евразийского альянса Омбудсменов разрабатывают «Кодекс действия Омбудсменов в кризисных ситуациях и чрезвычайных ситуациях»³.

¹ Доклад Омбудсмента (Акыйкатчы) Кыргызской Республики 2015-2020г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Омбудсмента (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. Режим доступа: <https://ombudsman.kg/images/files/Ombudsman'sAnnualReportru.pdf>.

² Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве: обмен лучшими практиками омбудсменов: материалы междунар. научно-практич. конф. (Москва, 5 декабря 2017 г.) / под ред. Т.Н. Москальковой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации; Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2018. 201 с.

³ Евразийский альянс Омбудсменов [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.eoalliance.org/news>.

Особое значение в развитии международного сотрудничества приобретает Министерство иностранных дел и загранучреждения¹, которые в тесном сотрудничестве с Омбудсменом КР осуществляют защиту прав граждан за рубежом. С каждым годом увеличивается число граждан КР, пребывающих в иностранных государствах, которые обращаются к Омбудсмену КР с просьбой оказать им помощь. По нашему мнению, данное направление деятельности как для Омбудсмeна КР так и для Министерства иностранных дел КР является важной задачей, а выполнить эту задачу они смогут только при тесном взаимодействии друг с другом.

Таким образом, проведенный анализ конституционно-правовых основ взаимодействия омбудсмeна, показывает, что он на должном уровне добивается восстановления прав и свобод человека и гражданина, а также имеет возможность пресекать рецидив нарушения прав человека. С этой целью омбудсмен использует различные средства и методы, которые предоставлены ему законодательством. Омбудсмен не наделен широким спектром полномочий, его роль заключается в приведении движения уже имеющихся механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее, главный принцип деятельности омбудсмeна – это совместная работа с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

¹ Борсученко С.А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. М., 2005. С. 58.

Самарский Александр Николаевич,
старший преподаватель кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России

ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Прежде чем приступить к рассмотрению основного материала заявленной темы следует отметить, что провести изолированно правовой анализ будет некорректно, и практически невозможно без связи данного исследования с происходящими на тот момент событиями, которые, в свою очередь, иллюстрируют необходимость законодательных нововведений, а также демонстрируют последствия внедренных изменений.

В конце 20-х годов XX века начало ощущаться резкое отставание советского государства от других развитых индустриальных стран, в связи с чем было принято решение осуществить ряд изменений, среди которых следует выделить следующие:

- 1) проведение объединения индивидуальных крестьян в колхозы;
- 2) раскулачивание крестьян;
- 3) индустриализация;
- 4) урбанизация сельского населения.

Суть данных преобразований состояла в том, что после проведения революции и образования Союза ССР в государстве появилось большое количество индивидуальных крестьянских хозяйств, а сельское население составляло более 80% при городском – около 15%. Это напрямую указывало об аграрном характере государства на фоне тенденции индустриализации иностранных государств. Индивидуальные хозяйства обеспечивали огромное количество продукции, которая в то же время была предназначена исключительно для личного производства, но стране требовалось много продовольствия. Однако отбирать силой у собственного народа было бы неразумно, тогда решили создавать коллективные хозяйства, которые бы не только обеспечивали продукцией самих себя, но и осуществляли бы плановые поставки большого количества продукции на нужды государства. Параллельно производилась механизация труда, появлялись заводы, требовались рабочие, что было сопряжено со значительным притоком населения из сельской местности в города¹.

Очевидно, что законодательство, действовавшее на тот момент, было уже неактуально во многих вопросах, а потому, в конечном счете,

¹ История Отечества: люди, идеи, решения : Очерки истории Сов. государства / сост. В.А. Козлов. М.: Политиздат, 1991. 364 с.

законодательство было сильно изменено, что ознаменовалось появлением Конституции СССР от 1936 года. Именно эти исторические процессы иллюстрируют актуальность темы, поскольку история обладает цикличным характером, и те негативные факторы, которые предшествовали коренным изменениям, подлежат анализу, и в случае их появления в видоизмененном состоянии, они должны быть вскрыты, а на основе прошлого опыта должна быть разработана стратегия их устранения путем наименьших затрат сил и ресурсов с сохранением высокой результативности деятельности.

В теории государства и права существует понятие «суверенитет государства», смысл которого сводится к возможности государства проводить политику в собственных интересах, а не в интересах других стран. Это можно проследить на примере марионеточных государств, наиболее известное из числа которых – «Маньчжоу-Го», созданное Японией в 1932 году, и государств-доминионов, например, Индия. А потому одним из первых шагов к этому было получение контроля над финансовыми операциями. К слову, одним из признаков отсутствия суверенитета у государства справедливо считать прекращение функций государственного банка и передача его в частные руки, тогда как Советское государство Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе»¹ поставило задачу Государственному банку СССР сосредоточить в своих руках взамен вексельной и коммерческой краткосрочную одноярусную систему кредитования, при которой сам центральный банк и другие банки по статусу приравниваются друг к другу. Данная мера позволила организовать планирование в области движения денежных потоков, что было остро необходимо в условиях ускоренных и кардинальных перемен, где от ресурсов, в том числе и финансовых, зависел суверенитет страны. Конечным этапом банковского вопроса стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 мая 1932 года «Об организации специальных банков долгосрочных вложений»². Теперь все кредитно-финансовые организации, банки, сосредоточились в ведении Народного комиссариата финансов СССР (Наркомфина), что означало отсутствие вероятности использования средств, принадлежащих Советскому государству, вне его внутри и внешнеполитических интересов.

¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1930 «О кредитной реформе». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19796#fbrtEx SYT 9A8AB8> (дата обращения: 01.02.2022).

² Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 05.05.1932 «Об организации специальных банков долгосрочных вложений» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ZZFuExSR8RxQyPpP&cacheid=CFCF490CC5E3F3A38336A485A744CF2F&mode=splus&base=ESU&n=31324#kwluExSOBYQKWhT8> (дата обращения: 01.02.2022).

Таким образом, можно утверждать о создании своеобразного денежного базиса, с помощью которого можно было начинать осуществление поставленных целей и не опасаться нехватки ресурсов.

Государству требовались огромные перемены в максимально короткий промежуток времени, а потому было сделано все возможное для генерации ресурсов, в том числе это касается рабочих рук, такая потребность обусловила необходимость государства перейти к политике экстренной и жесткой ликвидации безработицы. 20 октября 1930 года ЦК ВКП(б) принял Постановление «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью», в соответствии с которым рабочая сила аккумулировалась и распределялась по выделенным государством местам, при этом выплаты пособий по безработице были прекращены, что создало принципиальную невозможность существования человека в Советском государстве без осуществления трудовой деятельности на благо общества. А в 1933 году профсоюзы заменили все существовавшие тогда организации, занимавшиеся вопросами труда, а именно: Народный комиссариат труда и местные органы, осуществлявшие деятельность в данной сфере.

Однако безработица была далеко не самой большой проблемой в стране, поскольку существовал большой пробел в уровне грамотности среднестатистического населения, которым являлся крестьянин, сравнительно недавно освободившийся от гнета закрепощения и не имевший возможности, а иногда и собственного желания развивать умственную составляющую, тогда как в век машинных технологий требовалось большое количество работников, имеющих хотя бы техническое образование, что позволяло им работать с техникой без особого риска навредить себе или уничтожить оборудование в результате неумелых действий и отсутствия теоретической подготовки. Все это стало причиной привлечения особого внимания к образованию советских граждан, в связи с чем соответствующие обязанности были возложены на государственную инспекцию по контролю за качеством образования, что привело уже к 1939 году к совершенно другому уровню.

Таким образом, правовые изменения в начале 30-х годов XX века носили узконаправленный, точечный характер и касались, как правило, тех мероприятий, которые надлежало проводить. При этом старое законодательство фактически не переделывалось, поскольку в нем отсутствовали какие-либо упоминания о тех общественных отношениях, которые теперь следовало образовать, то есть образование колхозов, ликвидация безграмотности, отмена пособий по безработице и т. д.

Несмотря на это стоит обратить внимание на изменения в законодательстве Советского периода 1930-х годов, которые закрепили достигнутые политические и социально-экономические преобразования.

В 1936 году появилась новая Конституция СССР¹, которая заменила Конституцию 1924 года².

Конституция СССР 1924 годов носила организационно-учредительный характер для всей системы нового государства: были не только приведены содержание договора и декларации создания союза, но и перечислены положения, касающиеся правовой основы главных органов Советского Союза, существования союзных республик, входящих в состав страны, а также главных символов государства – герба, гимна и флага. Это Конституция весьма сильно отличается даже от понимания самой сущности подобного документа, поскольку от него предполагается ожидать не только указания на республиканскую форму правления, но и наличия определенных прав, свобод и обязанностей граждан. Однако подобного содержимого здесь нет, что делает ее особенной среди иных подобных экземпляров. И, тем не менее, Конституция СССР ознаменовала правовое закрепление статусов самой РСФСР, ее союзных республик, главных органов страны и ее символов, что до этого было отражено лишь в форме постановлений определенных государственных органов, то есть в некой степени это свидетельствуют о проведении работы по систематизации и обобщению имеющегося на тот момент законодательства.

Конституция СССР 1936 года значительно отличается от предыдущей и уже гораздо ближе в плане соответствия мировым стандартам подобных документов. Отличия заключаются в том, что правовая основа Конституции теперь уже представляет собой всеобъемлющий характер для таких сфер жизнеустройства страны как: высшие органы власти всего союза и отдельно взятых республик, права и обязанности граждан, суды и прокуратура, органы местного самоуправления, избирательная система, положения о столице Союза, а также порядок внесения изменений в документ. Если до этого Конституция касалась исключительно политического строя, то теперь она охватывает все сферы жизнедеятельности общества и государства, а потому формулировка «основной закон» хоть и соответствует первому документу, но все же гораздо ближе по своей сущности к новой версии Конституции.

Следует указать, что эксплуататорские классы общества были ликвидированы, поскольку отныне граждане уравниваются в своих правах

¹ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

² Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

и обязанностях; частная собственность ликвидировалась, однако лица не лишались права на личное имущество и мелкое хозяйство, основанное на личном труде, то есть частное предприятие даже с одним наемным рабочим существовать не могло; появились критерии, в соответствии с которыми участие в выборах теперь могли принимать все люди, достигшие возраста совершеннолетия, 18 лет, при условии их тайного, равного и прямого характера; впервые упоминалось о праве на труд, отдых, бесплатное образование, выплаты со стороны государства по старости, потере способности к труду, болезни и т. д. Официально утверждалась плановая система договоров между предприятиями, что по оценкам экспертов в области экономики являлось тормозящим фактором для нее, однако это справедливо для современного мирного общества, но не экономического положения СССР времен 1930-х годов; появились трудовые книжки; введена система прописки, в соответствии с которой она производилась по разрешительной со стороны государственных властей схеме.

Итак, законодательство времен 1930-х годов носило двойственный характер: с одной стороны активно разворачивалась коллективизация крестьян в колхозные организации, индустриализация и урбанизация, тогда как в то же время Союз ССР проделал серьезную работу по систематизации законодательства, что в итоге закрепилось в тексте новой Конституции СССР от 1936 года. Все же имеется существенный недостаток в ее реализации – отсутствие гарантий прав и свобод человека, поскольку многие описанные в основном законе положения могли и не соблюдаться. Тем не менее, Конституция сильно изменилась по сравнению с предыдущей версией, поскольку теперь она носила всеобъемлющий, а не политический организационно-учредительный характер и являлась основополагающим законом, уже в соответствии с которым строились положения всего советского законодательства.

Семёнов Виктор Егорович,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института СКФУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена проблемам повышения политической культуры молодежи, что является актуальным в настоящее время, так как политическая культура населения, в том числе молодежи, является важнейшим фактором формирования правового государства, ибо от осознания политических прав в значительной степени зависит возможность их реализации.

Процесс формирования высокого уровня политической культуры зависит от ряда объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов относятся форма правления и государственное устройство. К числу субъективным факторам относятся идеология и нравственные аспекты.

В настоящее время в стране признан идеологический плюрализм. После выборов в сентябре 2021 года в Государственной Думе Российской Федерации сложилось пять фракций: Единая Россия, КППРФ, Справедливая Россия, ЛДПР и Новые Люди. При такой расстановке социальных сил в Государственной Думе Российской Федерации трудно предположить, что оппозиционные партии будут иметь возможность играть конструктивную роль при решении важнейших социальных проблем населения страны. Но при этом необходимо отметить, что такая расстановка социальных сил позволит в определенной степени усилить эффективность принимаемых решений.

По нашему мнению, одним из серьезных недостатков в политической культуре населения страны является высокий процент не участвующих в выборах, как на федеральном, так и на региональном уровнях. И хотя на последних выборах процент участвующих в них повысился, эта проблема по-прежнему остается острой. Это требует перестройки всей системы формирования политической культуры населения страны, в том числе и молодежи. В первую очередь выполнения завета А. И. Солженицина «Не жить во лжи!». Это требует объективного и взвешенного подхода к информированию населения страны. В первую очередь необходимо изменение подачи материала на телевидении и интернете. Требуется изменения и подготовка журналистского корпуса, освещающего политические события, как в центральных, так и в региональных средствах массовой информации.

Участие молодежи Украины в антироссийских акциях, героизации бандитских формирований, в подпольных движениях может оказывать негативное влияние на молодежь России. Серьезную тревогу вызывают последние события в Казахстане, которые говорят о серьезных просчетах в формировании политической культуры молодежи Казахстана.

При организации политического воспитания молодежи особое внимание необходимо уделять анализу внутренней и внешней политики государства.

Остановимся на характеристике последней. С нашей точки зрения необходимо подчеркнуть, что внешняя политика России на протяжении многих веков российской государственности носила миролюбивый характер. Ярким подтверждением этого является русско-турецкая война 1877–1878 годов, целью которой было освобождение братского болгарского народа от турецкого ига. Великую освободительную миссию выполнил советский народ в ходе разгрома немецких захватчиков в ходе Великой Отечественной Войны. Интернациональная сущность внешней политики СССР проявилась в процессе борьбы народов Африки за свою независимость. Братская помощь была оказана так же народам Северной Кореи, Вьетнама, Кубы. В настоящее время подобная помощь оказывается народам Сирии. Анализ героических страниц нашей Родины должен быть в центре внимания воспитания политической культуры молодежи. Информационная политика в этом отношении должна строиться на основе принципов объективности, системности, справедливости.

При постановке воспитания политической культуры с точки зрения внутренней политики государства необходимо исходить из принципов, изложенных в Конституции Российской Федерации. Особое внимание необходимо уделять роли политической культуры молодежи в развитии гражданского общества. Для гражданского общества должна быть характерна высокая степень объединения граждан, как по месту жительства, так и на муниципальном и региональном уровне. Эти объединения могут носить как политический, так и не политический характер. Необходимо отметить, что центр политического воспитания молодежи необходимо переносить в трудовые коллективы, советы микрорайонов. В них регулярно проводить вечера встреч с участниками боевых действий, ветеранами труда. В этой работе центральным должно быть осуществление преемственности связи поколений.

С нашей точки зрения было бы весьма целесообразным положить в основу волонтерского движения принципы, лежащие в основе воспитания политической культуры молодежи.

При воспитании политической культуры молодежи нужно целенаправленно разъяснять сущность правового государства. Главной идеей развития и становления правового государства является идея создания условий для полного обеспечения прав и свобод каждого

гражданина Российской Федерации. При этом особое значение имеет обеспечение всех форм защиты как судебных, так и не судебных.

В настоящее время необходимо уделять пристальное внимание моральным факторам защиты прав и свобод человека и гражданина. Ибо крайне важно достичь такого уровня развития правосознания, при котором каждый юноша и девушка должны понимать, что их права и свободы не могут умолять права и свободы других членов нашего общества, что права и свободы других людей так же равноценны их правам. Это должно быть императивом политической культуры молодежи. При этом идеи справедливости и равенства должны определять нормативную часть политической культуры молодежи. Нормативность должна ориентировать поведение молодежи на политические идеалы и повышать эффективность вовлечения молодежи в политическую деятельность, активизировать их участие в молодежных объединениях, организациях при политических партиях и общественных объединениях.

Необходимо концентрировать внимание на таких качествах психологии молодежи: как стремление ко всему новому, новаторскому, к поиску новых, отвечающих современным реалиям, форм и методов. Например, таких как волонтерство, наставничество старших групп молодежи над младшими.

Особую роль в воспитании политической культуры играет уровень и качество его информированности. В настоящее время в мире происходит процесс кризисных явлений в области человеческих ценностей. В силу этого все с большей настойчивостью звучит призыв к реализации принципов равенства и справедливости. Это естественно обоснованное требование. В то же время оно приводит к усилению конфронтации в обществе, так как целый ряд информационных технологий направлен на политическое сознание молодежи с целью дискредитации важнейших принципов нашей Российской государственности. Нет возможности, да и наверное необходимости, анализировать появляющиеся в интернете фейки, которые носят антироссийский, бредовых характер, не имеющий под собой реальной почвы. Все это требует выстраивания глубоко продуманной программы политического информирования молодежи. В основе этой программы должен лежать диалектический метод. В ее осуществлении должны принимать участие, как органы государственной власти, законодательной, исполнительной и судебной власти, так и общественные организации. Активное участие в реализации этой программы должны принимать молодежные объединения и союзы, как созданные при политических партиях, так и обще-социальные. Особое значение при осуществлении этой программы имеют методы общения с молодежью. Они должны носить доверительный характер. От умело построенной работы, ее объективности и взвешенности зависит эффективность ее результатов.

Программа обязана учитывать опыт предшествующих поколений, позитивные традиции, накопленные нашими предками. Определенная роль в этой работе принадлежит педагогам общеобразовательной и высшей школы. От их патриотизма, педагогического мастерства, влюбленности в свое дело зависит успех в воспитании высокого уровня политической культуры школьников и студентов. Важно проведение воспитательной работы по пропаганде политических символов. В монографии Демидова А.И., Федосеева А.А. «Основы политологии» дается определение политических символов

«Политический символ – это условный образ важнейших политических идеалов, важнейшее средство их пропаганды и утверждения, зримое выражение приверженности их носителя к определенной позиции в политике»¹. В юридическом институте Северо - Кавказского Федерального университета накоплен определенный опыт воспитания студенческой молодежи на принципах уважения к атрибутивным признакам нашего государства. Заслуживает одобрения давно ожидаемое усиление внимания к воспитательной работе в общеобразовательной и высшей школе, введение должностей советников директоров по данному направлению в общеобразовательных школах и проректоров по молодежной политике в высших учебных заведениях страны. В организации воспитания высокого уровня политической культуры молодежи мы исходим из учета особенностей каждой социальной группы, обращаем внимание на формирование патриотизма и гражданственности. Внимание уделяется построению этой работы на основании умения работать всем воспитателям с учетом психологии воспитуемого. От воспитателя требуется достижения единства слова и дела. Нравственные качества воспитателя являются залогом успешной работы. Форма изложения лекционного материала кроме строгой достоверности должна носить ярко выраженный эмоциональный характер. Учебный материал должен строиться таким образом, чтобы вызывать у молодежи дискуссии, нацеливать их на умение анализировать меняющуюся обстановку как в стране, так и за рубежом. Главное в этой работе научить молодежь сопоставлять различные явления, уметь анализировать сложные узловые проблемы.

Надо целенаправленно анализировать организацию органов, государственной власти, механизм их деятельности. В политическом воспитании молодежи важное место принадлежит кропотливому изучению положений Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, Указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, соответствующих министерств и ведомств, органов власти субъектов федерации. Очень важно не только научить пониманию

¹ Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 1995. С. 171.

сущности этих документов, но и умению анализировать правоприменительную практику, ибо она в ряде случаев реализуется далеко не полностью. Нам представляется возможным рекомендовать не только широкое обсуждение этих документов и их творческий анализ, но и поиск путей эффективности в реализации этих документов. С этой целью принципиальную роль играет развитие дискуссионных и политических клубов, молодежных секций общества «Знание».

Политическая культура охватывает все важные области общественной и государственной деятельности и поэтому представляет собой многосложное явление. В юридической науке политическую культуру позиционируют как политическую культуру общества, переживающего новую стадию информационного развития. Цифровизация российского общества требует переосмысления самой концепции процесса воспитания политической культуры.

Процесс формирования политической культуры молодежи не мыслим без использования опыта предшествующих поколений. Принципиально важное значение имеет воспитание патриотизма, который определяет нравственность политической культуры. Одной из важнейших задач является аккуратное использование и советского опыта, особенно использование боевого и трудового опыта народов нашей страны.

В настоящее время большое внимание уделяется воспитанию политической культуры учащихся старших классов. Изучение истоков российской ментальности, а так же духовности населения России, имеет принципиальное значение в процессе воспитания политической культуры школьников. Необходимо добиваться того, чтобы на базе полученных знаний юноши и девушки овладевали умениями и навыками овладения, полученными навыками, для использования их для оценки поведения людей в политической сфере. Более высокий уровень политического воспитания школьников характеризуется их способностью активно использовать эти знания не только для защиты личных интересов, но и для защиты интересов общества в целом.

И, таким образом, добиваться превращения знаний юношей и девушек в твердые убеждения. Особенностью политической пропаганды является возможность оперативного анализа текущих политических событий. Проводимые социологические исследования дают возможность определить объективную картину информированности школьников в области политики. Учет и анализ информированности дают возможность корректировать принципиальные положения воспитания политической культуры.

Необходимо соблюдать принципы системности, планомерности и учета специфики каждой молодежной группы. В процессе воспитания высокого уровня политической культуры особенно важно добиваться соединения важнейших теоретических положений в области политики с

реальной практикой жизни общества. Особое внимание уделять органической связи слова и дела, ибо разрыв между словом и делом, двойной стандарт, двойная мораль наносят непоправимый вред делу воспитания политической культуры молодежи. Процесс воспитания политической культуры является составной частью общего процесса воспитания молодежи. В этом процессе необходимо учитывать изменения, происходящие в интересах молодежи в период становления правового демократического государства. В ходе процесса развития нашего государства происходит повышение уровня политической культуры. Но, характеризуя этот процесс, необходимо отметить, что он не является однолинейным, и в ряде случаев происходят негативные явления, что ярко проявляется в том, что часть молодежи не участвует в выборах в органы власти как регионального, так и федерального значения.

Трифонов Сергей Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Балмасова Алина Исмаиловна,
слушатель 5 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ МОНТЕСКЬЕ

Организация государственной власти в различные исторические этапы претерпевала значительных изменений. Формирование множества государственных институтов привело к необходимости их систематизации и объединения в зависимости от направления деятельности и области общественной жизни, на которые распространяются полномочия. Именно это и обусловило закрепление в нормативном акте, обладающем высшей юридической силой на территории того или иного государства, принципа разделения властей.

Впервые о данном принципе упомянул Шарль Луи Монтескье в конце XVIII века. Монтескье определил, что в государстве существовало три рода власти: власть законодательная, исполнительная, судебная. При этом, исполнительной властью Монтескье называл полномочия государства на международной арене, то есть полномочия объявлять войну и заключать мирные соглашения с зарубежными государствами. Судебная

же власть наделялась полномочиями по разрешению конфликтов между гражданами, назначения наказания за совершенное преступление¹. Кроме того, мыслитель также утверждал, что концентрация различных властей в руках у одного лица (либо группы лиц) создаст опасность злоупотребления властью в виду отсутствия контроля и сдерживающей силы.

Итак, анализируя вышеуказанный тезис, мы приходим к выводу о том, что, хотя Монтескье и является основоположником принципа разделения властей, однако его теория не дошла до современности в ее первоизданном виде, и претерпела определенных изменений. При этом, безусловно, согласимся с тем, что концентрация власти в руках единого лица либо правящей элиты, без ее распределения между государственными органами, может привести к узурпации власти, необъективности в принятии государственно важных решений, а также отсутствию учета мнения граждан при решении государственных вопросов.

Итак, принцип разделения властей в обществе и государстве играет немаловажную роль. Данный принцип позволяет наиболее эффективным образом организовать осуществление власти в государстве. При этом нельзя забывать и о власти народа. Принцип разделения властей будет наиболее эффективно реализован лишь при его органичном переплетении с принципом народовластия. Безусловно, большинство государств в современном мире стремятся к укоренению демократии, повышению активности гражданского общества, взаимодействующего с государством при разрешении тех или иных вопросов, имеющих значение для развития государственности. В связи с этим, мы полагаем, что принцип разделения властей должен существовать во взаимосвязи с принципом народовластия. По нашему мнению, это возможно в том случае, когда народу предоставлено право на всеобщем голосовании избирать должностных лиц, из которых формируются высшие органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Следующий немаловажный тезис, который необходимо осветить в рамках исследуемой тематики, относится к сопоставлению принципа разделения властей и принципа единства государственной власти на территории страны. Данные два принципа не противоречат друг другу, поскольку принцип разделения властей не претендует на узурпацию власти, а лишь определяет распределение обязанностей между государственными органами. Безусловно, идея разделения властей, препятствует сосредоточению власти в единых руках, однако не претендует на ее ограничение².

¹ О духе законов Ш. Монтескье. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 07.02.2022).

² Гарипова О.Н. Теория государства и права : учебно-методическое пособие / Гарипова О.Н., Щурикова Л.Г. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2019. С. 22.

По данному поводу Н.М. Коркунов отстаивает позицию, что исключить такие злоупотребления невозможно. Автором это объясняется так, что любой государственный орган состоит из должностных лиц – людей, имеющих свои пристрастия, интересы и стремления. В связи с этим, деятельность органов государственной власти всегда связана со столкновениями личных интересов должностных лиц с интересами общества и государства, в целом. В этом состоит человеческая природа – поиск наилучшего для себя. Именно поэтому государственное управление должно быть организовано таким образом, чтобы разнонаправленные мнения и стремления, личные интересы отдельных людей нивелировали друг друга. Именно в связи с этим, государственная власть должна быть вверена не одному лицу, а многим, чтобы государственно важные решения не зависели от воли одного единственного лица¹.

Возвращаясь к теории разделения властей, предложенной Монтескье, стоит отметить, что она в видоизмененном формате отразилась в законодательстве Российской Федерации, а также в законодательстве различных зарубежных государств. Итак, принцип разделения властей закреплён в ст. 10 Конституции Российской Федерации². Данная статья определяет, что государственная власть на территории России осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Ветви власти являются самостоятельными.

В настоящее время имеется три основных подхода к пониманию принципа разделения властей. Итак, приверженцы первого подхода определяют принцип разделения властей в его буквальном значении. Иными словами, сторонники данного подхода считают, что в государстве существует несколько групп государственных органов, конкурирующих между собой. Указанные государственные органы имеют свои полномочия и реализуют их в строго определенной области государственной и общественной жизни. Существенным недостатком такого подхода выступает то, что он не сопоставлен с принципом единства государственной власти, соответственно, не представляется возможным утверждать суверенитет государственной власти внутри его страны.

Второй подход определяет принцип разделения властей с идеологической точки зрения, исследуя ее социально-культурное содержание.

Сторонники третьего подхода рассматривают принцип разделения властей сквозь призму разделения государственных функций. По нашему мнению, данный подход является наиболее удачным, поскольку не

¹ Захарова Ю.Б. Теория государства и права: учеб. пособие для СПО. Саратов: Профобразование, Ай Пи Эр Медиа, 2019. С. 47.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (офиц. текст: по состоянию на 1 июля 2020 г.) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Рос. газета. 2020. № 114. Ст. 8198.

претендует на разделение государственной власти на области, а рассматривает ее в единстве. Кроме того, приверженцы данной концепции под государственной властью понимают совокупность органов и служб, наделенных государственными полномочиями в определенной области, а также выполняющих возложенные на них функции¹.

Несмотря на то, что принцип разделения властей признан во многих государствах, в научной литературе теории государства и права, а также конституционного права, учеными высказываются различные точки зрения по данному поводу. Так, В.Е. Чиркин отмечает, что «концепция разделения властей имеет прежде всего ориентирующий характер», что «в угоду догматическому его пониманию не следует закрывать глаза на реальную ситуацию». Г. Еллинека утверждал, что в различные исторические этапы предлагались различные подходы к классификации государственной власти. При этом предлагаема классификация разделения государственной власти зависела от происходящих общественных процессов в конкретный период времени².

В литературе также возникают вопросы о достаточности именно трех ветвей власти для грамотного и эффективного управления государством. По данному вопросу А.Д. Керимов отмечает, что существующая государственная система должна постоянно пересматриваться и прорабатываться для ее соответствия современным общественным реалиям. Механизм государственного управления должен постоянно совершенствоваться и развиваться. Это объясняется усложнением общественных отношений, увеличения количества взаимодействий общества и государства. В связи с развитием общества появляются все новые и новые институты и области общественных отношений, требующие упорядочения, контроля и государственного регулирования³. Отсюда мы видим, что автор придерживается точки зрения, что преобразование государственного механизма является неизбежным процессом, в связи с чем могут и сформироваться новые ветви власти, еще не известные современности. Мы абсолютно согласны с данной точкой зрения, поскольку, даже классическая теория разделения властей, предложенная Монтескье, на данный момент устарела, в связи с чем с течением времени преобразовалась.

Итак, современное представление теории разделения властей Монтескье имеет следующие основные черты. Государственная власть

¹ Гарипова О.Н., Щурикова Л.Г. Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2019. С. 28.

² Лапшина И.Е. Теория государства и права : учебное пособие. М.: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. 2020. С. 27.

³ Осипов М.Ю. Теория государства и права: учебник. М.: Ай Пи Ар Медиа. 2021. С. 51.

строится на функционировании трех ответвлений власти, которые независимы друг от друга. Именно независимость ветвей власти друг от друга выступает в роли баланса полномочий, распределяемых между органами, относящимися к соответствующей области власти.

Монтескье в своих трудах определил именно три ветви власти, на современном этапе также иное не предусматривается. Отсюда, стоит отметить, что, в частности, в России муниципальная власть не является ветвью государственной власти, что также закреплено в Конституции Российской Федерации.

Несмотря на то, что разделение именно на три ветви власти является общепризнанным принципом, в литературе существуют мнения о необходимости пересмотра данного принципа и определения иных ветвей. Так, С.А. Котляревский считает, что каждый орган государственной власти создан для выполнения определенных функций. В свою очередь, функции государственных органов могут видоизменяться в зависимости от эпохи, в связи с чем ранее созданный орган для выполнения одних функций и относящийся к одной ветви власти, может видоизмениться и относиться уже к совершенно иной ветви государственной власти. Это и создает, по мнению автора, значительные трудности при осуществлении классификации ветвей власти¹.

При рассмотрении вопроса о разделении властей также необходимо учесть мнение А.Ф. Кистяковского, который утверждал, что: «Государственная власть осуществляется не только в разных юридических формах, но и через посредство различных органов. В силу первоначально инстинктивного, а затем сознательного стремления к порядку и системе в государственной деятельности, различие функций государственной власти, по общему правилу, в большей или меньшей мере связывается с наличием органов государства, так что та или иная определенная функция осуществляется, если не исключительно, то по преимуществу, известным органом или особой группой связанных между собой органов. Нужно заметить, однако, что совпадение обоих различий, наблюдаемое в разных государствах в различной степени, никогда не является полным, т. е. никогда не бывает так, чтобы определенная функция власти осуществлялась всецело одним простым или сложным органом». Также ученый пишет: «Термин, обозначающий известную функцию власти, переносится и на тот орган, который по преимуществу осуществляет эту функцию. Например, в современном конституционном государстве под «законодательной властью» разумеется, прежде всего, право или функция законодательства, но тот же термин прилагается и к учреждению, главным образом предназначенному для законодательства, а именно к парламенту.

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Дело, 2020. С. 133.

Точно так же словами «судебная власть» обозначается как принадлежащее государству право суда, так и осуществляющие это право органа»¹.

Итак, проанализировав мнения ученых, а также исследовав современное устройство государственной власти, мы можем прийти к выводу, что теория разделения властей, основоположником которой является Монтескье, имеет свою актуальность до настоящего времени, хотя и претерпела определенные видоизменения, обусловленные развитием общественных процессов и политического устройства государства. Современное государственное управление строится на взаимосвязанном механизме трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Несмотря на уже устоявшийся и закреплённый в современном законодательстве принцип разделения властей, все еще проходит этапы своего становления и развития, в связи с необходимостью соответствия современному общественному устройству.

Чернова Эльвира Рамилевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России

ПОНЯТИЕ ЗАКОННОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Законность представляет собой основу для развития нормального цивилизованного общества, регулируемого нормами права, а также обеспечивает сбалансированные отношения между участниками правоотношений, создает для них равные условия жизни, обуславливает справедливую дифференциацию интересов людей. Принцип законности диктует государству необходимость дальнейшего развития демократии в стране. Без данного принципа невозможно поддерживать режим народовластия в стране, который закреплён в ст. 3 Конституции РФ, в его отсутствие невозможно обеспечить защиту и охрану прав свобод и законных интересов личности и общества в целом. Как обществу, так и государству в целом необходимо отказаться от попыток нарушить законность, от формального применения законодательства, и принять противоположную сторону попытки нарушить закон.

В последнее время мы можем наблюдать тенденцию по усилению роли принципа законности, тем самым отражается связь роста влияния права на общественные отношения, увеличение авторитета права, уничтожение такого понятия как правовой нигилизм, под которым

¹ Осипов М.Ю. Теория государства и права: учебник. М.: Ай Пи Ар Медиа. 2021. С. 62.

понимается отрицание правового режима страны, снижение авторитета закона, прямое нарушение права.

В теории права нет точного научного обоснования законности, в связи с многогранностью и разносторонностью данного понятия. В научной литературе имеется огромное количество интерпретаций законности, которые отражают ее с разных сторон, как принцип, метод, механизм координации, режим государственного руководства и т. д. В связи с этим необходимо отметить, что сама законность может выступать как принцип права, правотворчества, деятельности государства.

Однако рассматривая законность через призму разнообразия подходов, можно выделить следующее:

1. Законность – это неукоснительное соблюдение, исполнение, использование норм права всеми субъектами правовых отношений;

2. Законность представляет собой обязанность соблюдать и не нарушать предписывающие требования;

3. Законность может выступать координатором общественных отношений, разрешать споры в правоприменительной практике и т. д.¹

Таким образом, понятие принципа законности носит многоаспектный характер и может трактоваться, как четкое непременное исполнение предписывающих законом норм, имеющих неперсонифицированный характер действия, а также действующий на всей территории государства. В то же время идет отождествления принципа законности с самой законностью, являясь при этом гарантией обеспечения законных прав лиц, фактором укрепления правопорядка.

Выделим основные компоненты принципа законности:

– верховенство закона над всеми другими правовыми актами. Приоритет закона заключается в том, что другие акты, находящиеся ступенью ниже, не должны противоречить нормам закона, который обладает высшей юридической силой;

– соблюдение и охрана прав и свобод и законных интересов личности, а также их гарантия;

– обеспечение равенства всех граждан перед законом и судом;

– всеобщность требования исполнять нормы права. Субъектом данного требования могут быть как граждане, так и государственные органы, общественные объединения, должностные лица и так далее. Никто из перечисленных в равной мере не имеет права преступать закон, нарушить его;

– единство законности. Принцип законности распространяется на все акты, которые, в свою очередь, обязаны быть единообразными, не противоречащими друг другу, так как при толковании и применении норм

¹ Чернова Э.Р. Теория государства и права: учеб. пособие для всех форм обучения, обучающихся по направлению 400301 «Юриспруденция». Стерлитамак, 2016. С. 158.

права правоприменитель обязан понимать как суть нормы, так и применить данную норму;

- организованная и решительная борьба с нарушениями норм права, и как следствие борьба с преступностью;

- деятельность правоприменителей должна быть обеспечена посредством контроля и надзора со стороны государственных органов.

Обеспечение принципа законности в государстве напрямую зависит от политики государства, которая, в свою очередь, берет направление на обеспечение основных неотъемлемых естественных прав человека в обществе, а также обеспечение конституционных прав гражданина РФ. Сюда же включим деятельность по обеспечению основных задач по упорядочению и совершенствованию режима законности на уровне совершенствования всех сфер жизни общества.

С целью более эффективной деятельности по поддержке законности, необходимо учитывать и развивать факторы социального характера, такие как:

- духовные (основные идеи, устои, культура общества);
- материальные (положение экономики страны, материальные блага);

- юридические (уровень правовой культуры, состояние правовой деятельности);

- политические (разделение властей, состояние политики, государственный суверенитет);

- организационно-управленческие и другие.

Процесс установление режима законности основывается на базе изменения всех институтов общества. Если рассматривать законность в качестве правового понятия, то необходимо подчеркнуть, что оно включается в основу государственной политической организации. Законность, как и любой другой принцип государственной политики, обеспечивает закреплению демократического режима, а именно: направлен на реализацию гражданского общества, поддерживает правопорядок в государстве, является гарантом прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Для того чтобы в государстве действовал демократический режим и граждане этого государства могли проявлять правотворческую инициативу, необходимо развивать сам механизм законности, который призван обеспечивать основные права и свободы человека и гражданина. Именно поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что демократия и законность могут тесно взаимодействовать, а также взаимодополнять друг друга, так как демократия создает условия для реализации механизма законности, а законность создает благоприятные условия для всех институтов политической системы общества.

Развитие принципа законности подразумевает расширение демократии как одного из основных направлений политики государства, тесную работу государственных органов с населением страны в целях повышения культуры и правосознания общества. И здесь мы можем наблюдать взаимосвязь между законностью и проявлением культуры. Без должного обеспечения законности как принципа невозможно организовать деятельность должностных лиц, государственных служащих. Правовая культура населения также зависит от режима законности, действующего в государстве. Высокий уровень правовой культуры общества способствует уничтожению терпимости общества к нарушению прав свобод и законных интересов, является стабилизатором деятельности государственного аппарата.

Итак, всегда существовала острая потребность в постоянном контроле над общественными отношениями их четкое упорядочение, которое сочетается с предоставлением одновременной меры свободы и инициативы участникам общественных отношений, что порождает закрепление законности во всех сферах жизнедеятельности. Однако уровень регулирования общественных отношений напрямую зависит от деятельности государственных органов, и как следствие, от государственной дисциплины, которая всегда должна основываться на законе, а так же имеет значение потребности общества.

Таким образом, мы наблюдаем, что законность подкрепляется высокими идеалами гуманизма, которые ни в коем случае не могут быть совместимы с проявлением произвола во всех сферах жизни общества, с нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В механизме обеспечения законности в государстве необходимо разграничивать общесоциальные гарантии и юридические средства обеспечения режима законности. К общим гарантиям режима законности можно отнести уровень образования населения страны, культурно-ценностные ориентиры, экономическую стабильность страны, социальную обеспеченность населения, материальную обеспеченность граждан и др.

Государство выступает в качестве основного гаранта правозаконности, обеспечивая работу закона, устанавливая общеобязательность его исполнения при помощи механизма принуждения. Правозаконность, закрепляя направление политики государства, обеспечивает механизм реализации субъективных прав и обязанностей, регулирует деятельность государственных органов и их иерархию, взаимодействие с различными организациями, политическими партиями, общественными движениями, гражданами. Законность в качестве юридического принципа является связующим звеном между государственным аппаратом и его должностными лицами. И это неслучайно, так как в юридической доктрине правозаконность

рассматривают в качестве одного из основных правовых методов разрешения социально-политических конфликтов¹.

Специфику действия механизма законности можно наблюдать при выборе способов и методов разрешения конфликтных ситуаций. Решение таких ситуаций представляет собой компромисс в рамках правового поля между спорящими сторонами, с учетом интересов конфликтующих сторон.

Поиск компромисса и как следствие разрешение конфликта становится возможным при условии, что государство будет выступать в качестве равноправного субъекта правоотношений, а не в роли главенствующего участника отношений.

Обеспечение законности реализуется путем установления гарантий, связанных с государственным принуждением. Однако на самом деле, как известно гарантией правомерного государственного принуждения является сама законность, а значит, государственное принуждение не может быть единственной гарантией законности, выступая больше средством профилактики преступлений, правонарушений, элементом ответственности и наказанием, за совершенное деяние, охраной порядка и закона в государстве.

Таким образом, различные трактовки определения законности порождаются не столько сложностью и разносторонностью исследуемого объекта, сколько терминологической неопределенностью и двусмысленностью.

Принцип законности, как один из основополагающих принципов в деятельности тех или иных структур органов власти, имеет огромное значение для становления и развития как общества, так и государства в целом, поскольку является базисной основой, определяющей суть, содержание и структуру деятельности государства. Законность включает в себя особый режим, в рамках которого соблюдается неукоснительное соблюдение правовых норм. То есть в данном случае предполагается точное, четкое исполнения всеми субъектами общественных отношений, а именно, должностными лицами, гражданами, организациями, государственными органами, законов и других норм, установленных законодательством.

¹ Шагиев Р.В. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие. М.: Норма, 2015. С. 110.

Чомаев Альберт Ансарович,
аспирант 2 курса,
ассистент кафедры теории
и истории государства и права
Юридического института СКФУ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ СФЕРУ ОБЩЕСТВА

Начавшийся XXI век назван эрой «цифровой революции»; все больше становится направлений человеческой деятельности, испытавших на себе ее влияние. Не стала исключением и сфера действия права. По темпам цифровизации, по данным Аналитического центра при Правительстве РФ, Россия сегодня относится к числу лидеров¹. Цифровизация продолжает оставаться одним из наиболее приоритетных направлений государственно-правовой политики в России. Среди национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», указана необходимость «ускоренного обеспечения внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере». А в прошлом, в 2020 году, Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве национальной цели названа «цифровая трансформация».

Цифровизация оказывает влияние на правотворческую деятельность. Еще в 1997 году была запущена автоматизированная система законодательной деятельности (АСОЗД), а в 2017 году – на смену ей пришла более современная государственная автоматизированная система «Законотворчество», известная как «Электронный парламент». В 2019 году стало известно о разработке совершенной иной системы «Нормотворчество», позволяющей, по аналогу с «Википедией» осуществлять «поправки» к проектам нормативных правовых актов². Все это позволяет существенно автоматизировать процесс подготовки проектов нормативных правовых актов, устранив необходимость «бегать» по различным комитетам парламента или ведомственных органов власти.

¹ Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития: Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-a-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitia-26801> (дата обращения: 28.04.2021).

² Власти назвали дату запуска сервиса для работы над законами «по принципу Википедии»: Cnews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-10-30_vlasti_nazvali_datu_zapuska (дата обращения: 28.04.2021).

Цифровизация правотворческой деятельности повлекла за собой необходимость разработки специализированных порталов, которые бы позволяли оперативно опубликовывать информацию о подготовке проектов нормативных правовых актов и их принятии. Размещение правовой информации с помощью цифровых технологий сегодня приобретает ту же юридическую силу, чем бы если она была опубликована в традиционных, печатных, изданиях органов государства (ст. 9.1 Федерального закона от 14.06.1994 № 5 «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»). Речь идет об «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Порталы правовой информации могут образовываться и на уровне субъектов РФ для размещения, соответственно, региональных нормативно-правовых актов. Например, такие порталы функционируют в Ставропольском крае (www.pravo.stavregion.ru), в Республике Татарстан (www.pravo.tatarstan.ru), Башкортостан (www.npa.bashkortostan.ru), в городе Санкт-Петербург (www.gov.spb.ru).

Размещение правовой информации с помощью цифровых технологий способствует правовому просвещению населения. Кроме официальных порталов правовой информации, представляется, необходимо включить и официальные сайты органов государственной власти, органов местного самоуправления, на которых публикуется в том числе информация о действующих актах и порядке их применения.

Однако наиболее важной правовой сферой является правореализация. Чтобы реализовать субъективное право или юридическую обязанность достаточно воспользоваться конкретной цифровой платформой, позволяющей сэкономить как время, так и материальные ресурсы. К числу таких цифровых платформ, в частности, следует отнести ЕИС «Госуслуги», ЕИС «Госзакупки», ЕИС «Нотариат», ГАС «Выборы», ГАС «Законотворчество», ГАС «Правосудие», «Электронное правосудие», ГИИС «Электронный бюджет», ГАС «Управление», АИС «Налог-3», ГАС «Государственный оборонный заказ», ГАС «Правовая статистика», АИС «Адвокатура», ЕС межведомственного электронного взаимодействия. В правореализации важным направлением остается использование такого цифрового инструмента как видеоконференцсвязь, которая уже используется при проведении судебных заседаний (ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 153.1 АПК РФ, ст. 278. 1 УПК РФ, ст. 142 КАС РФ, ст. 29.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Ввиду начавшейся в 2020 году пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) и деятельностью по предотвращению ее распространения, технологии видеоконференцсвязи оказались очень востребованными. Благодаря именно возможностям видеоконференцсвязи, которая использовалась во время пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)

при проведении заседаний Правительства РФ, глав государств, Федерального Собрания РФ, в деятельности иных органов власти, различных учреждений и организаций, во многом удалось обеспечить их беспрепятственную работу. В том же году в городе Москва и Нижний Новгород впервые были применены возможности дистанционного электронного голосования в общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию РФ¹.

Воздействие цифровых технологий, однако, не ограничивается правотворчеством, правореализацией и правовым просвещением. Современному праву достаточно хорошо известны, ставшие полноценными правовыми институтами, такие понятия как «электронный документ», «электронный документооборот», «электронная подпись». Так, в 2019 году цифровизации подверглись трудовые книжки, в 2021 году – ожидается появление цифровых паспортов. В 2020 году из-за предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) введены QR-паспорта, а в 2021 году – электронные сертификаты о вакцинации против COVID-19 и о положительном тесте на COVID-19. Отсутствие QR-паспорта влекло невозможность воспользоваться определенными услугами, а электронного сертификата против COVID-19 или положительного теста на COVID-19 – въехать или выехать из определенной территории. В цивилистике сегодня прорабатывается концепция «электронного договора», «смарт-контрактов», «цифровой валюты», «криптовалюты», «виртуальной собственности»². В 2019 году Федеральным законом от 18.03.2019 № 34 в Гражданский кодекс РФ введена статья 141.1, предусматривающей цифровые права в виде разновидности имущественных прав³. Сегодня получает свое теоретическое осмысление концепция и «электронного лица», как предполагается, автономного носителя искусственного интеллекта⁴.

Таким образом, цифровизация влияет на правотворческую деятельность, правореализацию, правовое просвещение населения, выступающая средством, обеспечивающим человеческую деятельность в

¹ О Порядке дистанционного электронного голосования при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 04.06.2020 № 251/1850-7. Вестник ЦИК России. 2020. № 5.

² Минбалеев А.В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Теория государства и права. 2019. № 4 (73). С. 58–64.

³ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34. Российская газета. 20.03.2019. № 60.

⁴ Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2 (13). С. 36–55.

сфере права, облегчающую осуществление субъективных прав и юридических обязанностей. Вместе с тем цифровизации подвергается и само право, вследствие чего появляются совершенно новые правовые институты – электронная подпись, электронный договор, цифровые права, виртуальная собственность, криптовалюта. Учитывая возможности цифровых технологий в сфере права этот вопрос продолжит оставаться в числе актуальных.

Шеуджен Нурдин Асланович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

ВИДЫ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Начать исследование нам представляется необходимым с понятийного аппарата, так как понятия и определения являются основой всего, любой отрасли права и т. п. Форме государственного устройства, ее понятию и видам уделяется повышенное внимание в научной и учебной литературе.

В теории государства и права понятие формы государства относится к важнейшим характеристикам государства. Форма государства отражает, как оно устроено и функционирует, в каких формах функционирует государственная власть, какими органами она представлена, каков порядок их образования и деятельности и т. п.

В литературе под формой государства принято понимать способ организации государственной власти. В частности, такое определение дает Кочетков В.В.¹ Аналогичное понятие дает и Долгополов П.С.²

Выделяют три нижеследующие элементы формы государства:

во-первых, форму правления;

во-вторых, форму территориального (государственного) устройства;

в-третьих, политический (государственный режим)³.

Три данные составляющие раскрывают сущность и содержание формы государства. Если про форму правления мы еще поговорим, то

¹ Кочетков В.В. Формы государственного устройства в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века и современный российский конституционализм // *Lex russica*. 2017. № 2. С. 155–165.

² Долгополов П.С. Понятие, признаки и форма государства // СПС Консультант-Плюс. 2020.

³ Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 330 с.

хотелось бы сейчас пару слов сказать о политическом режиме. Отметим, что исследованием политической системы общества и политических режимов занимается не только теория государства и права, как фундаментальная юридическая наука, но и иные гуманитарные науки, в частности, политология и социология, поэтому к ее изучению необходим комплексный и системный подход. Политические системы общества, их виды, сменяли исторически друг друга, так как такая система общества должна отвечать объективным потребностям общества и государства на современном этапе их развития.

Политическая система общества и государственно-политический режим оказывает непосредственное влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, а также на правовую систему государства. Во многом установление в государстве того или иного вида (типа) политического режима зависело от исторических событий, так как они являются сильнейшим объективным фактором, который оказывает влияние на все сферы деятельности общества и государства. Анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу, что все политические режимы подразделяют на две основные группы: демократические и недемократические политические режимы.

Политический режим является важной характеристикой любого государства и является элементом формы государства. Политическим режимам, как и форме правления, свойственно сменять друг друга. Данная смена, как показывает история, также осуществляется чаще всего принудительным путем с использованием силы.

Если смотреть формы государственного устройства, то в основном выделяют две:

- унитарные;
- федерации.

Также еще принято выделять конфедерации, как особую территориальную форму государства.

Форма государства проявляет себя в системе государственных органов и отношений, которые складываются между ними и обществом в целом. Следует отметить, что виды форм государства многообразны, что обусловлено определенными причинами объективного характера. Также следует иметь в виду, что форма государства зависит от типа государства. Например, феодальному государству в наибольшей степени присуща монархия, а буржуазному государству – республиканская форма правления. Безусловно, есть исключения из данной закономерности, которой подчинялось большинство государств в процессе своего исторического становления и развития.

Если говорить об унитарном государстве, то ему присущи следующие характерные признаки: полное политическое и территориальное единство. В унитарном государстве могут быть

административные единицы, но они не обладают политической самостоятельностью, как субъекты в федерации и конфедерации. В унитарных государствах для населения установлено единое гражданство и единый государственный аппарат.

Как показывает практика, унитарные государства отличаются простой формой управления государством, построенной на централизации, что нельзя сказать о федерациях, где существует два уровня власти – федеральный и региональный. На современном этапе унитарными государствами являются Англия, Греция, Турция и др.

Федерации являются сложными государствами, которые состоят из различных образований, обладающих высокой степенью политической самостоятельностью¹.

Другой особой формой территориального устройства государства является конфедерация, которая всегда вызывала и вызывает много споров как в политологии, так и в теории государства и права.

Конфедерация представляет собой союз или объединение государств, при котором эти государства, полностью сохраняют свою самостоятельность, имеют свои собственные высшие органы власти, управления и правосудия. Конфедерация создается для достижения определенных целей. Акты, принимаемые на уровне конфедерации, подлежат утверждению высшими органами власти объединившихся государств².

Порядок вступления в конфедерацию и выхода из нее определяется самими государствами – членами конфедерации по взаимному соглашению. Конфедерация является необычной формой государственного устройства, так как каждый член конфедерации по сути, является самостоятельным государством, что отсутствует в федеративной форме государственного устройства³.

Сейчас мы не будем очень подробно останавливаться на характеристике форм государственного устройства, так как данному аспекту будет посвящена отдельная часть нашей работы.

Таким образом, в рамках данной части нашей работы мы дали определение форме государства и сделали вывод, что она является очень важной характеристикой государства и состоит из трех элементов, тесно взаимосвязанных между собой. Форма государства в большинстве случаев

¹ Семеновский И.Д. О некоторых особенностях государственно-территориального устройства современных федеративных государств // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 38–41.

² Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 330 с.

³ Семеновский И.Д. О некоторых особенностях государственно-территориального устройства современных федеративных государств // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 38–41.

зависит от типа государства. Все понятия, связанные с государственностью – форма государственного устройства, форма государства, политический режим и форма правления все очень тесно взаимосвязаны между собой, поэтому в литературе их всегда рассматривают в единстве и взаимосвязи. Причем данные понятия исследуются не только в теории государства и права, но и в обще гуманитарных науках, например, в социологии.

Также мы рассмотрели формы государственного (территориального) устройства. Сделан вывод, что форма государственного устройства представляет собой структурный элемент формы права, характеризующий внутреннее административно-территориальное устройство государства и взаимодействие высших органов власти страны. Мы видим, что традиционно выделяют две формы территориального устройства государства – федерации и унитарные государства. В качестве особой формы государственного (территориального) устройства на современном этапе выделяют конфедерации, которые характеризуются таким признаком, как право выхода членов конфедерации из союза. Также мы привели примеры современных стран мира с разными формами территориального устройства.

Перейдем к общему анализ форм государственного устройства и их классификации.

Итак, в научной и учебной литературе, в теории государства и права можно встретить различного рода классификации форм государственного устройства. Например, предлагается такой критерий, как наличие или отсутствие суверенитета у составных частей государства. В зависимости от данного критерия все формы государственного устройства подразделяют на две большие группы:

Во-первых, проста форма (унитарное государство).

Во-вторых, сложная форма, к которой относятся федерации и конфедерации¹.

Унитарный вариант является преобладающим в мире. Для этих государств (называемых еще слитными и простыми) характерно наличие следующих основных признаков:

1. Единая конституция.
2. Единая система высших органов государственной власти (глава государства, правительство, парламент).
3. Единое гражданство.
4. Единая система права.
5. Единая судебная система.

¹ Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 330 с.

6. Территория унитарного государства подразделяется на административно-территориальные единицы, не обладающие какой-либо политической самостоятельностью¹.

Территории, в отличие от государства, не вправе по своему усмотрению устанавливать и взимать налоги. Унитарные государства бывают централизованными – Норвегия, Румыния, Швеция, Дания и т. п. и децентрализованными – Испания, Франция и др., в которых крупные регионы пользуются широкой автономией, самостоятельно решают переданные им в ведение центральными органами вопросы.

Унитаризм предполагает централизацию всего государственного аппарата, прямой либо косвенный контроль над муниципальными органами в административно-территориальных единицах. Унитаризм вызван потребностями единого капиталистического рынка, удобствами осуществления государственной администрации и не связан с этической или расовой структурой населения.

Федерация (от лат. *foederatio* – союз, объединение). В отличие от унитарного государства она сложна и многолика и в каждом конкретном случае обладает уникальными специфическими особенностями. Федерациями являются такие страны, как США, Канада, Австралия, Бразилия, Мексика, Аргентина, Германия, Швейцария, Индия и, конечно, Россия².

Суверенитет является важным свойством государства, поэтому положен в основу данной классификации. Государственный суверенитет представляет собой независимость государственной и политической власти как на национальном, так и на международном уровнях. Суверенитет является важнейшим свойством государства, которое вместе с функциями выражает его сущность. Однако, анализ теории государства и права позволил сделать вывод, что существует несколько подходов к определению сущности государства, которые также обуславливают разные подходы к пониманию государственного суверенитета.

На наш взгляд, наиболее прогрессивным является общесоциальный подход, так как в наибольшей степени соотносится с идеями правового и демократического государства.

На сегодняшний день также высказываются «опасения» по ограничению государственного суверенитета в связи с активным развитием международного сообщества и в связи с возрастанием роли международных организаций³.

¹ Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Указ. соч.

² Там же.

³ Красинский В.В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. 2015. № 7. С. 5–10.

Данное связано во многом с проходящими на сегодняшний день процессами всемирной глобализации, которые затронули все сферы жизнедеятельности – экономическую, политическую, правовую и другие. Мировое сообщество вышло на новый этап своего развития, что сказывается на всех государствах¹.

Однако, опасения вызывают политические вооруженные конфликты, которые в последнее время очень часто вспыхивают в мире. На примере последних таких конфликтов мы видим, что многие страны, а также международные организации, не ценят суверенитет государств, позволяют его нарушать, что является недопустимым. Каждое государство должно уважать государственный суверенитет другого. Данное также непосредственно связано с концепцией и идеей построения правового государств, которыми себя провозгласили большинство стран современного мира.

Однако, очень часто в доктрине названные элементы рассматриваются именно в контексте форм государственного устройства, так как облают с ними рядом общих черт. На сегодняшний день данный вопрос приобретает все большее и большее значение, что связано с активно происходящими на современном этапе процессами всемирной глобализации.

Международные организации, объединения и содружества играют огромную роль на международной арене, что особо активно прослеживается в последнее время, характеризующееся тяжелой политической обстановкой, экономическим кризисом, пандемией и наличием в мире вооруженных политических конфликтов².

Мы не будем заострять наше внимание на видах и формах межгосударственных образований, которые имеют общие черты с формами государственного устройства, так как данный аспект выходит за пределы заявленной темы, является вопросом для самостоятельного исследования.

Таким образом, в рамках данной части нашего исследования мы рассмотрели виды форм государственного устройства. Сделан вывод, что в зависимости от наличия или отсутствия суверенитета у субъектов, все формы государственного устройства принято в доктрине подразделять на два основных вида – простые и сложные. Унитарные государства являются простой формой государственного устройства, а к сложным – относятся федерации и конфедерации. Мы видим, что различного рода союзы, международные организации, содружества и т. п. не относятся к формам государственного устройства, хоть и обладают некоторыми признаками таковых. Мы видим, что на сегодняшний день повышенное внимание

¹ Красинский В.В. Указ. соч.

² Там же.

уделяется вопросам суверенитета государства, так как он является его важнейшей характеристикой. Высказываются опасения, что все возрастающая роль международных организаций может негативно сказаться на суверенитета государств-участниц, ограничить его. Поскольку многие государства при вступлении в определенные объединения, например, ООН, НАТО, передают часть своих полномочий международному объединению.

Научное издание

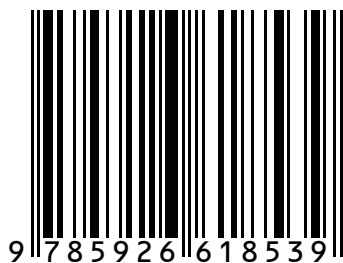
ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сборник научных статей

В авторской редакции

Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1853-9

Подписано в печать 13.05.2022.

Авт. л. 14,2. Заказ 38.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.